

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/1360433>

Издержки профессии

Направленность: Слэш

Автор: [Ginger_Elle \(https://ficbook.net/authors/479376\)](https://ficbook.net/authors/479376)

Беты (редакторы): -Апельсинка- (<https://ficbook.net/authors/314274>)

Фэндом: Ориджиалы

Пейринг или персонажи: фотограф/модель

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Драма, Психология, Любовь/Ненависть

Предупреждения: UST

Размер: Макси, 79 страниц

Кол-во частей: 12

Статус: закончен

Описание:

От ненависти до любви один шаг, но и обратно – тоже.

Макс, самый обыкновенный студент, чтобы помочь родственнику, соглашается пойти на кастинг к известному фотографу. По воле случая для нового проекта выбирают именно его. Но Максим в действительности никакая не модель, а фотограф – настоящий изверг, и тем не менее между ними начинает возникать чувство.

Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

Примечания автора:

Условия заявки соблюдены не вполне точно. Есть небольшие вариации.

ТОС

ТОС	2
Глава 1	3
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	51
Глава 9	59
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12	83

Глава 1

Макс переложил последнюю котлету – если этот комок можно было назвать котлетой – на тарелку, поставил сковородку в мойку и залил водой. Одно название, что антипригарное покрытие. Прекрасно всё пригорело. Посуду сегодня мыть тоже ему – его очередь. Хотя последнее время даже если и не его, всё равно моет он. У Стаса на работе завал, а он сам полдня дома. Подготовку к практическим в универе никто не отменял, но свободного времени всё-таки больше, чем у дяди.

Сегодня хотя бы ужин от начала до конца готовить не пришлось. Котлеты приготовила Катя. Она, кроме того что работала в рекламном агентстве Стаса дизайнером по полиграфии, была его подругой и время от времени оставалась ночевать, заодно и сварить-пожарить что-нибудь могла. Вот эти котлеты, к примеру. Правда, они уже месяц как лежали в морозилке: Катя их сделала ещё до того, как уехала на курсы в Питер. Макс вроде всё, как она говорила, сделал: разморозил, обвалял в сухариках, положил на сковородку... Но потом что-то пошло не так.

Он посмотрел на часы: уже восемь. Стас обычно возвращался до семи. Значит, опять куча работы в офисе. После отъезда Кати её обязанности выполнял не очень-то опытный стажёр, да ещё Диман, главный помощник Стаса, отработав на прошлой неделе последний день, отбыл покорять Москву. Макс был в курсе всех событий, происходивших в маленьком рекламном агентстве «С-Медиа». «С» – в честь Станислава Андреевича Гартмана, разумеется.

Стас приходился Максиму дядей, но так как разница в возрасте была небольшой, всего восемь лет, он называл его просто Стасом, как мать или бабушка с дедушкой. Так сложилось, что в последние годы приглядывал за Максимом как раз Стас. Бабушка умерла, дедушка был Максиму неродным и особого интереса к нему не испытывал: отчима даже мать называла по имени-отчеству Андреем Йозефовичем. Андрей Йозефович (из поволжских немцев, оттуда и фамилия с отчеством) даже с сыном не очень сердечно общался, и Стас навещал его только по праздникам.

Оставался отец. Он, бесспорно, где-то существовал. Возможно, именно сейчас он исключительно приятно существовал где-нибудь на Канарах или Карибах, Макс этого не знал. Отец был фигурой мифической.

Услышав, как в двери повернулся ключ, Макс вышел в прихожую встретить Стаса и забрать пакеты из магазина. Анфиска, ленивая пушистая кошка, тоже соизволила выйти посмотреть на хозяина. Пока Макс расставлял продукты в холодильнике, Стас расспрашивал про учёбу точно так же, как делал это, пока племянник учился в школе. Сейчас Макс заканчивал четвёртый курс университета, но за его успехами всё так же пристально следили.

Макс перечислил всё, что было интересного, хотя интересного было мало, и спросил, как дела на работе. Стас лишь рукой махнул:

– Полная жопа. С одной стороны, хорошо, что есть заказы, с другой – кому их делать-то?.. Не хватает людей, все чуть не по двенадцать часов на работе сидят!

– Ты же подавал объявление куда-то.

– Ну да, и в газеты местные, и на сайты. Приходят люди, но толковых почти нет. Или без опыта совсем. Одного хочу взять. Попробуем воспитать бабу-ягу в своём коллективе.

– Зачем ты мне так советовал на строительный идти? – спросил Макс. – Пошёл бы я на какой-нибудь другой факультет, мог бы тебе помогать. Рисовать там что-нибудь... или с бухгалтерией.

– Ты и так помогаешь, – устало махнул рукой Стас.

Макс на самом деле помогал с работой, которая не требовала высокой квалификации.

– Нет, Макс, ты всё правильно сделал. Будет нормальная специальность, а не как у меня.

Стас закончил факультет журналистики, но, так как город был не очень большой, периодических изданий, не считая рекламных, было мало. Естественно, работу по специальности да ещё и хорошо оплачиваемую найти было тяжело, но собственное рекламное агентство, пусть пока и не очень прибыльное, тоже было неплохим вариантом.

Макс пожал плечами и поставил сваренный ещё вчера сразу на два дня рис разогреваться в микроволновку.

Когда Стас, умывшись и переодевшись в домашние футболку и шорты, пришёл на кухню, ужин уже стоял на столе.

– Макс, что это? – Стас с тревогой рассматривал злополучные котлеты.

– Куриная ножка, – огрызнулся Макс. – Не узнал, что ли?

– Блин, Макс, я серьёзно. – Стас сел за стол, чтобы рассмотреть ужин поближе. – Хотя пахнет съедобно.

– Это Катя делала, – отмазался Макс, пододвигая тарелку поближе.

Кухня в новой квартире была большой, хотя ещё не до конца обустроенной. Деньги успешно поглощал кредит, взятый Стасом, чтобы съехать от отца. От Макса помощи было немного. До этого он полтора года работал у одного частного: делал проекты ландшафтного дизайна для загородных домов, но тот взял постоянного сотрудника на полный день, и последние два месяца Макс был без работы. Отец присылал деньги редко, к Новому году и ко дню рождения, но сразу много, так что назвать Макса совсем уж нахлебником было нельзя.

– Знаешь что? – заговорил Стас, расправляясь с котлетой и задумчиво разглядывая Макса. – Раз уж ты про помощь заговорил, сделай-ка одно доброе дело.

– Какое?

– Сходи в студию к Алине, она тебя пофотографирует. Будет у тебя портфолио.

– Зачем оно мне?

– Тебе-то, конечно, ни к чему, а мне очень даже пригодится. Тут намечается один очень доходный проект, нужны модели. Ты еще одноклассников поспрашивай, вдруг кто согласится. Правда, я денег заплатить не могу. Если так, по дружбе кто...

– А куда портфолио? Я так и не понял.

– Диман ещё до того, как в Москву свалил, нашёл один заказ. Просто мечта, а не заказ... Бабла за него отвалят – мама не горюй. Можно потом полгода не работать. Но сначала стулья, потом деньги, аванса не дают. Тут к нам в город приезжает один фотограф, звезда, очень известный, я про него, конечно, не слышал, он совсем в других сферах вращается. Сам понимаешь... Будет снимать серию рекламных фото. Мы обеспечиваем ему, так сказать, тылы: студию, рабочее место, транспорт, всяких там ассистентов – с собой он только одного привезет, фоны, то есть места для съёмок, и всё прочее. Ну, это я ему всё найду, без проблем. Надо ещё моделей. Причём много. Сначала отошлём фотографии, они выберут одного и потом сюда приедут снимать где-то в конце июня.

– Я же не модель, – возразил Макс.

– Да какая разница, мне для массовки надо. Ну, чтобы создать видимость выбора. Уже с местными модельками со всеми договорился. Но у нас в основном одни девки, парней всего шесть человек, которые подходят. Это несерьёзно как-то, шесть... Вот и думаю твои фотки ему послать, ещё там чьи-нибудь.

– Свои пошли, – усмехнулся Макс.

– Я не подхожу. Мне выслали бриф, там всё описано: цвет волос, глаз, комплекция, тип лица, возраст. А вот сижу, смотрю на тебя и думаю: ты как раз под все требования подходишь. Ты у нас парень симпатичный, чем не модель...

– У меня рост не модельный совсем.

– Тебе же не по подиуму ходить. Только фотографироваться, – пояснил Стас.

– Блин, Стас, не хочу я фотографироваться! Ещё посылать куда-то потом эти фотки.

– Да ладно тебе, что тебе стоит сделать пару кадров? Чё ты ломаешься как девочка!

– Ну, сделаю я эти фотки, и что дальше? – раздражённо спросил Макс. – К тому же в конце июня я не могу, у меня сессия.

Стас заржал, чуть не захлебнувшись чаем.

– Ты что, уже решил, что тебя выберут, что ли?! Да не будут тебя снимать, не парься. Говорю же, для массовки. Там, знаешь, какие мальчики из агентств!.. На тебя даже не посмотрят.

– А что этот твой супер-пупер фотограф из Москвы модель не привезёт? И на кой ему здесь снимать понадобилось?

– Он сюда приезжает по своим делам на полтора месяца, вот и решил совместить. И этот проект ему как-то неожиданно достался, считай, на этой неделе шлём фотки, а через три недели уже съёмки пойдут. Из Москвы сюда кого-то везти на полтора месяца сложно, наверное... Я не знаю точно. Да и у мужика этого ещё фишка какая-то насчёт заезженных лиц, он всё новое ищет...

– А что за проект?

– А, реклама чая какого-то.

Макс состроил презрительную гримасу.

– Если бы машины, например, или мотоциклы... Чай. Я не хочу рекламировать чай.

– Макс, ты совсем дурак?! Не будешь ты рекламировать чай! Кому ты нужен, гуманоид!

Макса уже лет пять так никто не называл! Он аж взбесился. Гуманоидом его, хоть и редко, называли ребята в старом дворе, ещё когда они жили в одной квартире с бабушкой и дедушкой. У Макса было лицо, сильно сужающееся книзу и заканчивающееся острым подбородком. Сейчас черты лица изменились, но в детстве эта остренькая мордашка, маленький нос, бледная кожа и откровенно неудачно выбранные мамой новые солнечные очки напомнили кому-то из мальчишек зеленых человечков. Кличка «гуманоид» сильно не приклеилась, отчасти потому, что Макс озверело бросался в драку, едва только слышал что-нибудь про инопланетян. Его до сих пор воротило от них – даже от логотипа сети «DNS». Принципиально в эти магазины не заходил.

В конце концов они со Стасом договорились, что завтра Макс пойдёт в студию к Алине фотографироваться. Алина была хорошей знакомой Стаса и владелицей небольшой фотостудии в том же бизнес-центре, где арендовало офис «С-Медиа». Во всех буклетах эта студия была представлена как часть рекламного агентства, хотя на самом деле ею не являлась. Возможно, это на самом деле прибавляло маленькому агентству немного солидности.

Вечером Макс распечатал показанное Стасом описание модели. Да, он подходил. Разве что кроме причёски: по брифу предполагался блондин с короткой стрижкой, а у него были тёмно-русые волосы длиной чуть ли не до плеч. Стас сказал, что для предварительных съёмок причёска не имеет значения.

Макс, чистя зубы перед сном, ещё раз посмотрел на себя в зеркало. Определенно, не урод. Но черты лица не очень типичные... Излишне острые, резкие. Папочкины гены, наверное...

Отсидев последние пары и пообедав в университетской столовой, Макс отправился в студию к Алине. Там уже сидела её знакомая, представившаяся визажистом.

Фотосессия прошла быстро, быстрее, чем подготовка к ней. Подготовка включала в себя художественное взлохмачивание волос, намазывание лица тональным кремом (для ровного тона и чтобы не блестело), махание по лицу кисточкой с какой-то бурой пылью (ах, какие у мальчика скулы) и тыкание в глаза карандашом. Этого Макс вынести уже не мог. Он непроизвольно начинал моргать и жмуриться и ничего не мог с собой поделать.

Алина заставляла его принимать позы разной степени нелепости, что у Макса не очень-то получалось, меняла на нём одежду, а под конец вообще решила снимать в одних трусах. Он наотрез отказался. В итоге они договорились на фото без футболки, но в джинсах. Тут же подбежала визажист и опять чем-то его вымазала, как она объяснила, чтобы рельеф мышц смотрелся выигрышнее. Макс не замечал у себя особого рельефа мышц. Он был довольно худым и уж точно не накачанным. В общем, тело без особенностей.

Отмывшись от фотосессии, Макс спустился в офис дяди, находящийся этажом ниже. Там, как всегда, царил радостный хаос. Постоянных сотрудников, считая самого Стаса, было всего четверо, но всегда носилась куча тех, кто работал сдельно.

Стас сидел за компьютером и разглядывал фотографии: Алина уже успела скинуть ему несколько штук без обработки, просто перегнав из NEF в JPG.

– Слушай, Максик, тебя не узнать! – сразу заявил Стас. – Ты и выглядишь как-то взрослее и... умнее, что ли.

– Очень смешно! – огрызнулся Макс.

– Нет, правда, ты посмотри! Вот эта, например. Что за взгляд, просто хищник, роковой мужчина, мачо...

– Сволочь ты, Стас... Я тебе помочь хотел. – Макс развернулся и вышел из кабинета.

Стас выскочил вслед за ним и обнял за плечи.

– Да ладно, мелкий, не дуйся. Это я так, любя... Видно, что ты старался.

– Да это Алина всё. Смотри так, смотри сяк.

На следующее утро Стас отослал фотографии какой-то Маргарите Полушиной. А уже в пятницу эта самая Маргарита прислала ответ: Ви понравились две кандидатуры, и он приедет в среду посмотреть на них вживую. Одним из двух оказался Максим Ларионов.

Макс был готов убить дядю.

– Стас, ну что я буду делать? – возмущался он, шагая по залу от дивана к телевизору и обратно. Анфиска лениво пыталась подцепить его лапкой, когда он пробежал мимо. – Я же не модель ни фига! Я не пойду!

– Нет, Макс, придётся тебе сходить, – не отставал Стас, который сидел в кресле и, разложив гладильную доску, отутюживал бледно-лиловую рубашку. – Не могу же я теперь сказать, что подсунул им своего племянника.

– Раньше надо было думать! «Кому ты нужен! Гуманоид!» – передразнил его Макс. – Сам и придумывай, как будешь меня отмазывать.

– Да сходи ты к нему на кастинг этот, не съест он тебя. У меня контракт, понимаешь, Макс! Мне этот контракт кровь из носу сейчас нужен. Я бы с ипотекой сразу расплатился.

- Что мне там делать? Я же не знаю ничего... Ходить там перед ним? Или что? Или как?
- Спросим у Алины. Ну, походишь перед ним немного, от тебя не убудет.
- Ага, наверное, старый педик какой-нибудь, а я ходить перед ним должен, – не унимался Макс. – Сам теперь и ходи, раз придумал эту хрень!
- Ничего он не старый! Ему тридцать семь лет.
- Да, это ещё лучше! Педик в расцвете сил!
- Макс, уймись! Просто сходи, – урезонивал его Стас. – Пожалуйста, для меня это очень важно.
- И что это за имя вообще такое? Ви...
- Ну, он Воскресенский. Наверное, сокращение такое.

Макс бесновался и ругался целый вечер, пока Стас не выгнал его спать в свою комнату (сам он спал в зале на диване), но, конечно, в итоге согласился. Он не мог отказать Стасу. Кроме дяди, у него никого не было, и Макс не мог его подвести.

Глава 2

Дни, оставшиеся до приезда Алексея Воскресенского, Макс провёл не столько за учёбой, хотя и начиналась сессия, сколько за подготовкой к кастингу. В его представлении, на отборе должна была быть куча кандидатур, но тут фотограф диктовал свои правила, и ему почему-то понравились только два лица. Вторая модель, парень из агентства, которого звали Марат, был совсем другого типа. У них, несмотря на то что все характеристики по брифу совпадали, не было абсолютно ничего общего. К тому же Марат был ростом метр девяносто с лишним, чуть не на голову выше Макса.

Особо лжемодель, конечно, не напрягался. Его тайным планом было провалиться на отборе, потрясти всех своим непрофессионализмом и вернуться к нормальной студенческой жизни.

Стас и какие-то его знакомые, немного понимающие в этих делах, напротив, серьёзно озаботились тем, чтобы сделать из Макса настоящую модель: заставляли смотреть журналы, запоминать позы и ставили видео с записью кастингов. Стас даже хотел вести его в парикмахерскую «стричь патлы», но племянничек упёрся.

– Чего ради? Всё равно я не пройду.

– Ну не похож ты на модель! Должен же быть какой-то стиль, а не просто так, что выросло.

– Вот такой у меня стиль, – дулся Макс. – Натуральный. Как в описании проекта.

Он наконец просмотрел вместе со Стасом это описание. Оно было на английском, на русском наличествовала только короткая аннотация. Стас язык знал вполне сносно, в отличие от Макса, который такой текст смог бы прочитать только со словарём.

Фотографии делались для рекламы чая, но не какой-нибудь «Принцессы Нури». О таком чае ни дядя, ни племянник никогда в жизни не слышали. Назывался он «The Silver Leaf» – серебряный лист, хотя правильнее было бы назвать его золотым или платиновым. Чай этот стоил от шестисот долларов за баночку в зависимости от сорта. Были ещё и варианты в пакетиках – вообще за какие-то безумные деньги. Производители регулярно размещали рекламу своего продукта на разворотах глянцевого журналов, но в основном таких, каких в обычном киоске или в супермаркете не увидишь. Изредка она появлялась в «Vogue» или в «L'Officiel», но читательская аудитория этих журналов не могла в массе своей позволить себе таких напитков, поэтому реклама печаталась в каких-то элитарных изданиях, которые распространялись эксклюзивно среди обладателей яхт, самолётов, замков, виноградников и личных островов.

Последние пять лет бренд «The Silver Leaf» позиционировался не как чайный, а как средство для красоты. Что-то вроде: пейте наш чай за бешеные деньги, и от этого вы похорошеете и помолодеете сами собой, без кремов и операций. Чай продвигался под слоганом «Beauty. Naturally». Это и дало Максиму основания полагать, что его толком никем и никак не стриженные волосы вполне подходят под определение естественной красоты.

Для новой кампании планировалось сделать серию разных по тематике снимков с одной моделью, которая представала бы в разных ситуациях, так или иначе ассоциирующихся с

естественностью. Сюжеты ещё не до конца оформились. Воскресенский был известен своим неуживчивым характером и поэтому на немассовых проектах, вроде этого, где не предполагалось координировать работу нескольких моделей, визажистов, парикмахеров, осветителей и костюмеров, обходился без директора съёмок и всё продумывал сам. Как написала Маргарита Полушина, оказавшаяся агентом Воскресенского, над сюжетами тот пока ещё размышлял, но несколько из них были предложены заказчиком и являлись обязательными. На прочие Воскресенский получил карт-бланш – он считался профессиональным и креативным фотографом. Но Маргарита в разговоре со Стасом пообещала, что в этой серии излишней оригинальности не будет: всё должно быть максимально естественно.

Заказчику требовалось представить восемь сюжетов (по несколько снимков в каждом). Так как всегда была вероятность, что какие-то из них не устроят тот или иной отдел в компании, сюжетов нужно было сделать больше. Сколько – Маргарита точно не знала.

В пятницу у Макса должен был быть первый экзамен, и подготовка к кастингу, намеченному на среду, оказалась, мягко говоря, неуместной. Хорошо, что экзамен был по экономике: к ней не надо так серьёзно готовиться, как, например, к какому-нибудь проектированию железобетонных конструкций.

Стас в великий день унёсся из дома с утра пораньше, чтобы организовать всё к прибытию Воскресенского. Тот приезжал в девять утра на московском поезде. Нужно было сначала отвезти фотографа в гостиницу, а потом на отбор. Под последний была арендована лучшая в городе студия. Между этими двумя делами Стас метнулся домой, чтобы привезти Макса. В этом отношении он не доверял ни общественному транспорту, ни даже такси, опасаясь, что племянник куда-нибудь свернёт по дороге.

Макс плохо спал ночью, с ужасом думая про кастинг. Вид у него утром был какой-то усталый и нервный. К обеду, когда дядя приехал за ним на своём белом «Ниссане-Кашкае», он слегка пришёл в себя. В студию Макс поехал, вцепившись в тетрадь с конспектами по экономике.

– Оставь ты её в машине! – взмолился Стас, чуть ли не силой выволакивая племянника с переднего сиденья. – Что ты обнял эту драную тетрадку?! Выглядишь как идиот. Форрест Гамп какой-то...

– Щас за «идиота» сам пойдёшь перед камерой вертеться, – пробормотал Макс, но совершенно беззлобно, на автомате.

Стас, пользуясь служебным положением, устроил так, чтобы Марата смотрели первым: так у его кандидата был шанс подглядеть, что его ожидает, что-нибудь запомнить и скопировать – и не выглядеть совсем уж валенком. Сам он, разумеется, предупредил фотографа и прибывшую с ним небольшую команду, что Ларионов – начинающая модель.

– В двадцать-то лет? – фыркнула Маргарита, оказавшаяся невысокой брюнеткой воинственного вида, с мальчишеской стрижкой и вьедливыми зелёными глазами. – Что-то поздновато начал.

Первым этапом стала стандартная студийная съёмка перед однотонными фонами в разном освещении. Макс из противоположного тёмного конца большой студии смотрел, что делает Марат: в принципе, ничего сложного. Того, чего он боялся больше всего, вообще не было. На записях он часто видел, что модель должна «работать», то есть принимать разные позы и менять выражение лица без подсказки, из головы. Вот если бы ему сказали, как встать и как смотреть, он бы сделал, но выйти к незнакомым людям и начать кривляться перед ними он бы не смог. Марата просто фотографировали. Не совсем как на паспорт, конечно: просили повернуться, улыбнуться, наоборот, нахмуриться, задуматься, расслабиться и так далее.

Когда очередь дошла до него, Макс поплёлся в пятно света. Дядя шептал ему какие-то напутствия, но он ничего не слышал: сосредоточился на том, чтобы принять бодрый и позитивный вид, хотя шёл как на расстрел.

Как он и думал, фотографа и его ассистентов ему практически не было видно, так как глаза слепил свет, а люди наполовину были скрыты за фотоаппаратами, штативами, отражателями и осветительными приборами. Снимали его сразу на две камеры, видимо, чтобы получить несколько ракурсов.

Команды – ну да, натуральные команды, как собачке, – Максу давала ассистентка. Сам Воскресенский только фотографировал, изредка бросая какие-то непонятные фразы, от которых помощница и осветители начинали бегать и что-нибудь подкручивать. Из всего сказанного до Макса дошёл смысл только последней реплики, когда «звезда» прямо-таки наорал на несчастную ассистентку по поводу какого-то штатива:

– Опять этот штатив! Кто его мне поставил?! Соня! Соня, ну что за хуйня! Сколько раз говорил, в ремонт сдать или выкинуть к... ладно, не при дамах...

Макс чуть не завертел головой, ища, где тут дамы. Ассистентка Соня на даму не походила. Она была здоровая, как лошадь, выше Макса ростом, широкоплечая и сутуловатая и говорила хриплым прокуренным голосом. Лицо парень толком рассмотреть не мог, но из женских признаков у Сони присутствовали большая грудь и каштановая коса до пояса.

– Регулировка совсем никакая! – ругался Воскресенский. – Падает сразу на полметра вниз. Кто мне опять поставил эту дрянь?! Вот этот, смотри, плавно работает. Плавно, понимаешь?!

«Ага, скажи ещё, что не можешь творить в таких нечеловеческих условиях!» – думал про себя Макс.

– Невозможно работать! – отозвался фотограф, как будто услышав его мысли.

В общем, Воскресенский Максу сразу не понравился. Он оказался скандальным, высокомерным и вечно недовольным типом. На моделей он вообще внимания не обращал, словно их и не существовало.

Потом весь табор переехал в другое помещение – Воскресенскому понадобилось

естественное освещение и какое-то особенное окно. Через несколько минут Марата пригласили туда. Дверь закрылась.

После того как Макс освежили макияж, он сердито покосился на дядю.

– И что они там делают?

– Понятия не имею, – пожал плечами Стас. – Увидишь.

– Знаешь что? Ты мне по гроб жизни будешь должен за это шоу!

– Тише ты! – шикнул на него Стас. Он, разумеется, никому не сказал, что Макс – его родственник, поэтому они не должны были разговаривать слишком уж по-семейному.

Подошла очередь Макса. Он неуверенными шагами вошёл в комнату, оказавшуюся обыкновенным офисным кабинетом. Большое окно с низким широким подоконником было распахнуто настежь, снятые жалюзи валялись тут же на полу.

Макс наконец-то смог рассмотреть Воскресенского. До этого он понял только, что это здоровый темноволосый дядька в голубых джинсах и, несмотря на летнюю жару, светло-серой водолазке. Коротко остриженные волосы фотографа и правда были тёмными, но виски оказались почти полностью седыми, становясь белыми очень резко, без всякого перехода, как по линии.

Воскресенский был загорелым, и золотистый загар явно был привезён из других широт. Ярко-голубые прищуренные глаза так и светились на смуглом лице. В общем и целом мужчина был приятной наружности, но недовольно поджатые тонкие губы и пренебрежительный взгляд портили всё. Макс решил, что у фотографа определенно «звёздная болезнь».

– Снимай рубашку, – буркнул Воскресенский, не отрываясь от ноутбука, где уже просматривал фото Марата. – Надевай вон ту, белую. Не застёгивай.

Макс подчинился. Голос и тон у фотографа были такие, что у Макса аж коленки дрожали. Это тебе не Алина, с которой можно было пререкаться и спорить.

– Давай на подоконник, – скомандовала Соня. – Прислонись к откосу. Ты должен смотреть на улицу задумчиво, как будто там вечерний мегаполис на закате. Прикинем тебя на такой сюжет.

Сел Макс без проблем, но «смотреть задумчиво, как будто там вечерний мегаполис» у него не получалось. За окном была котельная городской больницы и большая парковка – ладно, это не беда, представить можно всё что угодно. Проблема была с закатом. Вместо него прямо в лицо било яркое солнце.

Макс забрался на подоконник с ногами, принял задумчивый вид, прислонился к стене – всё, как просили.

– Ты чего сидишь как за партой? – спросила Соня. – Поестественнее будь, расслабься.

– Господи, что за коряга, – тихо прокомментировал фотограф.

Кровь бросилась Максу в лицо, но он сжал зубы, мысленно сосчитал до пяти и сел немного по-другому, расслабив плечи, и уставился в окно.

– Не жмуриться! – гавкнул из-за фотоаппарата Воскресенский. – Глаза открой!

– Так солнце же! – возразил Макс. – Я не могу не жмуриться.

– Терпи.

– Можно я в другую сторону буду смотреть?

– Нет, свет должен быть на лице, – вмешалась Соня.

– Так же невозможно. Сами попробуйте!

– Ты что, учить меня будешь?! – рявкнул Воскресенский. Макс так и вздрогнул от строгого окрика. Ну и вляпался же он! Ладно, осталось совсем чуть-чуть...

Он собрал волю в кулак, на секунду опустил лицо вниз, расслабил веки, немного поморгал и открыл глаза. Борьба с собственными рефлексамися оказалась ой как тяжело. Глаза пытались зажмуриться сами собой, но он упорно смотрел в окно, не прямо на солнце, конечно, но всё равно на яркий свет. При этом ему нужно было сохранять умиротворённо-задумчивое выражение лица.

В голове у него крутилось что-то насчёт того, а не испортится ли у него зрение от таких экспериментов. Говорят, на сварку смотреть нельзя и на солнце во время затмения... А вот так можно, что ли?

У Макса слёзы потекли из глаз, и он отвернулся в сторону.

– Ну всё, не могу больше.

– Ладно, – презрительно процедил сквозь зубы Воскресенский. – Отсняли кое-что. Может, будут нормальные кадры.

Фотограф подошёл к подоконнику, развернул лицом к себе, не очень-то нежно ухватив парня за подбородок, потёр большим пальцем щеку, словно проверяя устойчивость макияжа, и вернулся к фотоаппарату:

– Сиди так.

Макс поднял руку к лицу, чтобы стереть тёкшие по лицу слёзы, но Воскресенский прикрикнул:

– Не трогать!

Опять защёлкал фотоаппарат. Макс сидел на подоконнике, смотрел, куда велено, и думал, что сейчас заплачет по-настоящему, если его немедленно не отпустят. Вроде ничего с ним ужасного не делали, но было в этих приказах что-то настолько унижительное, неприятное. Не столько в самих приказах, сколько в тоне, которым они отдавались...

Фотограф отошёл от камеры и заглянул в ноутбук, пробормотав что-то нечленораздельное. Они с Соней обменивались какими-то репликами, под конец ассистентка довольно громко сказала:

- Ой, с мокрыми ресничками заяц какой получился. Миленький...
- Вообще не в образе, – буркнул Воскресенский.
- Так этот сет всё равно не в продакшн, – пожала плечами Соня. – Просто симпатично...
- И что? За «просто симпатично» денег не платят.
- Ви, если я тебе не нужна больше, пойду покурю, – сказала Соня, поднимаясь из-за ноутбука.

Макс, до этого тихонько сидевший на подоконнике, осмелился спросить:

- Мне уже можно идти?
- А, ты тут, что ли?.. – рассеянно глянул на него Воскресенский. – Иди.

Макс чуть не бегом вылетел из комнаты. Как люди моделями работают... Смотрят на тебя как на пустое место. Как на плесень какую-то. Мерзко от этого на душе.

Только вернувшись в студию, Макс понял, что унёсся от Воскресенского в белой рубашке, а свою оставил там.

«Фак! Фак, фак, фак, – пронеслось в голове. – Придётся возвращаться».

Он пошёл назад по коридору. В комнате остался один только фотограф, он с кем-то разговаривал по телефону, присев на подоконник.

- Да, я на сегодня записан. Воскресенский. – Он бросил равнодушный взгляд на Макса, который забрал со стула свою клетчатую рубашку с коротким рукавом. – Не на попозже перенести, а на пораньше. Я освободился быстрее, чем рассчитывал. Может, есть время? Нет, именно у этого врача.

Макс повернулся к Воскресенскому спиной, скинул белую рубашку и быстро надел свою. Он даже пуговицы до конца застёгивать не стал – вышел из кабинета. Когда он закрывал за собой дверь, то заметил, что фотограф проводил его взглядом.

Макс пошёл домой один: у Стаса ещё оставались дела в студии. На крыльце он увидел Соню, докуривавшую сигарету. Он не собирался с ней заговаривать, но она сама его окликнула:

- Ну что, пацан? Как тебе?
- Как-то не очень... – честно признался Макс.
- Ты совсем, что ли, новенький? Это у тебя которые съёмки?
- Четвёртые, – соврал Макс.
- Сразу видно, что опыта никакого. Мы ещё в Москве троих ребят отщёлкали, которые могут сюда приехать. Платят-то им не очень много, а жить тут долго придётся.
- А чё платят мало?
- Смотря какой контракт с агентством заключишь... У них вот такие. Им невыгодно сюда надолго ехать, а если туда-сюда мотаться, деньги на дорогу уйдут. – Соня щелчком послала окурочек в урну. – У тебя агент-то есть?
- Да, конечно.

– Кто?

Чёрт! Вот приставучая баба!

– А, этот, вы его знаете, – нашёлся он. – Станислав Гартман.

– Он ещё и агент?

– Ну да... У нас не столица, всё маленькое... или по совместительству.

«Господи, что я такое несу?! – думал Макс про себя. – Надо тему менять, а то она ещё что-нибудь спросит».

– Будешь? – поинтересовалась Соня, доставая из маленькой сумки через плечо пачку «Marlboro». Макс несколько не удивился бы, если бы деваха достала «Беломор».

– Нет, спасибо. Я не курю.

– Бережёшь зубки и цвет лица? – усмехнулась Соня. – Правильно, тебе надо.

– А Воскресенский всегда такой... ну, злобный? – спросил Макс.

Соня прикурила от зажигалки и исподлобья посмотрела на парня:

– Нет, не всегда. Обычно ещё злобнее. Он не самый, конечно, плохой вариант, но работать с ним непросто. Он всегда был с характером, а после... В общем, он близкого человека потерял, и совсем с ним тяжело стало.

– У меня мама погибла в аварии, – ни с того ни с сего брякнул вдруг Макс.

– Ну, ты тогда понимаешь, наверное. Ви – садюга тот ещё. Девочки от него даже, бывает, плачут.

– А почему вы его Ви зовёте?

– Его все так зовут. Он учился фотографии в Чикаго. Его фамилия для местных – просто ужас какой-то, ну они и звали его или Алекс Ви, или Ви-Сётин.

– Что-то я не понял последнее.

– Ну, В-тринадцать. У него в фамилии тринадцать букв, – пояснила Соня.

Макс попрощался с ассистенткой и пошёл по жаре на автобусную остановку. Ехать до дома было долго, и он попробовал читать конспекты по экономике, но ничего не получалось: в голову лез проклятый хам-фотограф, его свинское обращение и окрики. Так бы и дал скотине между глаз, так ведь нет, надо перед ним быть пай-мальчиком! Впрочем, это он сейчас такой смелый... Там он даже пикнуть не смел. Слушался и повиновался. Если бы ему Воскресенский из окна третьего этажа выпрыгнуть приказал, он бы и то, наверное, выполнил.

Глава 3

Трагедия произошла в понедельник. Макс сидел в своей комнате и готовился к следующему экзамену, когда с работы позвонил Стас. Говорил он тихо-тихо, словно находился сейчас на совещании и разговаривал чуть ли не из-под стола:

- Слушай, тут такое дело с этим кастингом...
- Что опять? – чуть не взвыл Макс.
- Они тебя утвердили.
- Ты... ты... ты домой лучше не приходи! Я тебя убью! Думай лучше, как теперь выкручиваться. Ты меня втравил в это дело. Я тебе помочь хотел... для массовки... а я теперь...
- Тихо, без паники! – уговаривал его Стас.
- Я не буду фотографироваться. Я не умею! И этот Воскресенский – последняя сволочь, гад и садист. Я к нему за километр не подойду.
- Ну, значит, не всё с тобой так плохо, раз он тебя выбрал. Может, у тебя дар, талант...
- Это у тебя дар во всякую дрянь влезать. Я не пойду, понял? Сам решай, что ты им скажешь!
- Ладно, давай без истерик. Дома поговорим, – Стас положил трубку.

Макс читал про такое только в книгах и никогда не думал, что сделает это сам, но он кусал со злости подушку: злился Макс и на Воскресенского, за то, что тот его выбрал, и на дядю, за то, что втянул его в идиотскую аферу, и на себя самого, за то, что согласился в тот самый первый вечер сфотографироваться для отбора. А ещё он понимал, что как ни бесись, как ни ругайся, подушку хоть на куски порви, а идти на фотосессию ему придётся ради Стаса.

Вечером они для вида и очистки совести наизобретали пару десятков отмазок (одна нелепее другой), но все они в конечном итоге ударили бы по бизнесу Стаса. Он уже вложил в этот проект, и потеря контракта выльется в неминуемые убытки, не фатальные, конечно, но чувствительные для маленького рекламного агентства.

До старта проекта оставалось около двух недель. За этот период Максиму надо было подготовиться к съёмкам (такое ощущение, что на подготовку к сессии всем было плевать). Маргарита выслала список того, что ему нужно было сделать. В конце она приписала отдельно большими буквами: «ВОЛОСЫ НЕ ТРОГАТЬ!!!» и пояснила, что на первую фотосессию приедет стилист из Москвы и подстрижёт модель сам, а то вы, мол, в своём Мухосранске настрижёте такого... (Последнюю фразу она, конечно, не писала, но и так было понятно.)

Из всей подготовки существенно сказались на Максе только две вещи. Во-первых, ему пришлось каждый день ходить в спортзал (хотя он не верил, что за две недели занятия дадут хоть какой-то заметный эффект). Во-вторых, ему сделали – естественно, по указке этой стервы Полушиной – совершенно ужасный пилинг. Он пошёл в салон, даже не зная толком, что это такое. Там тётка втёрла ему в лицо какую-то дрянь, от которой кожу жгло так, что слёзы из глаз лились (гадина сидела рядышком и вытирала их ватным тампончиком). Это был ад. Пятнадцать минут в камере пыток. Ненависть к Воскресенскому и его подручным укреплялась.

На прощание тётенька-косметолог выдала ему баночку крема и сказала мазать каждый день: такие процедуры летом обычно не делают, и теперь лицо надо серьёзно защищать от солнца. Утешила она его тем, что делается пилинг обычно шесть раз, а у него время только на один.

Но то, что было потом, превзошло даже экзекуцию в салоне. Кожа сначала покраснела, потом стала коричневой, а потом вообще начала облезать клочками. Стас во искупление вины возил его на консультации и экзамены на машине. Макс даже в такси с такой рожей было стыдно садиться. По университетским коридорам он пробегал тайком, словно ниндзя, как можно ниже натянув на лицо капюшон толстовки. Разумеется, от одноклассников такое было не скрыть. Он соврал, что лицо ему обожгло паром в русской бане. Никто не усомнился. Девчонок у них в группе было всего пятеро, да и те, видимо, таких издевательств над собой не допускали, так что даже они не догадались, что это был пилинг. Слово-то какое противное...

К началу съёмок лицо пришло в относительно нормальный вид, а кожа действительно стала более гладкой. «Как у поросёночка», – прокомментировал Стас.

На этот раз Воскресенский приехал не на поезде, а на своей машине, между прочим, «Кадиллаке-Эскалейд». Соня прикатила на «Лансере», у которого вся задняя половина была забита под потолок каким-то фотобарахлом.

Первый день был отведён на подготовку к съёмкам. Стас увёз Воскресенского с ассистенткой куда-то за город смотреть «декорации». Макса отдали в распоряжение того самого стилиста, который оказался невысоким, худым, похожим на серую птичку мужчиной лет сорока. Он очень обыкновенно выглядел, очень обыкновенно одевался, но стоило ему сказать два слова, как сразу становилось понятно, что он гей. Макс не то чтобы ожидал, что стилист явится в перьях или кожаной кепке на голове и с радужным флагом наперевес, но Влад выглядел уж очень заурядно для столичного гея.

Макс опасался, что на голове ему устроят такое, что опять будет непонятно, как и какими тайными тропами проникать в университет, но всё обошлось: волосы лишь чуть-чуть осветлили, а стрижка оказалась вполне классической, разве что впереди чёлка осталась длиннее основных прядей.

– Её можно будет по-разному укладывать в зависимости от образа, – пояснил Влад. – И так, и вот так, и даже вот так можно. И ещё вот так! – показывал он, вертя чёлку как вздумается. Макс косился на него с опаской.

На следующий день съёмочная группа с кучей реквизита и в сопровождении Стаса выдвинулась в направлении коттеджного посёлка Раздолье. Там дядя договорился насчёт съёмок в одном из огромных дорожных особняков.

Когда приступили к работе, времени было уже одиннадцать утра. В гостиной коттеджа устроили почти полную темноту, опустив рольставни, растопили камин и нарядили уже причёсанного и подкрашенного Макса в рубашку, кашемировый свитер и брюки из тонкой шерсти. Воплощение британского стиля и уюта...

Он ещё не успел сесть на положенное ему место неподалёку от огня, как уже стало невыносимо жарко. Кондиционер работал, но в почти тридцатиградусную жару, перед камином и в окружении изрядно греющих осветительных приборов толку от него было мало. Соня рядом излагала суть сюжета:

- Персонаж на фоне камина. В правой руке чашка на блюдце, рука вытянута вперёд – протягивает чай женскому силуэту на переднем плане. Поворот лица три четверти, взгляд не на камеру, а немного правее, в сторону силуэта.
- Тут нет никакого силуэта, – осмелился заикнуться Макс.
- Силуэт нам не нужен. Вот кресло стоит, потом немного изгиб ему подправим, и всё. Ориентируйся по нему.
- Ладно, начали, – скомандовал Воскресенский, занявший место за фотоаппаратом.

Макс всё сделал как положено. Но, боже, какая же была жарень... От камина волнами шло тепло. Фотограф два раза щёлкнул камерой, потом начал совещаться с Соней. Макс воспользовался передышкой и опустил чашку на пол – у него буквально через минуту от сиденья в неудобной и неустойчивой позе заболела спина, да и руке тоже было не очень приятно. Блюдце громко звякнуло по куску пола перед камином, выложенному плиткой. Воскресенский, смотревший до этого в настройки камеры, тут же высунулся из-за штатива:

- Позу держим!
- Но вы же пока не фотографируете, – возразил Макс. Из-за камеры донеслось нечленораздельное шипение, напоминавшее ругань.
- Ви работает с настройками, – пояснила добрая Соня. – Чашка должна быть правильно подана в кадре, поэтому сейчас она должна находиться на своем месте.

Макс поднял ее обратно, вздохнув.

- Она была не здесь, – язвительно заметил Воскресенский.

Ну да, возможно. Макс не помнил до сантиметра, как у него раньше рука располагалась.

- Э... Вот так?
- Нет, – отрезал фотограф. – Что за бестолочь?! Где они выкопали его? Кроме лица, вообще ничего нет! Ни капли мозга! Работать не умеет...

Максу очень хотелось сказать, что вообще-то Воскресенский сам его выбрал, но находил более безопасным не раздражать маньяка ещё больше. Возня с настройками длилась ещё продолжительное время, и к тому моменту, когда нужно было делать кадры, рука у Макса отнималась. Казалось, чего тут сложного – неподвижно держать чашку, но после нескольких минут это было уже практически невозможно. Он опять опустил руку. Воскресенский выскочил из-за фотоаппарата как ужаленный.

- Так, слушай сюда, сопляк! – Он склонился над Максом и, вцепившись ему в волосы, заставил задрать вверх голову и посмотреть на себя. – Если ты ещё раз не выполнишь моих указаний – вылетишь отсюда! Понял? Держи позу, или я сейчас звоню этому

Гартману, и пусть везёт тебя домой к маме и папе.

Макс с нескрываемой ненавистью глядел на фотографа. Тот тянул его за волосы весьма ощутительно, но эта боль почти не чувствовалась в сравнении с тем, как горячо и тесно стало у него в груди, где сердце так и колотилось. Макс подумал, что сейчас не выдержит и врежет Воскресенскому, а там будь что будет...

– Ты зачем его за волосы дёргаешь? – послышался из дальнего конца зала недовольный вопль Влада. – Испортил всё!

Рука разжалась, а Макс, хотя и сидел, умудрился отпрыгнуть в сторону.

– А ты что здесь делаешь? – спросил Воскресенский, глядя в сторону стилиста. – Я же сказал: никаких посторонних.

– Ну, Ви, если я тут посторонний, – обиженно заявил Влад, входя в круг света, – то и причёсывай сам! Я на первом же поезде в Москву вернусь.

– Ладно, извини, – пробормотал фотограф. – Просто этот... этот... мартышка эта! Руки из жопы растут, честное слово, чашку не может удержать!

Макс уже открыл рот, чтобы высказать своё мнение по этому поводу, как Влад ухватил его за плечо.

– Вставай! Сейчас подправлю волосы.

Они вместе вышли в соседнюю комнату, где стилист в походных условиях организовал нечто вроде гримёрки. Свежий воздух, нормальная температура... Боже, какое счастье! Макс расстегнул две верхние пуговицы на рубашке, чтобы хоть немного отдышаться.

Влад усадил его перед зеркалом и для вида пару раз провёл расчёской по волосам.

– Всё, теперь порядок. Отдохни немного.

Только тут до Макса дошло, что стилист вытащил его со съёмки не из-за испорченной причёски, а просто чтобы дать передых.

– Спасибо, – сказал он, чувствуя, как затёкшие мышцы расслабляются. Это тоже было больно, но и как-то по-особенному приятно.

Ладони Влада легли ему на плечо и нежно сжали.

– Давай помассирую, – предложил он.

– Нет, не надо! – дёрнул плечом Макс. – Я как-нибудь сам. То есть, спасибо...

Господи, ну что за дурдом!.. В одной комнате сумасшедший фотограф хочет поджарить его живьём, и чтобы он при этом ни в коем случае не менял позы; в другой домогается озабоченный стилист... Единственная надежда на спасение: он так надоест Воскресенскому, что тот его погонит с проекта. Но что тогда будет со Стасом? Начальство ведь с моделями не общается и в тонкости не вникает, виноват в провале

будет организатор.

Оставшаяся часть съемок прошла не многим лучше: Макс погибал от жары возле камина, проклятая чашка так и ходила ходуном в уставшей руке, а Воскресенский ругался. Ему всё было неладно. Он постоянно требовал от модели какого-то другого лица и чувства во взгляде, но весьма сложно было с теплотой и любовью смотреть на «женский силуэт», когда поблизости отпускают насчёт тебя и твоих умственных способностей комментарии один хуже другого.

Макс думал, что мог бы изобразить на лице что-то похожее на теплоту и нежность, если бы этот урод Воскресенский не портил весь настрой своим негативным отношением. В конце концов, после небольшого перерыва-перекура, Макс собрался с силами и смог отсидеть две минуты с нужным выражением лица и лёгкой полуулыбкой.

Воскресенский выдавил из себя нечто вроде:

– Вот это сойдёт.

Макс ушёл переодеваться. Всё тело под одеждой было сырым и горячим, корни волос тоже стали влажными. Но всё это было ерундой по сравнению с тем, как болели рука, плечо и спина.

Стас, до этого слонявшийся где-то по окрестностям, повёз его домой. Но сил не было даже на то, чтобы наорать на него. Макс откинулся на спинку кресла и рассказал, что вытворял сегодня на съёмке Ви (он сам не заметил, как тоже начал так его называть).

– Ты подожди раскисать, – заявил дядя. – Это первый день. Потом привыкнешь, полегче станет.

– Нет, Стас, не станет. Он больной на всю голову. Там в сюжетах дальше бассейн есть – он меня точно утопит.

– Ну, что я тебе могу сказать... Отступить некуда, позади Москва.

– Да знаю я, что теперь уже некуда, – вздохнул Макс, уставившись на дорогу.

Следующий день был выходным, но только не у Макса, который, потеряв вчера на съёмках полдня, теперь готовился к последнему экзамену. Чем занимался Воскресенский и его люди, он не знал и знать не желал.

Темой завтрашней фотосессии назначили «вечер трудного дня»: для сюжета про сорт чая, придающий бодрости и поднимающий жизненный тонус, модель должна была предстать в образе успешного бизнесмена, который в конце дня черпает силы и вдохновение в чашке живительного напитка. Макс искренне считал, что для образа бизнесмена он слишком молод и будет выглядеть неправдоподобно, но никого это, похоже, не смущало.

Влад заявил, что сделает его на вид постарше и посерьёзнее. Соня сказала, что всем плевать, лишь бы было смазливое личико. «Это же для женщин реклама. Они в основном

этот чай и покупают, – пояснила она. – Тут тонкий расчёт: красивая женщина в рекламе иногда вызывает зависть читательниц, мол, вон как ей естественным образом всё досталось, да и молодая ещё. А на красивого молодого человека всем приятно посмотреть». Воскресенский вообще ничего не говорил: сидел в углу и что-то изучал в телефоне, пока кабинет «успешного бизнесмена» приводили в окончательный товарный вид перед съёмками.

На этот раз неудобных поз не было: Макс сидел в большом уютном кресле перед роскошным полированным столом, одетый в совершенно обалденный деловой костюм. Причём Воскресенский настоял, что костюм нужно надеть полностью: и брюки, и подходящие по стилю ботинки, хотя в кадре модель было видно только до пояса.

– Пусть почувствует себя в образе, – заявил он.

Через десять минут после начала съёмок фотограф объявил, что всё не то. Команда молчала, пока не понимая, что бы это значило.

– Не похоже. Не похоже это на бизнесмена в конце рабочего дня.

Макс про себя злорадно хихикнул – я же говорил!

– Он, – Воскресенский кивнул в сторону Макса, – слишком свеженький. Должна быть всё-таки какая-то лёгкая усталость в глазах, а сейчас утро.

Фотограф почесал заросшую двухдневной чёрной щетиной щеку и распорядился:

– Всё оставляем так до вечера. Собираемся, ну, скажем, в половине десятого вечера. Съёмки начнём ровно в десять.

Макс вскочил из-за стола. Его это никак не устраивало! Он не мог проторчать тут полночи – у него завтра в восемь экзамен.

– Я не могу так поздно. Можно пораньше? В восемь хотя бы?

Все повернулись к нему и уставились как на сумасшедшего. Неужели кто-то осмелился перечить великому и ужасному Ви?!

– Я сказал в десять – значит в десять, – удивительно спокойным тоном произнёс Воскресенский, окидывая взглядом вышедшего вперёд Макса с головы до ног. По выражению его лица сразу было понятно: он мог бы и в восемь подъехать, но сказанного менять не будет. Принципиально.

Макс стиснул зубы и пошёл переодеваться. С Воскресенским спорить было бесполезно. Уходя, он услышал насмешливый голос фотографа:

– Оно ещё и разговаривать умеет...

– Может, планы какие... Все же живые люди, – вступилась Соня.

– Мне его планы...

Дальше Макс не слышал – закрыл дверь. Вернее, хлопнул ею со всей силы.

Всего планировалось отснять десять сюжетов. Один был готов. Осталось девять. Девять кругов ада. Алексей Воскресенский в роли Люцифера. Максим Ларионов в роли грешника.

Глава 4

После первых двух фотосессий Воскресенский взял недельный перерыв. Макс было интересно, куда он делся, потому что чёрный «кадиллак» фотографа так и простоял все дни на парковке позади гостиницы, где жил Ви. Разумеется, Макс не специально туда бегал, чтобы посмотреть на машину. Просто гостиница находилась недалеко от бизнес-центра, в котором Стас арендовал офис.

На последней съёмке ничего особенного не произошло: фотограф был в своём репертуаре, Макс всеми силами изображал профессиональную модель. И даже с экзаменом всё оказалось не так уж плохо: он сумел сдать его на четвёрку, несмотря на то что спал всего три часа. Зато какие у него были усталые и красные глаза! Воскресенскому бы понравились...

Поначалу Макс казалось, что неделя – это очень много, но она пролетела практически незаметно. Каждое утро он просыпался, и первой мыслью, которая приходила ему в голову, было: какое счастье, что сегодня он снова не увидит Воскресенского!

За эти семь дней погода сильно изменилась. Сначала просто стало прохладнее, а потом наступили небывалые для начала июля холода: днём было всего около десяти градусов, а ночью и четыре, и три. Бабки у подъезда оплакивали судьбу помидоров, высаженных в грунт, и ещё каких-то овощей и ягод. С неба лился дождь почти не переставая. Разумеется, Макс надеялся, что он пойдёт и в этот день, из-за чего фотосессию отложат. Конечно, он понимал, что это не избавит его от необходимости сниматься. Но это как с походом к стоматологу: понимаешь, что всё равно пойдёшь, но хотя бы на денёк попозже...

На этот раз съёмки должны были проходить на улице. На окраине города находилась небольшая церковь, а в садике возле неё росли невероятно красивые розы. Скамейки с изящными литыми деталями оставались чистыми, не изрисованными и не поломанными благодаря тому, что садик закрывался на ночь. В этом идиллическом антураже Макс и предстояло сниматься для рекламы чая с добавлением лепестков роз.

Как назло, в этот день пусть и не светило солнце, но дождь тоже не шёл. Погода для съёмок была вполне приемлемой. Стас привёз племянника к церкви заранее, так как ему опять надо было ехать куда-то за город – искать место для одной из будущих фотосессий. Сони и Воскресенского ещё не было, другие ассистенты возились с оборудованием. Макс немного погулял по садику, огляделся, постоял около маленького фонтана с круглым бассейном. Он сам тут ни разу не был, а место действительно оказалось очень красивым.

Иногда порывами налетал ветер, и Макс решил, что лучше ему укрыться на заднем крыльце церкви: опасался, что ему раздует всю причёску, и Воскресенский опять начнёт возмущаться. В этот раз им занимался не Влад, который вернулся в Москву. Приезжал он только на первые съёмки, чтобы показать местной стилистке, как и что делать. Сегодня красоту наводила она, хотя красивым результат Макс не показался. Стилист размалевала его, как невесту на свадьбу, навертела что-то сложное на голове. В общем, никакой естественности...

На крыльцо поднялась Соня и тут же достала из сумки сигареты.

- Покурю, пока Ви не приехал. Скоро будет. Ну, у нас всё готово уже.
- Интересно, что ему сегодня не понравится? – устало усмехнулся Макс.
- Сегодня ему всё не понравится, – мрачно ответила Соня. – Я серьёзно. Он не в духе. Ты лучше молчи, Макс. Вообще ничего не говори, ни слова.
- Вы давно вместе работаете?
- Лет шесть...
- И вот так все шесть лет?
- Нет, он не всегда такой. У него сейчас проблемы. И вообще он не любит мужчин снимать.
- А зачем взялся тогда?
- Зачем-зачем? Как маленький... Денег много предложили, вот и взялся. И ехать никуда не надо, можно тут работать. О, дождь пошёл, – вдруг сказала Соня. – Можно тент сверху поставить, но не факт, что хорошо получится. Может, придётся отменить.

И правда, начал накрапывать дождик.

- Я не расстроюсь, – пробормотал Макс.
- Слушай, Макс, что у тебя с глазами? – нахмурилась ассистентка. – Это что за смоки айз?

Он не успел ответить – за решёткой сада остановилась машина Воскресенского.

- Ищи визажистку, она где-то тут бродила, – скомандовала Соня. – Пусть убирает всё нахрен, пока Ви эту порнографию не увидел.

Соня пошла встречать босса, а Макс, толком ничего не поняв, отправился разыскивать стилистку. Её нигде не было, а номера телефона он не знал. Кто-то из ассистентов сказал, что она пошла в церковь свечку поставить, пока вечерняя не закончилась. Вот что за дура!.. Какие свечки?! По ней самой скоро свечки ставить придётся, если Воскресенский разозлится. Вход в церковь был с другой стороны, но Соня чуть не за шиворот поймала Макса на выходе из сада:

- Где тебя носит? Всё же готово!
- Ищу визажистку эту...
- Поздно теперь искать. Иди туда, – Соня мотнула головой в сторону круглой площадки с фонтаном. По её периметру были расставлены скамейки, на одну из которых были направлены объективы и осветительные приборы – персональный эшафот Макса. Парень побежал к скамейке, низко наклонив голову, чтобы начавшийся мелкий дождь не подпортил и без этого ужасный макияж. Как снимать в такую погоду? Пусть кто-нибудь другой Воскресенского об этом спрашивает. Он сам будет молчать как рыба.

- Здравствуйте, - бросил Макс, пробегая мимо фотографа. Тот смотрел в видоискатель на скамейку и даже не повернулся в его сторону, только буркнул:

- Позу знаешь?

Макс скинул куртку. Под ней была светлая рубашка с коротким рукавом, брошенная поверх тонкой белой футболки. Бррр... Без куртки было холодно. Что за собачья работа?! То в жару свитер наденут, то в холод в одной рубашке оставят, ещё и под дождём! Ну, ничего... Полчаса он так продержится, насмерть не замерзнет, а там точно перерыв сделают.

Он даже не успел сесть на скамейку, как к нему подбежал Воскресенский, чуть не снеся по дороге рефлексор, и схватил за плечи.

- Это что такое?! – взревел он, встряхнув Макса, словно котёнка. – Ты на кого похож?

Макс не сразу нашёлся, что и ответить... Хотя, следуя совету Сони, ему правильнее всего было бы молчать.

- Что за завитушки на голове?! Глаза на что похожи?! – фотограф продолжал его трясти. – Как тебя снимать теперь? Иди всё смывай!

- Ви, у нас тут условий нет, – вставила Соня. – Придётся его везти в город обратно, тут негде перекрашивать.

- Где эта корова? Что она мне с моделью сделала? – Воскресенский ещё раз встряхнул Макса. Тот испуганно смотрел на бесновавшегося фотографа, даже не пытаясь вырваться.

- Да это вообще не город! Это деревня какая-то! Ни одного нормального человека! Условий нет...

Он наконец-то отпустил Макса, и тот озирался по сторонам в поисках тётки-визажистки.

- Условий нет... Почему условий нет?.. – на глаза Воскресенскому опять попался Макс. – А ты куда смотрел? Слепой, что ли?

- Да больно я понимаю, – ответил тот. – Может, в следующий раз? Всё равно дождь пошёл...

- Ты ещё учить меня будешь? – прикрикнул Воскресенский. – Иди-ка сюда... Соня, дай салфетку.

Макс послушно подошёл, хотя очень не хотелось. Фотограф выхватил из рук ассистентки влажную салфетку:

- Замри и не шевелись, смотри вверх.

Он сам начал оттирать с лица Макса сначала румяна, потом тени под нижними веками, периодически отшвыривая в сторону грязные салфетки и протягивая руку за новыми, которые ему исправно подавала Соня. При этом Воскресенский громко ругался, не замолкая:

- Что за блядский вид! Неужели непонятно? Естественный вид, естественный! Намалевала мне тут! Бал-маскарад устроила! А ты куда смотрел, придурок? Глаза тебе на что? Чтобы красили их тебе? Покрасили вот... Выглядишь как шлюха малолетняя...

Макс молча терпел. Он, кажется, уже начал к этому привыкать.

- Ви, не мучайся. Не стирается толком, только хуже, – сказала Соня, вглядываясь Макс в лицо. – И с головы-то ему кудряшки не сотрёшь.

Над правым виском у Макса на самом деле красовались два прихотливых завитка. Фотограф тут же вцепился в них, попробовав растрепать, но они не поддавались. Он потянул посильнее, заставив Макса заскрипеть зубами и дёрнуть головой. Чем бы стилистка ни зафиксировала причёску, это средство держалось на совесть.

- Чтоб её порвало, эту дуру! Я отпрашиваюсь, еду сюда... Дождь, холод! А она кудряшки крутит! Ничего! Мы тебя отмоем!

Фотограф поволок Макса в сторону. Тот, немного оторопевший от всех этих действий Воскресенского, даже и не думал сопротивляться. Макс просто представить себе не мог, что этот псих сделает такое! Он подтащил его к фонтану и одним быстрым движением, так что Макс и понять ничего не успел, макнул головой в воду. И ладно бы просто макнул, он держал его одной рукой за шею, не давая выпрямиться, а другой тёр ему лицо и залакированную чёлку.

Макс, понятное дело, не успел задержать дыхание, но и испугаться толком тоже не успел. Через несколько секунд Воскресенский вытащил его наружу и посмотрел на лицо, словно проверяя, дала ли процедура результат. Парень смотрел на него ошалевшими глазами и часто дышал, пытаясь вобрать в себя больше воздуха. Ледяная вода текла с волос за шиворот и на грудь. Воскресенский опять потянулся к нему, думая окунуть его голову ещё раз, но это Макс уже не мог стерпеть. Он много наслушался и натерпелся, но полоскать себя в фонтане в собачий холод он не даст!

- Вы с ума сошли! – оттолкнул он от себя фотографа. – Уберите руки!

Воскресенский опять попытался ухватить его, но Макс – не со всей силы, конечно, – ударил его под рёбра. Эффект получился неожиданным – Воскресенский застонал и согнулся в три погибели, чуть не упав на колени. Соня бросилась к нему со всех ног.

Макс и сам не понимал, как такое получилось. Он ударил не очень сильно, к тому же на Воскресенском была толстая куртка. Вроде здоровый мужик... Фотограф матерился сквозь зубы и тяжело дышал. Соня бегала вокруг него, усаживая на раскладной стул.

- Может, в больницу тебя отвезти? Вдруг со швами что...

На Макса никто не обращал внимания. Теперь понятно, где пропадал Воскресенский всю неделю. Он ещё тогда, на кастинге, врачу звонил. Видимо, какую-то операцию делал, а он ему прямо по шву врезал... да уж, ситуёвина... Макс стёр капли дождя с лица. Съёмок сегодня точно уже не будет. Фотограф еле на ногах стоит, модель по плечи мокрый и уже весь трясётся от холода, визажист пропала... Макс взял куртку, лежавшую на стуле под натянутым тентом и поэтому оставшуюся сухой, накинул прямо на сырую рубашку и пошёл к выходу из садика.

- Куда собрался? – окликнул его сзади громкий командный голос.

Макс не остановился и даже не обернулся.

- Если уйдёшь, можешь больше не возвращаться, – добавил Воскресенский.

Макс замер и до боли сжал кулаки. Если он уйдёт, то проект будет провален, его отдадут другому агентству, и Стас... Чёрт, Стас! Если бы от этих проклятых съёмок зависела его собственная карьера, Макс бы плюнул и ушёл без всяких сомнений. Но поступить так со Стасом он не мог, и не из-за того даже, что он был перед ним в долгу за все те годы, что дядя заботился о нём, а просто не мог. Совесть не позволяла.

- Садись! – прозвучало сзади.

Парень обернулся. Воскресенский указывал на пустой стул, стоявший напротив того, где сидел он сам. Макс заставил себя пройти несколько шагов и сесть.

Они молча сидели друг перед другом: Ви с неопределённым выражением на лице рассматривал мокрого замёрзшего Макса, тот глядел куда-то в сторону.

Воскресенский покачал головой:

- Надо подумать, что мне с тобой делать теперь.

Они сидели так ещё минуты три-четыре. Сверху благодаря тенту не капало, но Макс всё равно был в сырой одежде и отчаянно мёрз.

- Найди ему, Соня, чего-нибудь горячего, – скомандовал Ви. – А я пока подумаю.

Воскресенский встал со стула и начал ходить кругами, потирая подбородок, сегодня чисто выбритый. Соня сунула Максиму в руки крышку от термоса, полную горячего крепкого чая.

- Это тот самый? – спросил Макс.

- Какой ещё тот самый?

- Ну, для которого рекламу снимаем...

- Ага, конечно, – хохотнула Соня. – Дурак, что ли? «Гринфилд» обыкновенный. Будут на нас чай такой переводить – по двадцать баксов за пакетик!

- А ты его вообще пробовала? Тот? – Макс сделал большой глоток.

- Да, у Ви дома две банки есть. Ему прислали. Ничего особенного, ну или я не разбираюсь.

Воскресенский подошёл к ним и встал над Максом. Судя по всему, он выплеснул эмоции и теперь был настроен работать.

- Лицо в общем и целом отмылось, – задумчиво сказал он. – А вот волосы висят, как у пугала. Прикрыть бы чем... Слушай, Сонь, дождевики у нас есть с собой?

- Есть парочка. И у тебя в машине всегда лежит один, жёлтый такой.

- Организуй-ка давай.

Соня скрылась и через две минуты принесла три дождевика. Два одинаковых серых и один блестящий, клеенчатый, ярко-жёлтый, как в американских фильмах.

На Макса надели серый, надвинули капюшон чуть ли не на самый лоб, прикрыв мокрые волосы, и выгнали под дождь. Поз никаких принимать было не надо: Ви снимал только лицо. Он объяснил, как его держать: чуть приподнятым вверх, расслабленным. Глаза должны быть широко открыты.

Дождь падал прямо на лицо, из-за чего Макс с трудом сдерживался, чтобы не моргать, когда капли попадали в глаза. Воскресенский сам перемещался вокруг него с камерой. Он сделал уже порядочно снимков, когда, не переставая делать кадры, скомандовал Соне:

- Плёночный мне приготовь, – и, предвосхищая её вопрос, добавил: – Сама подумай, какую плёнку, для этого тебя и держу. У меня сейчас голова не тем занята.

Они сделали небольшую паузу, пока Соня готовила плёночный фотоаппарат. Воскресенский в это время ходил вокруг Макса, словно акула, плавающая вокруг тонущего человека.

Вся история повторилась с плёночным фотоаппаратом, а потом Макс надел жёлтый дождевик – и опять всё по кругу.

К тому времени как Ви закончил снимать, дождь разошёлся по-настоящему. Все начали торопливо сворачивать и упаковывать оборудование и реквизит. Макс пытался вызвать такси. Стас пока не вернулся, а перспектива ехать в таком мокром виде через весь город на общественном транспорте Макса не вдохновляла.

От холода он уже дрожал. Он успел переодеться в свою водолазку, тёплую и сухую, но голова всё равно была мокрой и подкладка куртки тоже. Впрочем, куртка и снаружи уже стала сырой от долгого стояния под дождём. У него даже зонта с собой не было.

До такси дозвониться было невозможно, а если он чудом и дозванивался, то говорили, что свободных машин в его районе нет. В дождь всегда были проблемы с машинами, потому что вызовов оказывалось в разы больше, а он ещё и просил подъехать на пустынную окраину. Кому охота забирать клиента отсюда, если можно людей по центру практически через дорогу перевозить?

Макс поинтересовался у ребят-ассистентов, не подбросят ли они его. Но у них было полно оборудования в машине, и лишний человек уже не умещался. Они там втроем чуть не друг на друге сидели. Подошла Соня с сигаретой в одной руке и раскрытым зонтом в другой.

- Я бы тебя подвезла, только надо какую-нибудь плёнку найти. А то ты насквозь сырой, я

тебя такого в свою машину не посажу. Всё сиденье мне вымочишь, как потом сушить в такую погоду...

- Соня, я его отвезу, – неожиданно и для ассистентки, и для Макса предложил стоявший поблизости Воскресенский.

- У тебя же кожаный салон, конечно, тебе-то что, – пожала плечами Соня.

Макс не был уверен, соглашаться ему или нет. Сидеть с этим извергом в одной машине не очень-то хотелось. Воскресенский даже сейчас, предлагая помощь, говорил о модели в третьем лице, словно о мебели, как будто Макса тут и не было вовсе. С другой стороны, дождь был холодный и неприятный, поэтому ломаться и строить из себя принцессу не имело никакого смысла. Никого он своим гордым жестом не уест. Всем плевать...

- Спасибо, – произнёс он. – Я у машины подожду.

- Можешь садиться, – сказал Воскресенский, доставая из кармана ключи от «кадиллака» и снимая его с сигнализации.

Макс уныло побрёл к машине. Он попробовал отряхнуться от капель, прежде чем сесть внутрь, но особого результата это не принесло. Он был мокрый как мышь. Через пять минут к нему присоединился Воскресенский, сел за руль и включил навигатор.

- Адрес скажи.

- Мира пять, квартира сто сорок пять, – на автомате ответил Макс привычным стишком.

- До квартиры тебя за ручку довести? – спросил Воскресенский, набирая адрес на навигаторе.

- Сам дойду, – огрызнулся Макс.

- Точно? Не заблудишься? – насмешливо посмотрел на него фотограф.

- Слушайте, если вы меня терпеть не можете, зачем выбрали для съёмок? – не выдержал Макс.

- Думаешь, я тебя выбрал?! Моя бы воля, я бы тебя близко к площадке не подпустил. Ты же не умеешь ничего. Кандидатур не так и много было, тут с ними трудно, тип лица не тот, – пояснил Воскресенский, когда машина тронулась с места. – В России, а тут особенно, лица славянские, широкие, черты мягкие, а у тебя хорошее лицо, интернациональное. Мне только такие для этого проекта нужны были, но после кастинга я на тебе крест поставил. Это заказчику твои фотографии понравились. Они настояли. Не им же с тобой мучиться на съёмках.

Макс ничего не ответил. Отлично, у него, оказывается, хорошее лицо, да ещё и интернациональное. Отец был наполовину испанец, оттуда и интернациональность.

Больше они не обменялись ни словом. Макс даже не смотрел на сволочь-фотографа, тихонько дрожал в своём кресле, пока Воскресенский не заметил это и не включил обогрев салона.

Когда машина остановилась напротив его подъезда, Макс открыл дверь и вылез из салона, бросив лишь короткое и не очень любезное:

- Спасибо.

- Знаешь, – сказал вдруг Воскресенский, – я погорячился сегодня. Извини.

Парень сверкнул на него злыми серыми глазами и сказал:

- Можете засунуть свои извинения... сами знаете куда!

Он поднялся в квартиру, стащил с себя мокрую одежду и залез под горячий душ. Потом позвонил друзьям, с которыми сегодня планировал сходить в ледовый дворец покататься на коньках, и всё отменил.

Надо было что-нибудь приготовить на ужин, но сил не было даже пельмени сварить. Он только приготовил себе чаю и сел с чашкой отогреваться. Только заболеть не хватало!.. Анфиска пришла за ним с кухни и устроилась на диване рядышком, положив ему на колени пушистый хвост. Кошка была не очень ласковая, но сегодня будто чуяла, что хозяину плохо. Не успел Макс и половины чашки выпить, как домой вернулся Стас. Он долго шуршал чем-то в прихожей, тряс и раскрывал для просушки зонт.

- Под дождь попал? – спросил он, посмотрев на мокрые волосы Макса.

- Под дождь тоже. Этот Воскресенский – псих ненормальный! Он даже съёмки в бассейне дожидаться не стал, чуть в фонтане меня не утопил.

Макс вкратце пересказал события сегодняшнего дня. Стас сел рядом с ним на диване, вид у него был расстроенный. До сих пор он, видимо, считал редкие жалобы Макса преувеличенными и не воспринимал всерьёз.

- Может, мне поговорить с ним? – предложил дядя.

- Да о чём с ним разговаривать... Ладно, три сюжета сняли, семь осталось.

Макс поднялся на ноги и ушёл в свою комнату.

Глава 5

Через два дня снимали ту сцену с окном и вечерним мегаполисом, которую Макс уже проходил на кастинге. На этот раз съёмки на самом деле были вечером. Правда, окно выходило на полутёмный проспект без огней большого города, но Соня сказала, что потом всё подрисуют как надо.

Ассистентка нервничала – Ви опаздывал, а закат его ждать не собирался. Пока у них было свободное время, Соня показала Макс готовую серию снимков, уже обработанных для представления заказчику. Парень мельком видел кое-какие кадры на съёмочной площадке, но сейчас они выглядели совсем иначе. На них он смотрелся старше, красивее, но каким-то чужим, словно это и не он был вовсе. Фотографии, конечно, производили впечатление. Возможно, Воскресенского не зря считали настоящим художником. Самыми необычными были кадры, отснятые под дождём. Макс мало что понимал в фотографии, но эти снимки действительно жили своей внутренней жизнью, гипнотизировали, завораживали. На них он был снят в профиль. Свет и блики на влажной коже очерчивали контур лица, создавая призрачное свечение; тени на лице ложились глубоко и одновременно мягко; широко раскрытые глаза под тяжёлыми, чуть припухшими веками (сказалось купание в фонтане) смотрели – Макс не думал, что это слово вообще может прийти ему на ум, – томно. В лице, взгляде, полуоткрытых губах была разлита какая-то откровенная и в то же время полудетская сексуальность. Парня аж передёрнуло, и мурашки побежали по спине. Честно говоря, за этот кадр ему стало даже немного стыдно. Сложно было объяснить это чувство... но он искренне надеялся, что из его знакомых никто и никогда этого снимка не увидит. Соня заметила, что эту фотографию Макс разглядывает дольше других.

– Круто, да? – её хриплый голос раздался из-за спины так неожиданно, что парень вздрогнул. – Только жаль, что этот сет никуда не пойдёт.

– Почему? – спросил Макс.

– Не тот жанр, не та стилистика. Это уже, ну, как тебе объяснить, высокая мода. Если бы мы снимали рекламу ароматов для «Ив Сен-Лоран» или на крайняк для «Кельвин Кляйн», можно предлагать что-то в этом ключе, а вот для чая такое не катит... даже если он стоит тысячу долларов, – Соня покачала головой. – Вот поэтому и жалко. Ты хорошо получился. Но ты вообще хорошо получаешься: тебя камера любит.

– Камера обычно любит лица, которые ничего собой не представляют, – слышался сзади низкий голос Воскресенского. Когда только успел подкрасться? – Есть такие лица – без особой индивидуальности, которые ко всему подходят. На них любой образ натянуть можно. Как накрашишь, такими и будут.

Не то чтобы Макс был очень высокого мнения о своем лице, но это замечание показалось ему новым оскорблением, лишь слегка замаскированным под коротенькую лекцию.

– Я вообще ненакрашенным был, – заметил он.

– Займись лучше своим делом, – цыкнул на него Воскресенский. – Стой у окна и не шевелись.

Эта фотосессия прошла относительно спокойно. Фотограф хоть и придирался к мелочам, но вёл себя прилично: не орал на всех подряд и не требовал ничего такого, что

угрожало бы жизни и здоровью модели. Домой Макс возвращался даже слегка воодушевлённым. Нельзя было сказать, что он был доволен съёмкой, но он вдруг понял, что с Воскресенским можно ладить (при определенных условиях, конечно) и работа эта вообще неплохая, даже интересная.

До следующей фотосессии оставалось три дня, и Макс знал от дяди, что Воскресенский с Соней съездили на место съёмки за двадцать километров от города: что-то там изучали, чертили какие-то планы, искали подходящие ракурсы. Сам он в это время никакой полезной деятельностью не занимался: встречался с друзьями, смотрел телек, читал, не забывая всё же ежедневно ходить в тренажёрный зал.

На съёмку они поехали на трёх машинах – Соня на этот раз пустила Макса в свою. Тот искренне недоумевал, зачем надо было тащиться в такую даль, потому что приехали они на самый обычный луг. В черте города такой, конечно, не найдёшь, но в паре километров пятачок с полевыми цветами отыскать вполне можно было. Тем более что панорамные виды Воскресенскому были не нужны: Макс должен был лежать в траве и в кадр войти только до пояса, то есть площадь нужна была чуть больше квадратного метра. Когда он спросил об этом Соню, она пояснила:

– Около города у вас то люди, то коровы какие-нибудь ходят. Ви нужен покой и никакого навоза под ногами. А насчёт метра, – рассмеялась она, – еще увидишь: он тебя по всему полю изваляет, пока нужные оттенки найдёт.

Ассистентка, как всегда, оказалась права.

Сначала они искали место: Воскресенский требовал, чтобы Макс ложился то тут, то там, перекладывая его из одного скопления цветов в другое. То ему не нравилось, что конкретно на этом куске цветов было мало, а на другом слишком много («Это уже ненатурально смотрится!»), то там не было васильков, торосло лишних ромашек. Они перебрали уже с десятков мест, но придирчивого фотографа постоянно что-нибудь не устраивало, к тому же была середина лета, отчего трава во многих местах была не сочно-зелёной, а слегка желтоватой и рыжеватой. Такое сразу отбраковывалось.

Макс носился за Воскресенским по всему полю, ложился, вставал, снова бежал и минут через десять уже взмок и запыхался. День выдался жарким, и из-за недавних дождей воздух был как в бане: горячий, влажный, тяжёлый, насыщенный земляными и цветочными запахами. К тому же надо было постоянно отмахиваться от назойливых насекомых: слепней и оводов было очень много. Соня вообще в ужасе закрылась от них в машине и сказала, что никуда не выйдет. Репелленты, действовавшие на комаров и мух, на этих тварей не оказывали никакого эффекта.

Наконец три потенциальных места для съёмки были определены. Над первым установили аппаратуру, а Макса подкрасили, переодели в обтягивающую светло-голубую футболку и указали его будущее местоположение. Едва он опустился на траву, как тут же вскочил обратно: до этого он из-за слепней оставался в плотной рубашке и в ней ложился без проблем, но через тонкую ткань футболки в спину сразу впились десятки острых подсохших травинок.

Он тут же опустился назад, зная, что Воскресенский будет недоволен, но под его весом при каждом шевелении ломались всё новые травинки, а старые продолжали колоть и царапать кожу.

«Терпи! – приказал он себе, не дожидаясь, пока это ему скажет фотограф. – Две минуты. Терпи!»

– Почему вертишься? – рявкнул Воскресенский из-за камеры. – Что за конвульсии?!

– Колется, – объяснил Макс, закидывая руки за голову, как было указано в описании сюжета.

– А кому сейчас легко, – хмыкнул Воскресенский, отмахиваясь от слепней.

Лоб у него был уже влажным от пота. Фотограф даже в такую жару оставался в водолазке, и Макс, присмотревшись, заметил, что под ней проступает что-то на самом деле напоминающее повязки, причём не только на рёбрах и животе – на руках тоже и даже на шее с одной стороны. Макс, конечно, было любопытно.

Съёмка началась, но Макс, лежать спокойно было очень тяжело. Его не только трава колола – ещё и чёртовы мухи постоянно пытались покусать. Воскресенский, поначалу делавший замечания довольно лениво, вскоре разошёлся и опять начал орать.

Потом они переместились на другой пяточок и экзекуция продолжилась, потом на третий. У Макса вся спина огнём горела. Руки тоже пощипывало, но не так сильно. Из-за жжения было очень тяжело сосредоточиться на съёмке и сохранять блаженное выражение лица.

– Ну и рожа! – неистовствовал Воскресенский. – Тебя как будто стошнит сейчас! Сделай нормальное лицо. И держи его, держи! Нет, не такое!

– А какое? – сквозь зубы спрашивал Макс.

– Ты модель или я? Какое-какое? Сейчас самодовольное, а должно быть просто довольное, спокойное. А сейчас на дебила похож... Слюну ещё пусти! Соня, он, может, правда умственно отсталый, а?

Соня отбивалась от слепней и вообще не обращала ни на кого внимания.

– Ну вот теперь более-менее. Так, не меняем выражения!

И тут Макс подскочил.

– Куда?! – заорал Воскресенский. – Куда, идиот?! Можешь ты полежать три секунды спокойно?!

– Мне под футболку кто-то заполз! Кусается!

– О, господи!.. Что за наказание с ним!

Макс сел, задрал футболку и попытался вытряхнуть оттуда насекомое, оказавшееся каким-то маленьким и шустрым, вроде муравья. Соня подбежала к нему и стала помогать.

– Точно, муравей! Здоровый какой!.. – воскликнула ассистентка.

– И ты туда же, – Воскресенский вытер со лба пот. – Сколько нам ещё с этой деревенщиной мучиться? Соня, я тебя спрашиваю! Сколько сессий ещё?

– Пять, плюс розы переснимать придётся.

– Значит, шесть. Ещё шесть сессий с этим недоумком!

Макс, у которого терпение тоже уже лопнуло, выпалил:

– Я тоже жду не дождусь, когда всё это кончится! Думаете, с вами кому-то приятно работать?!

Воскресенский удивлённо поднял бровь, видимо, не ожидая, что кто-то осмелится ему возражать:

– Так, мальчик, ты здесь всех, а меня в первую очередь, достал своим непрофессионализмом! Я тут, чтобы снимать, а не делать тебе приятно! И я, в отличие от тебя, свою работу знаю. Так что заткнись и слушай, что взрослые говорят.

Макс ничего не ответил и лёг обратно на траву, глядя в небо злыми глазами. Ви развернулся к камере, но, сделав два кадра, заявил:

– Нет, хватит! Это просто невозможно. Складываемся и уезжаем. И если окажется, что рабочих кадров нет – а их, скорее всего, нет – мы знаем, кто сорвал сегодняшний сет. Я лично позвоню Гартману и сообщу о том, как его модели работают.

«Звони-звони, – злорадно подумал Макс, поднимаясь с травы. – Хоть пять раз звони!»

Но в глубине души ему, конечно, было немного страшновато: вдруг эта фотосессия на самом деле провалилась и хороших кадров не будет. Он снял футболку, потому что ощущение, что по спине кто-то ползает, до сих пор не оставляло.

– Ви, у него вся спина в царапинах и руки тоже. Ты посмотри! – сказала Соня, но если Макс надеялся, что она ему посочувствовала, то зря, так как Соня тут же добавила: – Мы же завтра в бассейне снимать хотели.

Воскресенский пожал плечами:

– Мы не со спины его будем снимать.

Тем не менее он подошёл к Максусу:

– Дай гляну.

Он взял парня за плечи, чтобы развернуть спиной к свету, отчего Макс сдавленно зашипел, и потрогал кожу в нескольких местах. Прикосновения были не грубыми, чего Макс боялся, а наоборот, очень осторожными, нежными, даже успокаивающими.

– Ерунда, мелкие царапины да парочка укусов – заживёт через два дня. Меньше надо было вертеться.

На обратном пути Макс принимал на переднем сиденье сониного «лансера» позы одна изощреннее другой, чтобы уменьшить площадь соприкосновения спины и сиденья. Он понимал, что на спине действительно всего лишь мелкие ссадины и царапины, пусть и много, но драло от них так, что ой-ой-ой. Почти как пилинг.

- Соня, ты как думаешь, рабочих кадров правда не будет? – спросил он ассистентку.
- Может, и будут. Посмотрим. Он разозлился просто. А тебя, кстати, кто за язык тянул?
- Да выбешивает этот псих! Я и так терплю изо всех сил. Я не йог, чтобы на иголках лежать и улыбаться. Попробовал бы он сам туда лечь. Его что, все терпят? Ну, другие модели?
- Вообще-то да. Ви достаточно слово сказать, чтобы карьеру модели разрушить. И наоборот – он может так снять, что спрос и гонорары в десятки раз вырастут. Так что все молчат и радуются. Но ты, как я поняла, дальнейшей карьерой не особо озабочен.
- Ну да, я не собираюсь этим заниматься всерьёз. Это так...
- Снимали бы мы в Москве, он бы тебя уже после той истории с чашкой выгнал. А тут у него вариантов других нет, так что придётся тебе пострадать во имя искусства.
- А почему он тут снимает?

Соня вздохнула:

- Много причин. Контракт очень выгодный. Он для этого «Серебряного листа» уже снял похожую серию, только с женщиной. В Португалии снимали... Красота! Получилась очень удачная кампания, они и захотели ещё того же типа, только с мужчиной. Но вторую серию уже вклинить особо некуда было – у Ви всё на год вперёд расписано, поэтому решили у вас снимать, раз уж он всё равно тут будет жить.
- Зачем ему тут жить? – осторожно поинтересовался Макс. Ассистентка немного нахмурилась, словно думая, рассказывать или нет.
- Он в «Вишнёвом саде» на лечении, – наконец сказала она.

«Вишнёвый сад» (хотя у Макса название после прочтения в школе пьесы Чехова почему-то больше ассоциировалось с психушкой) был крупной клиникой пластической хирургии. Врачи там работали очень квалифицированные, уровень оказания услуг был одним из лучших в России, а цены по-провинциальному гуманными, так что клиенты ехали в основном из Москвы. Можно сказать, что валом валили. Поблизости от «Сада» даже две гостиницы построили – такое там было хлебное место.

- У него что, денег не хватает, чтобы в Москве лечиться?
- С деньгами у него на самом деле сейчас не очень.
- Ну, конечно, не очень. С такими-то гонорарами!.. Машина вон какая, – Макс кивнул в сторону ехавшего перед ними «кадиллака».
- Этой машине шесть лет уже, если не больше. Тогда у него с финансами нормально всё было. А потом... Он большой участок купил, коттедж построил, ещё и фахверковый, дорогуший... Хорошо так вложился, может, долги даже были, я не знаю точно. А дом потом сгорел, и Ви сам пострадал, год не работал, а когда начал... Ну, там всякое было... Некоторые проекты до конца не доводил или... неважно... За невыполненную работу опять же неустойка. Он только с этой зимы начал нормально работать.

- А дом не застрахован, что ли, был?
- Умный какой! – фыркнула Соня. – Был, только страховку не выплатили. Там выяснились... обстоятельства.
- Понятно, – сказал Макс, хотя на самом деле это было не очень понятно. – А в «Вишнёвый сад» он из-за ожогов приехал?
- Из-за ожогов, – подтвердила Соня. – Ишь, Шерлок Холмс... Может, ты и не такой дурачок. Ему надо было давно ими заняться. Ви тогда после пожара увезли в какую-то районную больницу у чёрта на рогах, он там три недели провалялся, пока его в нормальное ожоговое отделение не перевели, ну и зажило всё как-то не так.
- Всё так страшно, что операцию надо делать? Не на лице же...
- Да он не для красоты делает... Из-за ожогов подвижность ограничена. У него одна рука первое время вообще в локте еле-еле разгибалась. Ему же работать надо.
- А-а... – протянул Макс.
- Бэ, – ответила Соня. – Много будешь знать, скоро состаришься.

Глава 6

Макс проплывал уже четвёртый бассейн. Воскресенский сказал, что он должен поплавать до начала съёмки для правдоподобности. Макс был уверен, что на самом деле Воскресенский хотел, чтобы он устал, сбил дыхание и не смог бы позировать неподвижно, вот тогда в итоге на него можно было бы всласть поорать и в очередной раз обвинить в непрофессионализме.

Как ни странно, Воскресенский вёл себя относительно пристойно, с Максом почти не заговаривал, никаких приказов ему не отдавал и своих фирменных мерзостных комментариев отпустил всего лишь парочку.

Когда съёмка закончилась и Макс, одевшийся и обсохший, вышел в вестибюль загородного клуба, где снимали сюжет, он увидел, что из ассистентов осталась одна только Соня. Она что-то перекладывала в объёмной сумке, играя в тетрис кейсами с надписями «Canon». Макс хотел предложить ей помощь, но уже знал, что она откажется: к драгоценным объективам с цейсовской оптикой посторонним не разрешалось прикасаться.

– Тебя отвезти в город? – спросила Соня.

– Нет, я сейчас пообедать схожу, наплавался, есть охота. Я в посёлке по дороге видел кафешку.

– Тут тоже какая-то была...

– Ага, зашёл уже туда. Там такие цены!

– Не пригласишь с собой даму, то есть меня? – Соня посмотрела на часы. – Я бы тоже не отказалась пожрать. Время самое то.

Соня дособирила аппаратуру, и Макс отнёс сумку в «Эскалейд» Ви – хотя бы это ему разрешили. Пока они с ассистенткой разговаривали, Макс заметил, что Воскресенский смотрит на них с балкона, огибавшего вестибюль поверху. Фотограф вообще вёл себя сегодня немного странно.

Когда Макс захлопнул заднюю дверцу «кадиллака», машина через три секунды пискнула, встав на сигнализацию – значит, Воскресенский наблюдал за ними и в тот момент.

Хотя сегодняшняя съёмка была одной из самых спокойных, Макс всё равно чувствовал облегчение, когда думал, что следующая состоится только через пять дней. Как он понял, Ви снова предстояли какие-то процедуры в клинике, на этот раз заключительные.

Соня отличалась не только мощной комплекцией, но и прекрасным аппетитом: назаказывала себе больше, чем Макс.

– Я тут подумала, – сказала она, выковыривая лук из селёдки под шубой. – Ты не так уж безнадежен. Для того, кто снимается в четвёртый раз, весьма неплохо, честно. Тебе, конечно, учиться, учиться и учиться, как говорил дедушка Ленин, но потенциал есть. Правда, времени уже маловато. Тебе ведь двадцать уже?

– Я как-то не планировал этим дальше заниматься, – признался Макс, рассеянно перемешивая вилок свой оливье. – Мне Воскресенского хватило на всю жизнь.

– Зря ты так, мог бы кое-чего добиться. То, что у тебя в портфолио будут снимки Воскресенского – уже огромный плюс. Он – чисто теоретически – мог бы замолвить за тебя словечко, но Ви такого принципиально не делает.

– Даже если бы и делал, – усмехнулся Макс. – Меня он, кажется, ненавидит.

– Кто его разберёт, – пожал плечами Соня. – Тебе мог бы Влад помочь. У него большие связи. Правда, придётся отсосать. Хотя... ты ему вроде понравился, так что

одним отсосом не отделаться, придётся по полной расплачиваться.

Макс, услышав это, с трудом заставил себя проглотить салат, который едва не вылетел изо рта обратно.

– Я лучше как-нибудь сам... – выдавил Макс, чувствуя, как кровь приливает к щекам и ушам.

– Ну-ну, дерзай, – с сомнением хмыкнула Соня. – В Москве иначе не пробьёшься, особенно на первых порах. Судьба у вас, у моделек, такая.

Макс никоим образом не причислял себя к моделям, но эта пренебрежительная фраза его задела:

– А вы с Ви, конечно, подлинные люди искусства...

– Ну, насчёт меня можно поспорить, а Ви – да... Он такой, – нисколько не обиделась Соня.

– А он... ну, это... тоже гей?

– Как сказать, он, говорят, в Штатах жил с какой-то бабой, но я с ним тогда ещё не работала. А когда мы познакомились, он уже с Данилкой жил.

– Так всё-таки с Данилкой? – поморщившись, переспросил Макс.

– О да. Великая любовь всей его жизни, – с преувеличенным, но одновременно грустным пафосом произнесла Соня. – А почему вдруг такой интерес?

– Он сегодня на меня смотрел как-то странно. Смотрел и смотрел, как удав на кролика.

Соня поджала нижнюю губу и пододвинула ближе к себе тарелку с принесённым официанткой супом:

– Может, он просто так смотрел, следующий сюжет обдумывал. Опять же почему бы на тебя не посмотреть, когда ты перед ним в одних плавках разгуливаешь? Приятное зрелище... Я сама на тебя пялюсь иногда. А что такого?

– Да ничего, – уткнулся Макс в свою тарелку.

– Ты не думай, Воскресенский со своими моделями – ни-ни. Это правило. Разве что с Данилой тогда, но я свечку не держала, только по слухам знаю. Якобы у них после окончания съёмок какое-то отмечалово было, ну, и они по пьяни... сам понимаешь. А потом понеслось. Четыре года вместе прожили, для мужиков, да с такой-то работой, – великое дело.

– А потом что?

Соня ответила не сразу:

– Потом всё было очень плохо.

Макс больше не спрашивал. Но Соня, расправившись с супом, сама заговорила, видно, очень хотелось посплетничать.

– Потом Данилку снимать перестали. Он, в принципе, хорошей моделью был, в Европе много работал, но просто возраст... Где-то, наверное, в двадцать пять или двадцать шесть – всё, не осталось нормальных контрактов. Работу можно было найти, конечно, каталоги какие-нибудь и всё в этом роде, но его такое не устраивало. Он всё Ви терзал, требовал, чтобы он ему проекты находил, мол, у тебя связи, знакомства, имя, а Ви не такой человек, ему это тяжело. Другую работу Данилка тоже найти не мог. Он какой-то техникум закончил – то ли в Рязани, то ли в Казани, не помню где, – юридическое отделение. Это и так-то не высшее образование, а он к тому же после окончания нигде не работал по специальности. Естественно, на работу его никто не брал. А Ви ему постоянно говорил, что надо учиться чему-нибудь, да той же фотографии например, ассистировал бы ему. Потом он на какое-то время на коттедж отвлёкся, что-то там проектировал, придумывал, с дизайнерами обсуждал, но всё равно с ним тяжело было.

Напивался постоянно как скотина последняя, сцены устраивал. Нет, он вообще очень хороший был парень, правда. Весёлый, отзывчивый, вообще классный... Но последний год его, конечно, клинило не по-детски. Мог приехать на площадку, начать там отношения выяснять, бррр... Но Ви всё терпел – любил его очень.

– Да он сам такой же псих, – не удержался от замечания Макс.

– Ой, нет. Он по жизни очень спокойный, может наорать, конечно, но быстро отходит. Это на съёмках только, видимо, увлекается очень.

– И чем там всё кончилось?

Соня потёрла глаза:

– Когда коттедж этот сгорел, Данилка там был.

Макс сразу вспомнил – Соня ему как-то говорила о том, что Ви потерял близкого человека.

– А Воскресенский? – спросил он. – У него же тоже ожоги.

– Они поссорились, и он хотел в Москву уехать. Он и уехал... Там, как тебе объяснить, местность такая, с холмами, с оврагами, и дорога петляет сильно. Он уже довольно далеко был, когда с какого-то поворота увидел дым в посёлке. И, говорит, сразу почувствовал, что это его дом горит. Он туда быстрее пожарных приехал, полез Данилу вытаскивать, на голову куртку намотал, поэтому сильных ожогов на лице не было.

– Не вытащил? – спросил Макс, напряжённо глядя в лицо Соне.

– Вытащил... На Даниле одежда уже горела, понятно было, что не спасти уже, но он всё равно понёс его на улицу. Оттуда и ожоги, что тащил его. А Данила, потом сказали, задохнулся.

– А почему он сам не вышел, когда пожар начался?

– А ты как думаешь? Напился опять до потери сознания, а может, и не только напился. Но вообще, скажу тебе по секрету, говорят, он сам всё и поджёг. Слетел совсем с катушек. А дом у них был с Ви в совместной собственности, потому страховку и не выплатили: получалось, что как бы сам хозяин его и поджёг. Ну, это дело тёмное. Воскресенский особо не рассказывает.

– Печально, – сказал Макс, не зная, что ещё и сказать.

– Да, жалко парня... А Ви мне ещё жальче было, потому что тому-то уже всё равно, а он жить со всем этим остался. Он, может, ещё и поэтому поехал сюда пластику делать. Представляешь, каждый день на эти ожоги смотреть и думать, как они появились?

Макс возвращался домой с тяжёлым сердцем. Нет, он не стал от этой истории лучше относиться к Воскресенскому, тот, как ни крути, был садистской сволочью, но было удивительно думать о том, что гад-фотограф мог любить кого-то до такой степени, чтобы броситься в горящий дом... Максиму даже потом всю ночь какие-то пожары снились и прочая ерунда по мотивам рассказа Сони.

Все пять дней в перерыве между съёмками Макс нет-нет да и вспоминал про странные взгляды Воскресенского и про пожар тоже. На седьмую фотосессию Ви опять явился в водолажке, но под ней никаких повязок уже не было видно.

Макс с Соней, пока ждали Воскресенского, просматривали отснятый и обработанный материал. Кадры перед камином были хорошими, но всё-таки наименее удачными из всех. Потом всё становилось лучше и лучше. Даже съёмки на лугу, которые должны были стать провальными по предсказанию Воскресенского, оказались очень даже неплохими.

Когда Макс смотрел на фотографии, он не мог поверить, что в тот момент ему было настолько плохо. Лучшими кадрами оказались те, что были сделаны ближе к концу: у модели вид был расслабленный и довольный, но в то же время самую капельку утомлённый жарой, какой-то расплавленный. Лето, солнце, зной так и чувствовались на фотографии... и густой запах травы и полевых цветов... Хорошая реклама для чая с травами.

Теперь ему отчасти становилось понятно стремление Воскресенского заставить модель прочувствовать ситуацию: не просто изображать сюжет, а прожить его – ощущать утомление в конце рабочего дня, жар июльского солнца на коже, приятную усталость в мышцах после плавания... Результат получался потрясающим. В фотографиях были жизнь и история. Макс даже казалось, что он сам на этих кадрах был более реальным, настоящим...

Эта фотосессия опять происходила за городом – на треке для мотокросса. Сюжет был следующий: модель отдыхает после езды на мотоцикле, сидя на земле и прислонившись к этому самому мотоциклу, и, естественно, утоляет жажду холодным чаем из прозрачной спортивной бутылки. Макс даже дали поездить на питбайке. Разумеется, только по ровной части трека, где тренировались начинающие: на ямы, горки и колдобины его не выпускали.

И попробовал бы Воскресенский ему в этом отказать, когда он сам раньше всегда требовал «вживания» в образ!..

Пока ассистенты под руководством Ви готовили площадку, Макс нарезал круги по небольшому кольцу. Ездил он медленно и неуверенно, но ему всё равно понравилось. На него навешали кучу защиты, и под этой грудой пластика он взмок уже через десять минут, да и устал тоже. Езда на моте оказалась не таким уж лёгким делом.

Ещё через десять минут Соня махнула ему рукой. Когда он слез с питбайка, вид у него был самый тот по меркам Воскресенского: мокрый, взъерошенный, усталый и счастливый. К тому же часть лица, не прикрытая шлемом и визором, была очень натуралистично обсыпана рыжей пылью.

Мотоцикл поставили возле какого-то камня, кажется, специально сюда привезенного для фотосессии. Макс сел, прислонившись к нему. Металлические детали байка под его спиной были такими горячими, что тепло чувствовалось даже через слои снаряжения. Но это было приятное тепло...

Воскресенский не торопился начинать съёмку. Он ходил возле модели, иногда просил немного поменять позу, перекалывал лежавший на земле шлем то дальше, то ближе – под самую руку. Сняв несколько кадров, он недовольно отошёл в сторону:

– Не то. Чего-то не хватает.

Он присел на корточки перед Максом, взял его рукой за подбородок и внимательно посмотрел в глаза, поменял поворот головы, но опять остался недоволен. Взяв с земли горсть пыли, он с силой мазнул ею по левой щеке Макса. Тот вздрогнул от резкой и неожиданной боли, когда мелкие камушки царапнули кожу.

Воскресенский вернулся к фотоаппарату, а Макс провёл рукой по щеке – на перчатках не осталось никакого следа, но ему казалось, что пошла кровь.

– Так лучше, – утвердительно сказал Ви и начал снимать.

Макс опустил руку и вернулся в позу, не сводя пристального взгляда с Воскресенского. Он тоже где-то глубоко внутри понимал, что так лучше, так правильнее... даже если это и было больно. На этот раз фотографу не надо было приказывать: «Терпи!»

Между этой фотосессией и следующей был перерыв всего в один день, как раз

суббота, и Макс отправился с друзьями в развлекательный центр, самый крупный в их части города. Он не часто себе это позволял по финансовым причинам, но изредка посидеть в баре и поиграть в аэрохоккей или бильярд было можно. В этот раз Стас сам дал ему денег и чуть ли не насильно вытолкнул из дома: от него, конечно, не могло скрыться, что съёмки даются племяннику тяжело и последние дни он ходит как в воду опущенный.

По домам они стали расходиться уже в двенадцатом часу ночи: все жили поблизости и поэтому пошли пешком. Когда они пересекали парковку, взгляд Макса зацепился за большой тёмный силуэт «Эскалейда», выделявшийся среди машин поменьше.

– Подождите пять сек, – сказал он друзьям и пошёл через ряд машин, чтобы посмотреть на номера.

Он не помнил их в точности, но того, что номера были московскими, было достаточно, чтобы понять: это машина Воскресенского. Макс подошёл поближе и, обогнув «кадиллак», к удивлению увидел возле водительской двери самого Ви, копошащегося с брелоком сигнализации.

– Что он тут делает? – произнёс Макс, не заметив, что говорит это вслух.

– Это что за хрен? – спросил один из друзей, подошедших сюда вслед за Максом.

– А... Это к Стасу приехал, партнёр какой-то, – нашёлся Макс. – По рекламному бизнесу.

– Он ехать, что ли, собрался? Он же на ногах не стоит.

Воскресенский был пьян, причём серьёзно пьян. Первой мыслью Макса было – ну и пусть едет, может, впишется куда. Вот оно – быстрое решение всех его проблем. Но эта мысль растаяла так же быстро, как и появилась. С Ви надо было что-то делать, а то у него на самом деле ума хватит сесть в машину и поехать. Ладно, себя угробит, так ещё кого-нибудь другого зацепит.

Макс сразу вспомнил, как погибла мать: она возвращалась с ночной смены на такси, когда в их машину на огромной скорости врезалась другая, несшаяся на красный свет. За рулём был какой-то обкуренный ушлёпок.

– Вы идите, – сказал Макс друзьям. – Я его... проконтролирую. В такси посажу.

Поначалу парни хотели остаться с ним помочь, но он их спровадил. Неизвестно, что начнёт болтать пьяный Воскресенский, пока они ждут такси.

Тот за это время всё-таки умудрился открыть машину и сесть на переднее сиденье. Макс бросился к нему и распахнул дверь:

– Вы думаете, что делаете?! Куда вы в таком виде?

– А ты откуда взялся? – удивлённо спросил Воскресенский слегка заплетающимся языком.

– Выходите, – скомандовал Макс. – Я сейчас такси вызову.

– Зачем такси? У меня машина есть...

– Вам нельзя за руль. Вы ж упились в дрова!..

– Да?.. Думаешь?.. Ты водишь? – неожиданно спросил Ви.

– Чуть-чуть, – ответил Макс, хотя это было сильным преувеличением: год назад он получил права, но с тех пор за руль садился раза три, когда Стас давал ему поехать по тихому частному сектору.

– Вот и отвези меня тогда, – сказал Воскресенский, неловко вылезая из машины. Он сунул Макс в руку ключи и нетвёрдой походкой направился к пассажирской двери.

Глава 7

До гостиницы они добрались без приключений: машин в этот час было мало, да и Макс ехал очень осторожно, выбирая самые что ни на есть пустынные улицы. Труднее всего было выехать с парковки, когда нужно было маневрировать по узким рядам на очень непривычной машине. Во-первых, смущали габариты, а во-вторых, Макс никогда раньше не имел дела с автоматической коробкой передач. Воскресенский, конечно, подсказывал, но помощи от его советов было немного.

Макс собирался доставить фотографа до гостиницы, а потом поехать домой. Но, сгрузив его в кресло посреди вестибюля, заметил обеспокоенный и неодобрительный взгляд девушки на ресепшене. Она, видимо, опасалась, что постоялец тут и уснёт и проваляется посреди фойе до утра. Казалось бы, его ли это проблемы, но Макс всё-таки потащил Воскресенского в сторону лифта. Возле дверей номера Ви начал медленно обшаривать карманы:

- Где же карточка? Так... Это телефон. Ключи. Опять какие-то ключи.

Макс уже сам был готов начать лазить по карманам фотографа – так всё долго происходило. Наконец карточка была извлечена на свет божий. Макс вырвал её из рук Воскресенского и сам открыл дверь. Они вошли в номер и оказались в длинном узком коридоре между встроенным шкафом с одной стороны и дверью в ванную с другой.

Макс щёлкнул выключателем, но ничего не произошло.

- Что тут у вас, света, что ли, нет?

- Карточку вставь, – пояснил фотограф.

- Куда? Зачем?

- У-у, тундра, вон туда, под выключателем.

Макс заметил слот для карты там, куда указал Воскресенский. Свет наконец загорелся.

- Ты что, в гостиницах никогда не жил?

- Нет, не жил, – буркнул Макс.

- Ты хоть где-нибудь был, кроме этого городишки?

- Не был, – ответил Макс, подумав, что поездка в пятилетнем возрасте на море не считается.

Он бросил быстрый взгляд на самую комнату с двумя большими кроватями, одна из которых была сплошь устлана его фотографиями, распечатанными в разных размерах и разложенными в одном только Воскресенскому ведомом порядке.

- Вы на месте, – сказал Макс. – Мне пора.

Ви перегородил путь к двери рукой, перекрыв весь коридор. Он казался уже не настолько пьяным.

- И что, всё? – спросил он. – Только за этим приходил?

Максу стало немного не по себе, хотя он даже не понимал из-за чего именно.

- Да, – сказал он, напряжённо и опасливо глядя на Воскресенского. – Зачем ещё?

- Затем же, зачем и все остальные. Не ты первый, не ты последний.

Макс нахмурил брови. Он, конечно, начинал догадываться, о чём идёт речь, но не был до конца уверен.

- Дайте пройти, – просто сказал он.

Воскресенский убрал руку, но только для того, чтобы схватить Макса за плечи и всем весом придавить к стене. Их лица сблизились, и Макс почувствовал смесь запахов, исходящую от Ви – пряно-горький парфюм и алкоголь, сладковатый и дорогой, наверное, коньяк. Они сначала соприкоснулись лбами, и Ви замер так на секунду. Макс тоже ничего не делал. Он чувствовал себя зверюшкой в свете фар догоняющего её автомобиля, которая упорно несётся прямо, не соображая в панике, что нужно свернуть с дороги в сторону. Он растерялся.

Губы Воскресенского прижались к его шее где-то под левым ухом. Горячие, сухие, жадные, они шептали:

- Всем вам нужно одно... Только одно... Тоже захотел подмазаться, да?

Макс опомнился через пару секунд, когда правая рука Ви крепко ухватила его сначала за пояс, а потом поползла вниз:

- Совсем охренели!

Он оттолкнул Воскресенского – вовсе не сильно, но тот, и так не очень твёрдо стоявший на ногах, пошатнулся и едва не упал, успев ухватиться рукой за противоположную стену. Взгляд у него был мутноватый, тяжёлый, но и решительный тоже.

- Идите проспите! – добавил Макс.

Лучше было бы обойтись без морализаторства... Эта нравоучительная фраза стоила ему нескольких секунд, которые стоило бы потратить на то, чтобы выбежать из номера, потому что в следующее мгновение Воскресенский опять вцепился в него и потащил в комнату. Макс мог бы вырваться, но – как ни глупо это было – он боялся сделать фотографу больно. Он-то не был пьян и прекрасно помнил, какой эффект оказал даже несильный тычок под рёбра на фотосессии. Вряд ли через пару дней после снятия

повязок всё окончательно зажило.

- Да отстаньте вы от меня! – шипел он, пытаясь вырваться из рук Воскресенского и одновременно ему не навредить.

Они довольно неуклюже топтались по комнате, пока наконец Воскресенский не сумел уронить Макса на кровать. Он навалился на него сверху, прижал запястья к подушкам и начал целовать в губы. Макс позволил ему сделать это. Стыдно признаться, но ему было любопытно, каково это – с мужчиной, а ещё... а ещё он испытывал ощущение мстительного превосходства: Воскресенский, который с такими недоброжелательностью и высокомерием относился к нему на съёмках, теперь касался его с желанием и жадой.

Воскресенский, поняв, что Макс не сопротивляется, разжал руки, а язык его скользнул глубже в рот. Если начало поцелуя было для Макса приятным, даже волнующим, то вот это было уже слишком – он завертел головой. Ви приподнялся на локтях и задрал на Максе футболку. Тот попытался отползти назад:

- Подождите, – задыхаясь сказал он. – Я... Вы не поняли...

- Всё я понял, – пробормотал Воскресенский, продолжая лапать Макса и целуя его теперь в живот. – Всё... всё... И всё видел... Как ты задницей передо мной вертел... в бассейне...

- Ничем я не вертел! – начал возмущаться Макс, но сообразил, что спорить с пьяным мужиком смысла никакого нет.

Он спихнул с себя Ви, а когда тот снова попытался забраться на него, заявил:

- Я вам сейчас так врежу и не посмотрю на швы или что там у вас!

Как ни странно, эта угроза подействовала: Воскресенский прекратил домогательства и уставился на Макса непонимающим пьяным взглядом. Макс встал с кровати и пошёл к выходу. Сзади донеслось насмешливое:

- Что, даже не отсосёшь?

Макс обернулся. Губы его были плотно сжаты, а глаза так и горели ненавистью:

- Какая же ты сука, Воскресенский! Надо было оставить тебя там. Разбился бы на своём катафалке – никто бы не пожалел!

Ви смотрел на него несколько секунд взглядом чуть более ясным и осмысленным, а потом уронил голову в ладони:

- Точно... Может, и лучше бы... И никто не пожалеет... Я просто человек такой – невезучий. Всё не так. Всю жизнь... Ви-Сётин. Сётин, знаешь, что такое? Тринадцать... Тринадцать. Вот и не везёт...

Пьяное бормотание ещё продолжалось, когда Макс вышел из номера и закрыл за собой дверь. Скотина, ещё и на судьбу жалуется! Пожил бы на пять тысяч в месяц – узнал бы, что такое настоящие проблемы. Нажрётся коньяку, а потом сидит, себя жалеет...

Домой Макс добрался очень поздно, да и ночью ему спалось плохо: сцена в номере безостановочно крутилась в голове. Нельзя было сказать, что она потрясла его до глубины души: его просто удивило, что Воскресенский мог воспринимать его *так*. С чего бы? Ничем он перед ним не крутил и не вертел... Просто у мужика воображение разыгралось. Больное воображение. А он ему и подыграл ещё, там, на кровати – чуть ли не в ответ целоваться полез. Вот дубина! Теперь Воскресенский будет думать, что он на самом деле не против. Если вспомнит, конечно, ха-ха! Точно! Всегда можно сказать, что не было ничего, что это фотографу с пьяных глаз померещилось.

Мучил Макса и ещё один вопрос – что ему делать завтра на съёмке? Последние фотосессии были назначены почти подряд, без долгих перерывов: видимо, лечение у Воскресенского закончилось или же не отнимало теперь много времени. Завтра (чёрт, уже сегодня) должен был сниматься сюжет, который до происшествия в номере его особо не напрягал, но теперь, теперь... Всего через несколько часов ему опять предстояло перед Ви в одних трусах ходить. Как?! С каким лицом?! Ему даже при мысли об этом хотелось сквозь землю провалиться, а что будет, когда он на съёмочную площадку придёт? Ох, и тёплый же приём его там ожидает! Воскресенский и без того измывался над ним как мог, а после сегодняшнего наверняка отыграется по полной.

Утром Стас отругал его за то, что он вчера поздно вернулся домой.

- Смотри, какие синяки под глазами! Как ты сниматься будешь?

- Вот так и буду, – отвечал Макс. Месяц назад Стас бы внимания не обратил, если бы племянник в зелёную крапинку из своей комнаты вышел, а тут, подумайте, синяки под глазами ему не нравятся! Он для дяди теперь «орудие производства», то есть добывания денег, которое нужно содержать в рабочем состоянии.

- Катя на глаза огурцы клала и чайные пакетики, – задумчиво сказал Стас, – только не помню, для чего это... Может, от морщин? Надо в интернете посмотреть. Огурцов я вчера как раз купил.

- Только попробуй подойди ко мне со своими огурцами! – взвился Макс.

Он выскочил из-за стола, оставив недопитую кружку с кофе, и закрылся в своей комнате. Пора было собираться. О том, чтобы не пойти, речи сейчас даже не шло. Спрыгнуть с проекта теперь было ещё более нереально, чем в самом начале. Стас вложился в съёмки по-крупному: одна только аренда бассейна в загородном клубе сколько стоила! Ну почему заказчики именно его выбрали, почему? Угораздило же его встрять в эту комедию! Нет, уже не комедию. Максиму было не до смеха.

Фотосессия происходила в президентском люксе одной из гостиниц города, вернее, в его ванной по площади большей, чем комната Макса. Посреди ванной находилась перегородка, на которой крепилась душевая стойка. Никаких стеклянных створок вокруг

не было – принимай себе душ посреди комнаты, да ещё и напротив окна. Максу это казалось немного странным: он бы чувствовал себя некомфортно в таких условиях, с другой стороны, этот номер предназначался не для тех, кто, подобно ему, почти всю жизнь прожил в квартире с шестиметровой кухней и трёхметровым совмещённым санузлом.

По сюжету ему предстояло плескаться в душе, будучи освещённым лучами утреннего солнца из окна. Что за идиотизм? При чём здесь чай? Ну, в общем-то, было понятно: если пьёшь чёртов чай, то ты такой совершенный, что утром встаёшь с постели – и, вуаля, уже красивый самым естественным образом. Осталось только зубы почистить и душ принять. Но неужели нельзя как-то иначе эту идею передать?

Макс только на минутку заглянул в ванную комнату, где Соня и ещё один ассистент – Игорь – ставили свет и отражатели под бдительным руководством Воскресенского. Фотограф не обратил на Макса никакого внимания.

Соня сказала ему идти готовиться. Визажистка (уже другая) быстро его подкрасила – основные усилия ушли на то, чтобы скрыть покраснение на щеке, оставшееся после съёмок на треке. Остальное время Макс сидел в одних джинсах перед дверью в ванную, слушая сквозь шум льющейся воды распоряжения Ви и его споры с Соней по поводу выдержки. Ассистентку почти не было слышно, тогда как Воскресенский громко и раздраженно отвечал ей.

– Я что, первый раз воду снимаю?! Кого ты учишь! – неслось из-за двери.

Отлично, Ви будет зол как чёрт ещё до начала съёмок... Спасибо тебе, Соня!

Когда его наконец пригласили, Макс вошёл в ванную, снял джинсы и встал под душ в указанной в описании сюжета позе: голова слегка запрокинута назад, обе руки на затылке. Вода, как ни странно, была комфортной температуры (Макс ожидал, что мстительный Воскресенский заставит его стоять или под ледяной водой, или под кипятком).

– Ты всегда в трусах моешься? – язвительно поинтересовался Ви.

– Сейчас я позирую, – ответил Макс, стараясь, чтобы голос не выдал переполнявшего его возмущения. – И в кадре я до пояса только...

– Всё равно снимай. На съёмке – как в жизни.

Максу показалось, что он сейчас задохнётся от ненависти к Ви: мерзавец делал это специально! Заставить его стоять тут голым после вчерашнего было настоящей подлостью!

– Не буду, – упрямо заявил Макс, добавив: – Я стесняюсь...

– Соня, выйди, пожалуйста, – попросил Воскресенский, разумеется, прекрасно понимая, что вовсе не её стесняются. – Мы с Игорем справимся.

Ассистентка фыркнула, закатила глаза, но удалилась царственной походкой, одарив Макса насмешливым взглядом.

– Хватит время тянуть! – скомандовал фотограф. – Делай что говорят!

Макс пару раз глубоко вдохнул и выдохнул, пытаясь унять овладевшую им злость, потом вышел из-под струй воды и стянул с себя мокрое бельё.

– Всё, теперь представь, что ты только-только проснулся, наслаждаешься приятным прохладным душем, свежим воздухом и солнцем, – сказал Воскресенский, возвращаясь к камере.

Макс старался как мог, но даже без едкой и эмоциональной критики фотографа понимал, что у него ничего не получается.

– Нет, так дело не пойдёт, – объявил Воскресенский. – Что ты весь зажался?! Девочка двенадцати лет, честное слово! Юная девственница! Можно подумать, тебя голым в школе к доске вызвали... Что за лицо такое унылое! Совершенно не умеет работать, совершенно...

Макс привычно молчал.

Ви немного походил по ванной туда-сюда, затем сказал:

– Выключай воду! Давай попробуем так...

Макс выключил душ и завернулся в приготовленное кем-то полотенце.

– В идеале тебе нужно абстрагироваться от происходящего – как если бы ты на самом деле находился в одиночестве, – удивительно спокойно начал Воскресенский. – К тому же у тебя глаза полужакрыты – ты же всё равно нас не видишь. Вот тогда и будет нужное выражение лица. Если так не получается, представь, что рядом не фотографы, а какие-то знакомые люди, которых не нужно стесняться. Брат, например, или отец... Ты же отца не стесняешься.

– Я отца, – отрывисто ответил Макс, ещё больше взбешённый лицемерной лекцией Воскресенского, – в жизни два раза видел, и то по телевизору.

– Знаменитость какая-то? – без особой заинтересованности спросил Ви, тогда как Игорь, до этого особо не прислушивавшийся, вытянул в их сторону шею.

– Не особо... Лирический баритон; после консерватории пел в нашем театре два сезона, а потом уехал. Сейчас в Берлине поёт.

– О как! Не думал к папочке податься?

– Нужен я ему! У него от трёх жён четверо детей и внебрачных, как я, трое. А ещё и так,

наверное, найдутся, которых он не признал...

Он несколько не преувеличивал: его отец, сын московской студентки и торгового представителя из Испании, сам выросший без отца, успешно продолжил дело своего неотразимого красавца-родителя и наплодил кучу отпрысков во время многочисленных гастролей.

– Да уж... – насмешливо посмотрел на Макса Воскресенский. – Гроза женских сердец. Понятно теперь, в кого у тебя такая смазливая физиономия... А с пением как дела обстоят?

– Слушайте, вы!.. – не выдержал Макс.

– Ладно-ладно, – поднял руки вверх Воскресенский. – Признаю, не самая удачная шутка. Иди-ка сюда.

Он отвёл Макса в дальний угол ванной к окну, подальше от подслушивающего ассистента. Макс не упирался, но и глаза поднять на Воскресенского не смел: хотя чего бы ему было стыдиться – это Ви должно быть совестно за вчерашнее...

– Вот что, – сказал Воскресенский, заглядывая Максу в лицо так, чтобы их взгляды всё же встретились, – если ты из-за того, что в номере было, то забудь... Я довольно туманно всё помню, но повёл я себя не самым лучшим образом. Признаю, был неправ. Просто подумал, что ты сам... ну, что ты для этого и поднялся в номер. Так что вот... На самом деле я о тебе так не думаю.

Макс выслушал путаное объяснение Воскресенского с каменным лицом, хотя внутри у него от этих слов всё переворачивалось. И смотрел на него Воскресенский сейчас совсем иначе – не похотливо, как вчера, и не пренебрежительно, как обычно, а как-то открыто, по-доброму.

– А Соня говорила, что вы с моделями никогда, – наконец открыл рот Макс.

– Ты модель, что ли? Ты недоразумение какое-то, – тут же последовал ответ.

А вот и старый Ви! С возвращением!

– Ладно, – скомандовал Воскресенский, – мы здесь не для этого собрались. За дело! Даю тебе пять минут на то, чтобы настроиться. Если не начнёшь работать как следует – тебе же хуже.

Макс пристроился на подоконнике, по самую шею замотавшись в полотенце и нахохлившись, как воробей. Ви, вместе с Игорем корректировавший освещение и настройки, изредка поглядывал на него. Парнишка на самом деле мало походил на модель, и чем больше он к нему присматривался, тем заметнее это становилось. Каким-то чудом он мог дать хорошие лицо, позу и настроение, в итоге – хорошие кадры, но даже если оставить в стороне профессиональные качества, у Макса был просто другой характер, другой тип личности. Он был очень замкнутым для модели, типичным

интровертом, которого на проявления эмоций могли подвигнуть лишь очень грубые оскорбления или нарушения его личного пространства. И ещё он совершенно не стремился привлекать внимание, к собственной внешности тоже был равнодушен. Нет, он весьма пристойно одевался, аккуратно, чисто и не то чтобы совсем дёшево, но опять же нетипично для того, кто решил стать моделью: неброско, обыкновенно, без единой яркой детали. Заурядная серая или синяя футболка, иногда не менее заурядная рубашка, джинсы и серые замшевые кроссовки – ничего другого на нём Воскресенский никогда не видел. Один раз ещё была куртка – и та какого-то приглушённого, пыльно-синего цвета.

Макс, как посоветовал ему Ви, пытался сосредоточиться на сюжете и выкинуть посторонние мысли из головы. Но сосредоточиться получалось только на словах Воскресенского: они, по сути дела, впервые говорили не на повышенных тонах, а по-человечески. Оказалось, что фотограф может быть совсем другим, не то чтобы добрым... скорее, понимающим.

«Ну вот, размяк, обрадовался, – ругал самого себя Макс. – Погладили один раз по голове, а ты уже хвостом виляешь!»

Он поднялся с подоконника.

– Я готов. Давайте отснимем быстрее...

– Хорошо, – ответил Воскресенский, недоверчиво поглядывая на Макса.

– Если вам Соню нужно, можете позвать...

Ви подошёл к двери в спальню и, приоткрыв её, крикнул:

– Соня, иди сюда! Ты вроде говорила, что хочешь на его задницу посмотреть.

Соня тут же показалась в дверях:

– Что ты врешь, Ви?! Не было такого! Я говорила, что хочу его за задницу ухватить.

Макс не знал толком, что именно на него подействовало: то ли короткая беседа с Воскресенским, то ли просто смена настроения после передышки, но он смог вернуться в то слегка отрешённое состояние, которое позволяло ему вживаться в образ и которого он научился достигать на последних съёмках. Он подставлял лицо под струи воды (это немного напоминало ту фотосессию под дождём), купался в ярких лучах солнца, льющихся из окна, и думал о том, что впереди ещё целый долгий приятный летний день – и рядом сейчас не было никого. Шум душа отчасти заглушал щёлканье фотоаппарата и короткие команды Ви, которые он отдавал ассистентам.

Но в какой-то момент всё стало меняться. Макс чуть приоткрыл глаза – просто из любопытства, посмотреть, что происходит – и встретился взглядом с Воскресенским. Взгляд фотографа скользил по всему его обнажённому телу от лица до ног, пронизывающий, ищущий, внимательный. В нём не было обычного холодного пренебрежения, он был заинтересованным, мягким, почти ласкающим, словно впервые

видящим. И Максу это не было неприятно, скорее наоборот: он хотел, чтобы на него так смотрели, даже если это был гад Воскресенский... Особенно если это был Воскресенский.

Он вспоминал снимки с предыдущих фотосессий: камера Ви умела разглядеть в нём нечто прекрасное, чувственное, необычное, чего не знал о себе даже он сам, и выпустить это наружу, показать всем; но ведь дело не могло быть только в камере, это фотограф видел его так. А их недавний разговор?.. В ушах до сих пор звучал низкий, спокойный, убеждающий голос. А то, что произошло вчера? Сегодня он уже почти не жалел об этом... Ему было только немного стыдно, что он не чувствовал отвращения или ещё чего-то в этом роде, ему было, скорее, просто любопытно. И приятно. Чёрт, ему же на самом деле было приятно, когда Воскресенский целовал его! Эта пьяная скотина лапала его, а ему было приятно.

От этих мыслей можно было сойти с ума. Макс не привык задумываться о таких вещах – о собственных чувствах и ощущениях. Раньше – с девушками – они всегда были просты и однозначны, а эти... Эти сбивали его с толку и пугали.

Он выскочил из-под душа, завернулся в полотенце, схватил свои джинсы и вылетел из ванной.

– Не могу больше! – выпалил он сердито и одновременно виновато, захлопывая за собой дверь.

– Макс, ты чё?! – окрикнула его Соня, бросаясь за ним. – Ну-ка вернись! Совсем сдурел...

– Пусть идёт, – остановил её Воскресенский. – Хорошо снимали. Там есть рабочие кадры...

Глава 8

Макс вместе с Соней и сумками с аппаратурой поднимался на отделанном розовым мрамором лифте. Ассистентка рассматривала себя в огромном зеркале:

– Отличное освещение в лифте, очень правильное. Так бы и устроила тут фотосессию себя любимой.

Макс уныло молчал. Эта съёмка стала бы последней, если бы им не нужно было переснимать сюжет с розами, сорвавшийся из-за макияжа и дождя. В тот же самый сад возле церкви они должны были поехать на следующий день. Сегодня же предстояла ещё одна не очень приятная фотосессия, а он после вчерашней ещё не отошёл. Всё тело ломило, особенно спину.

Вчера они снимали в тренажёрном зале. Макс заранее знал, что это будет нелегко: Воскресенский не начнёт снимать, пока не загоняет его до полусмерти для достижения правдоподобной усталости. Макс теперь был почти благодарен Маргарите Полушиной, которая потребовала, чтобы он ежедневно занимался на тренажёрах. Если бы не месяц подготовки, он вообще вряд ли бы пережил это испытание. Но если подумать, Макс согласился бы ещё на десяток подобных выматывающих съёмок, чем на такие, как в душе, или как та, что предстояла сегодня.

Двери лифта открылись, и они с Соней вышли в маленький холл.

– Вот сюда, – скомандовала ассистентка.

Дверь номера, куда они вошли, была распахнута, так как помощники Воскресенского постоянно сновали туда-сюда. Стас сегодня тоже был здесь – помогал организовывать подготовительный процесс. Он уехал из дома часа на два раньше Макса, в четыре утра. Модели разрешили поспать подольше. Съёмка начиналась так рано, потому что Воскресенский желал поймать какой-то особенный утренний свет.

До этого Стас с Ви и Соней долго катались по всем гостиницам и даже кое-каким частным квартирам города в поисках подходящего помещения и обязательно с окнами, ориентированными особым образом. В итоге остановились на вот этом люксе для новобрачных в одном из самых дорогих отелей. Дядя потом ещё несколько дней обговаривал с руководством гостиницы все детали, так как Воскресенскому требовались существенные переделки. Во-первых, нужно было снять, по выражению фотографа, «пошлый» балдахин из розовато-лиловой органзы, висевший над кроватью; во-вторых, затянуть студийным фоном шоколадного цвета одну из стен, чтобы закрыть пёстрые обои в виньетках и розочках. Были ещё кое-какие мелкие замены и перестановки.

В итоге, когда Макс вошёл в спальню люкса, один его угол существенно отличался от прочей пышной и несколько игривой обстановки. От неё осталась лишь прикрывающая часть окна штора холодного лилового оттенка (ею заодно замаскировали край натянутого фона), само окно, начинавшееся от самого пола, и кровать с высоким изголовьем из серебристого дуба, украшенным скромной резьбой. Кровать была застелена однотонным бельём жемчужно-серого оттенка.

Весь этот угол словно попал сюда из совершенно иного номера – стильного, строгого, аскетично-прекрасного.

Воскресенский сидел в противоположном конце комнаты и с раздражённым видом созерцал получившуюся декорацию. Как пояснила по дороге Соня, он не привык работать в таких условиях, «сочиняя» интерьеры из подручных средств.

Для съёмок Максу опять пришлось раздеться догола, но на этот раз ниже пояса он был прикрыт тонким одеялом. Слева от него, ближе к окну, из подушек сложили нечто, напоминающее очертания второй человеческой фигуры. У Сони был даже припасён каштановый парик, который можно было положить на подушку так, чтобы было похоже, что рядом на самом деле кто-то лежит.

– Я и сама могла бы тут полежать для большей правдоподобности, – хихикнула она, подавая Максу чашку с чаем: он должен был сидеть на постели и держать её в руках.

Макса ничуть бы не удивило, если бы Воскресенский для «вживания в образ» уложил в постель по соседству с моделью обнажённую барышню. Но по какой-то причине маньяк-фотограф от этого воздержался.

Ви выгнал из спальни всех, кроме Макса, Сони и Игоря – в том числе и Стаса, который вдруг пожелал присутствовать на съёмках. Дядя в итоге уехал в офис.

Фотограф выглянул в окно:

– Рано, свет ещё не тот. Будем пока делать пробные кадры, чтобы определиться с позой и потом не терять на неё время.

Сюжет был простой: глоток освежающего и бодрящего чая после ночи любви. Правда, Макс не совсем представлял, какое у него должно быть выражение лица. Начать с того, что этих ночей в его жизни было не так уж много и кончались они отнюдь не расслабленным распиванием чая в постели, а торопливыми сборами, пока не пришли родители девчонки, или ещё чем-нибудь в этом роде. Но он фильмы смотрел, книги читал, поэтому старался придать лицу умиротворённое, слегка мечтательное выражение.

Естественно, Воскресенский не был доволен.

– Не пойдёт! Совершенно идиотская ухмылка – как будто тебе первый раз дали! Немного спокойнее, сдержаннее... Теперь как будто вообще не дали. И плечи! За плечами следи, опять напряглись!

Фотограф поглядел на часы.

– Так, времени у нас мало. Скоро будет нужный свет, а он мне тут рожи корчит – одна страшнее другой! Что будем делать с этим недоумком? Вот бестолочь!

– Макс, – протянула Соня, – ну что ты, правда, как буратинка деревянный сидишь? Разве такое лицо должно быть?! Оно у тебя как каменное, помягче надо...

Ви стоял рядом с ней и задумчиво тёр переносицу.

Макс дослушал Соню и уже хотел ответить, что расслабленное лицо Воскресенский только что называл дебильным, но не успел...

– Иди вон туда, в ванную, – указал пальцем на дверь фотограф.

– Зачем? – спросил Макс.

– Сам знаешь зачем! Не пять лет. Или тебе, как умственно отсталому, всё объяснять надо?

– Вы что, издеваетесь? – не веря своим ушам воскликнул Макс, до которого дошло наконец предложение Воскресенского.

– Это ты надо мной уже месяц издеваешься! – рявкнул фотограф. – Иди и займись делом! Хоть на это-то ты способен? Бездарь!

В комнате повисла тишина. Макс тяжело дышал, силясь взять себя в руки. Он с минуту сидел и тупо смотрел на Воскресенского, который отвернулся в сторону и как ни в чём не бывало щёлкал какими-то кнопками на фотоаппарате, словно не сомневаясь в том, что его приказ будет выполнен. Это было настолько унижительно, что Макс даже не нашёлся что и ответить. Ему на эту тему даже заговаривать было стыдно... Потом он заметил, как Соня, ожесточённо гримасничая, кивает в сторону двери в ванную, мол, иди, не тяни.

Он ещё несколько секунд посидел, сомневаясь, но потом откинул одеяло, подцепил лежавшие неподалёку джинсы, быстро натянул их (интересно зачем? кто его здесь ещё не видел?) и ушёл в ванную. Разумеется, он не собирался следовать совету Воскресенского... Не будет же фотограф его лично контролировать! Можно просто постоять тут минут пять-шесть, а потом объяснить, что ничего не получается, мол, члену не прикажешь...

После нескольких недель съёмок Макс уже свыкся с приёмами Ви и понимал, почему тот требовал полной реалистичности – ради потрясающе живых снимков. И да, он согласен, что после секса на лице появляется особое выражение. Но это уже переходило всякие границы! Он не эксгибиционист какой-нибудь, чтобы почти прилюдно заниматься мастурбацией! Воскресенский просто сумасшедший... И страшно подумать – всё это ради рекламы чая. Чай! Кому какая разница, что за лицо у него будет? Никто не будет всматриваться в такие детали!

Если подумать, даже если бы он честно послушался Ви, у него всё равно бы ничего не получилось: так что он даже не соврёт. От одной мысли о том, что за дверью три человека знают, зачем он закрылся в ванной, и ждут его, у любого нормального человека пропадёт желание.

Выждав положенное время, Макс выглянул в спальню. Три пары глаз испытующе посмотрели на него. Он вообще редко краснел – такой тип кожи, или кровеносной системы, или ещё чего-то, – но от этого молчаливого вопроса кровь так и бросилась ему в лицо. Хорошо, что на нём был слой тонального крема, хотя, возможно, всё было видно даже сквозь него. Макс был готов сквозь землю от стыда провалиться. Он отрицательно покачал головой.

Соня и Игорь с трудом скрывали смех, Воскресенский же смотрел на него так, словно готов был расстрелять на месте.

Потом, расслышав сдавленное фырканье за спиной, он гневно обернулся к ассистентам:

– Брысь отсюда! Оба! – Он снова взглянул на Макса и ткнул в его сторону пальцем: – А ты – снимай штаны и марш в кровать! Свет сейчас будет. Придётся снимать, что есть. Ну что за недоделанный, сил моих больше нет!

Ассистенты скрылись в соседней комнате. Макс, помня совет Сони в таких ситуациях молчать, разделся, сел в кровати, как нужно по сюжету, и поднял глаза на Воскресенского. Тот, оказываясь, всё это время смотрел на него. Ви покачал головой:

– Откуда только тебя выкопали?.. У меня худшей модели в жизни не было. Даже подрочить сам не может!

Макс опустил глаза:

– Вы бы сами-то смогли? Когда три человека под дверью подслушивают?

– Что?! Подслушивают? – возмутился Воскресенский. – Делать нам больше нечего, как только подслушивать твои жалкие... как их... потуги!

Макс с ненавистью посмотрел на него:

– Ну так и фотографируйте давайте! Вы же у нас гениальный фотограф! Это мы вокруг все жалкие людишки, и потуги у нас жалкие.

Хотя Макс не надеялся ни на какой эффект, его слова, судя по всему, немного осадили Воскресенского. Тот немного постоял посреди комнаты, а потом подошёл к кровати и сел в изножье.

– Я знаю, что ты стараешься, – уже более спокойно заговорил он, – но одного старания недостаточно. «Я старался», «я пытался», «я потратил кучу времени» – всё это не имеет значения. Значение имеет только результат. Заказчик не принимает оправданий. Я тоже.

– Я правда не знаю, какое вам выражение лица нужно. Вам всё неладно...

– Я тоже не знаю, – признался Ви. – Но когда я его увижу, то пойму, что это оно.

Он откинул одеяло в сторону.

– Эй, вы чего? – Макс попытался натянуть его обратно себе на ноги и живот.

Ви задержал его руку:

– Тихо, тихо... – В его голосе, в силе его рук было что-то такое, чему Макс не мог противиться. Он замер, напряжённо глядя в светлые глаза Воскресенского.

Фотограф пересел ближе к нему. Его пальцы скользнули по животу Макса. Тот заметил, что на ладони тоже были следы от ожогов, две тонкие параллельные полоски. Он смотрел на эту руку, словно заколдованный, почти не чувствуя прикосновений, словно и не его вовсе трогали сейчас эти пальцы, спускаясь вниз. Макс в буквальном смысле забыл, что надо дышать.

Он понимал, что так нельзя, и всё-таки позволял... Как тогда, в гостинице, позволял целовать себя, потому что это было и сладко, и стыдно, и остро до дрожи и потому, что в глубине души он хотел этого: хотел, чтобы именно этот человек – нет, даже не касался его, не целовал, – относился к нему с настоящим вниманием, а не как к вещи.

Воскресенский обошёлся без каких бы то ни было прелюдий: его ладонь бесцеремонно легла на член парня и начала поглаживать его с нежным, но сильным нажимом. Макс рванулся в сторону:

– Не надо... пожалуйста...

Голубые глаза посмотрели на него искушающее, с насмешливым вызовом:

– Всё-таки решил, что справишься сам?

Макс сглотнул и закрыл глаза. Он не мог пошевелиться. Он просто продолжал прислушиваться к своим ощущениям, и они были удивительными, словно погружение в тёплые объятия. В следующую секунду он почувствовал, что от прикосновений Ви его член начинает твердеть. Где-то в фоновом режиме проносились мысли о том, что это отвратительно, это невозможно: стояк от того, что его трогает мужчина, тем более – сволочь Воскресенский... Но ему было всё равно, потому что возбуждение было сильнее, в сотни раз сильнее, чем какие-то там мысли.

Он осмелился посмотреть на Ви из-под полуопущенных ресниц: тот не сводил с лица Макса пристального взгляда, словно хотел разглядеть и запомнить каждую его чёрточку, каждый оттенок чувства. Ви крепко обхватил его член и быстро, ритмично двигал ладонью, уже слегка влажной от выступивших капель смазки. В его движениях было что-то не то чтобы торопливое, но очевидно нацеленное на результат – он делал то, что даст потом хорошие кадры. В отсутствии чувств было что-то унижительное, и эта отравленная смесь восторга и унижения лишь подстёгивала эмоции.

Он непроизвольно склонился вперёд, чтобы быть ближе к Воскресенскому, и с его губ сорвался тихий вскрик.

– Не так громко, – прошептал Воскресенский. – Всё слышно...

Макс прижал зубами нижнюю губу. Господи, до чего же хорошо!.. Он не думал, что это будет так: просто от прикосновений чужой руки на него нахлынут столь невероятные по силе ощущения. Ви делал всё именно так, как Макс хотел, словно читая его мысли, сжимая именно в том месте, именно с той силой, изредка проводя большим пальцем по головке, отчего по позвоночнику пробегало наслаждение резкое и болезненное, как электрический ток.

– Да, отлично, – произнёс Воскресенский, свободной рукой проводя по щеке Макса. – Кусай себе губы, кусай...

Тот тяжело и часто дышал, подходя всё ближе к разрядке. Воскресенский положил ладонь ему на шею и притянул к себе – его голова опустилась Ви на плечо. Макс уткнулся влажным лбом в ткань водолазки, почувствовав горький запах одеколона, знакомый ещё с того вечера в гостинице. Он вспомнил поцелуи Ви на своих губах, шее, животе. Эти яркие, жгущие образы вызвали прилив удовольствия, который медленно нарастал, накалялся, охватывал всё тело, концентрируясь внизу живота, пока наконец не завершился ослепительным по силе оргазмом.

Макс, не издавший при этом ни звука, ловил пересохшими губами воздух. Голова его всё так же упиралась в плечо Воскресенского, а тело часто вздрагивало. Едва он пришёл в себя, как поднял голову и отодвинулся от Ви.

Тот убрал руку с его члена, обмахнул её пару раз о простыни, встал и скрылся в ванной, сказав лишь:

– Ну, вот и всё.

Когда он через минуту вернулся, Макс уже находился в нужной позе, целомудренно прикрытый одеялом. Ви подошёл к нему, подправил растрепавшиеся волосы, дал в руки чашку с чаем и отошёл к камере, прищурившись у видеоискателя. Оба делали вид, что ничего не произошло.

Утреннее солнце вышло из-за соседнего дома, затопив комнату тёплым розоватым светом. Наверное, это произошло уже несколько минут назад, но Макс не мог вспомнить, когда именно, – настолько захватили его ощущения. И даже сейчас, хотя он и пытался держать позу и нужное выражение лица, мысли были полностью там, в том странном, несуществующем месте и времени, где они с Воскресенским не были фотографом и моделью, а были просто двумя людьми, разделявшими близость, чувства и желание...

Только он не был уверен, что Ви разделял тогда его чувства. Он не понимал этого человека до конца: вполне возможно, что для него всё это было лишь работой, такими же необходимыми манипуляциями, как установка светотехники или подбор нужного объектива. А он сам... Он сам и тогда, и даже сейчас сделал бы всё, что бы Воскресенский ни попросил, он позволил бы ему всё, абсолютно всё... Только вот Ви ничего не было нужно от него. Кроме, быть может, хороших кадров.

От понимания этого стало так обидно, стыдно и горько, что чашка задрожала в руках.

– Что опять такое? – прикрикнул Ви. – Сиди спокойно, руки расслабь. Попробуй лицо немного к свету развернуть. Да, вот так. Очень хорошо!

Макс едва понимал, что происходит. Блаженство и опустошение... Больше он ничего не чувствовал, и не хотел чувствовать, и не хотел знать. Из полузабытья его вырвал голос Ви:

– Рот чуть-чуть приоткрой, можешь даже немного улыбнуться... Хм, нет, не надо. Губы просто потрясающие...

Воскресенский просил что-то ещё, и Макс автоматически выполнял указания, даже не до конца осознавая, что делает.

Потом Ви снял камеру со штатива и высунул голову в соседнюю комнату:

– Соня, ты плёночный взяла? Умница. Поставь полтинник и плёнку на сто шестьдесят. – Он повернулся к Максиму: – Ты только не шевелись! Вот так и сиди.

Воскресенский, так и не приглашая ассистентов в комнату, несколько минут снимал его на другую камеру, а потом отпустил:

– На сегодня всё. Хорошо поработали.

Макс только кивнул и, забрав одежду со стула, ушёл в ванную отмыться и одеваться. Когда он через пять минут вышел в спальню, там уже всю носились ассистенты, складывая осветители и штативы, снимая со стены фон и занимаясь ещё десятком нужных и полезных дел. Воскресенский задумчиво сидел в углу и зачем-то чистил линзу объектива специальным карандашом.

Парень не смел посмотреть в глаза ни ему, ни кому-либо другому на съёмочной площадке. Он вышел из спальни, а потом и из номера, ни с кем не обменявшись и словом. В дверях его поймала Соня и тут же всучила ему длинный чёрный чехол с какими-то железяками:

– Помоги вниз спустить.

Макс послушно понёс. В лифте они опять ехали вместе. Парень прислонил свой гремющий и грохочущий груз к стене, Соня любовалась на себя в зеркало.

– Что вы там делали? – неожиданно заинтересовалась она.

– Фотографировались.

– Спасибо, кэп, – Соня наморщила нос. – А как?

Макс пожал плечами:

– Обыкновенно. Немного поговорили сначала, он мне с позой помог, и всё – стали фотографироваться.

– А, понятно. Поговорили, значит. – Ассистентка оторвалась от своего отражения. – Мне просто интересно, что это он опять за плёнкой побежал: тогда под дождём и сейчас.

– Не знаю, мне он не докладывался.

– Он после Данилы, ну, после пожара то есть, никого на плёнку не снимал. Таскаем только с собой повсюду. А то мне барахла мало...

– Он только его снимал? – полюбопытствовал Макс, когда они с Соней выходили из лифта.

– Нет, не обязательно. Но вообще редко, больше для себя. С цифрой гораздо удобнее – сразу на ноут всё выводится, видно, что подправить. С плёнки ещё и сканировать потом, а проявлять-то её... бррр... Хотя иногда шикарно получается. Чем-то ты Ви зацепил, раз у него ручки опять к плёнке потянулись.

– Да уж, зацепил. Минуты, наверное, считает до окончания проекта...

– Может быть... Я вот точно дни считаю. Мы потом в Москву на недельку, а оттуда обратно в Майами. Конечно, будешь считать, как бы поскорее отсюда свалить. – Соня указала на пяточок возле выхода из фойе. – Сюда клади. Я тут буду остальных ждать, охранять наше добро. Пусть мужики таскают, а то не царское это дело...

Слова Сони про Москву и Майами подействовали на Макса, как холодный душ. О чём он только думал? У Воскресенского была совсем другая жизнь – яркая, увлекательная, красивая. Фотографа случайно забросило в их унылый городишко на полтора месяца, и срок его «заключения» здесь истекал. Скоро он вернётся в свой блестящий и солнечный мир. Конец истории.

– А может, я ему этого Данилу напомнил? – спросил вдруг Макс.

Соня посмотрела на него с лёгким удивлением:

– Не, ты не похож. Тип лица разве что – скулы да разрез глаз. Но это всё ерунда. Данилка же манекенщик был, тебя сантиметров на двадцать выше. И волосы у него совсем светлые были. И вообще... Он, знаешь, какой был! Одевался – просто обалдеть, и вёл себя очень уверенно, раскованно. На него всегда внимание обращали. В общем, не как ты...

– Я понял, – опустил глаза Макс. – Пока, Сонь.

– Ага, давай, до завтра. Надеюсь, розы там не завяли ещё, а то слушаемся мы от Ви.

Глава 9

На этот раз погода в день съёмки была совсем другой – никаких дождя и ветра, чудесное мягкое солнце, не жарко, не холодно – самое то. Визажистка окончательно приводила Макса в порядок, Соня возилась с объективами, Воскресенский ходил возле скамейки, подбирая ракурсы. Даже Стас успел здесь с утра посушиться и переругаться с нанятыми им ассистентами. В конце концов он уехал в офис, на встречу с заказчиком.

Последняя фотосессия. Как Макс ждал этого момента раньше! И как обидно было теперь... Конечно, он испытывал облегчение от того, что не нужно будет больше терпеть ругань и издевательства тирана-фотографа, но это значило и то, что он больше не увидит его. Никогда.

Он сидел на скамейке, сзади него цвели розы, в ветвях деревьев щебетали какие-то мелкие птички, но всё внимание было сосредоточено только на одном – на высоком темноволосом мужчине с седыми висками, который сейчас фотографировал его.

Он ничего не мог поделать – его тянуло к нему. За последние несколько дней из яростной неприязни к Воскресенскому проклюнулось совсем новое чувство, неправильное, невыносимое, не дававшее покоя. Поначалу он сопротивлялся ему и не верил, но после того, что произошло на последней фотосессии, обречённо сдался. Глупо было отрицать очевидное – ему нравился мужчина. Он не думал, что ему нравятся мужчины вообще, ему нравился именно этот, честно говоря, самый неподходящий вариант из всех возможных.

Ничего страшного. Воскресенский скоро уедет, и всё забудется. О том, чтобы дать Ви знать о своих чувствах, даже речи не было. Во-первых, Макс и сам не был в них до конца уверен. Это было похоже на какое-то наваждение, временное помешательство. Может, он перегрелся на фотосессии, может, так проявлялся стресс от всех этих событий, может, это скоро пройдёт само собой? Во-вторых, он ни за что бы не осмелился признаться в чём-то подобном мужчине. Он понятия не имел, как это делается. Наверное, примерно так же, как и с женщинами, но чёрт его знает... Да и толку-то? Он бы и женщине никогда не признался, если бы она, подобно Воскресенскому, относилась к нему как к мебели, даже хуже – как к бракованной мебели.

Он прекрасно понимал разницу их положений. Всемирно известный фотограф и студент из провинциального города. Он даже моделью-то на самом деле не был. Ви просто рассмеётся ему в лицо. Его где-нибудь там – в Москве, Майами или Париже – ждут десятки таких, как Данила: ярких, красивых, знаменитых и уверенных в себе.

– Лицо не меняем! – вырвал его из размышлений недовольный возглас Воскресенского. – Что за выражение опять?! Кого хоронишь? Как муха сонная, честное слово. То скачет и дрыгается, то теперь сидит как деревянный!

Фотосессия закончилась без приключений. Макс стёр с лица макияж – его было совсем немного – переоделся и решил приткнуться в тихий уголок, чтобы не путаться под ногами во время сборов. Соня обещала отвезти его в центр. Сейчас она вместе с Воскресенским просматривала отснятый сегодня материал. Оба вечером собирались уехать в Москву и хотели быть уверены, что получили кадры нужного качества.

Максим встал возле фонтана и долго бессмысленным взглядом смотрел на тонкие струйки воды. Теперь то, как Ви окунул его в фонтан, казалось смешным, а не таким ужасным и оскорбительным, как в тот день.

Он повернулся посмотреть, как там дела у Сони: её вообще не было видно, зато Воскресенский стоял в противоположном углу площадки и что-то фотографировал, похоже, что его. По крайней мере объектив был направлен в эту сторону.

Ви с облегчением снял фотоаппарат с шеи. Тяжёлый... Видимо, совсем отвык снимать с рук, особенно за эти несколько недель здесь, когда из-за операции снимал только со штатива. Но Макса сейчас очень захотелось сфотографировать – без позы, без сюжета, таким, каким он был на самом деле. Он, наверное, действительно подходил под этот проект в силу своей естественности, безыскусности и спокойной, неброской красоты. Но работать с ним было тяжело. Он жил словно в прочно закрытой раковине, и заставить его приоткрыть створки стоило большого труда, зато потом, когда он всё-таки решился показать то, что было внутри... У Ви редко получались настолько хорошие, проникновенные кадры с моделями-мужчинами.

Макс теперь о чём-то болтал с Соней. Уже в который раз Воскресенский ловил себя на том, что завидует ассистентке: она могла вот так запросто говорить с ним, обсуждать какую-то ерунду, разумеется, сплетничать, а их отношения были хуже, чем напряжёнными, они были просто отвратительными... Да и какая теперь разница? Они сегодня уезжают. Жаль, конечно, что Макс запомнит его этаким фотографом из ада. Во время фотосессий Воскресенскому всегда было тяжело сдерживать эмоции, но мальчишка держался молодцом. Ви был привычен к ситуациям, когда модели (даже парни) рыдали после съёмки, жаловались всем и каждому, звонили мамам, папам, друзьям, подругам и любовникам, чтобы излить душу и пожаловаться на изверга-фотографа. Макс же молча терпел. За редкими исключениями.

Несмотря на его вопиющий непрофессионализм, закрытость и хамство (надо признать, ответное) Макс ему нравился. В нём было что-то необычное, искреннее, чистое. Воскресенскому даже иногда становилось стыдно за то, как он орал на него на площадке. Раньше он по этому поводу угрызений совести не испытывал. А то, что произошло на вчерашней фотосессии... Он представить себе не мог, что вот так бы взял и отдрочил какой-то другой модели прямо во время съёмки. Он вроде и ради кадров это делал, но и... Хватит врать самому себе! Просто очень хотелось. От одной мысли, что парень под одеялом совсем голый, уже чуть не вставало, а потом, когда Макс кончил, ему самому было в пору в ванную бежать – и нет, не руки мыть. С другой стороны, ничего удивительного: красивый мальчик так жадно смотрит на тебя, кусает губы, дрожит всем телом – не надо испытывать к нему никаких особых чувств, чтобы ощутить ответное возбуждение.

Всё было собрано и упаковано. Воскресенский обычно помогал складывать вещи, но так как кожа на руках ещё не до конца зажила, уже сама фотосессия была для него достаточно утомительной и даже болезненной, поэтому он и оставлял всё на Соню. Макс стоял возле «лансера», куда ассистентка упихивала последний чехол со штативом. Воскресенский направился к ним. Была не была...

– Ну что, ничего не забыли? – спросил он у Сони.

– Специально всё обошла, под каждый куст заглянула, – ответила она.

Фотограф повернулся к Максиму:

– Довезти тебя?

– Меня Соня подбросит.

– Ей ещё кучу всего собирать. Садись, – он кивнул в сторону своей машины.

– Да я вообще-то... – начала ассистентка, но тут же замолчала под выразительным взглядом Ви.

Макс ничего не заметил, только пожал плечами и равнодушно пошёл к «кадиллаку».

– У вас тут документы какие-то лежат, – сказал, открывая переднюю дверь.

Ви сел на своё сиденье и взял с соседнего прозрачный файл.

– Совсем забыл про них! Вот и хорошо, что ты здесь. Это надо Гартману отдать, акты

выполненных работ, ещё что-то, я не очень разбираюсь. Вы ведь с ним увидите?

– Ну да, увижусь, – ответил Макс, пристёгиваясь.

– Или лучше в офис ему завезти?

– Можно в офис, но тогда только из рук в руки. Там такой дурдом, что потом ничего не найти. Давайте лучше мне. – Макс взял протянутый Ви файл и аккуратно пристроил под широким подлокотником, там как раз было подходящее ничем не занятое место.

– Туда же тебя отвезти?

– Нет, мне в центр надо, в универ, это недалеко от вашей гостиницы. Я покажу.

– Окей.

Макс сидел, отвернувшись к окну. Он понимал, что вот сейчас – его последний шанс, но совершенно не знал, что ему делать. Не бросаться же Ви на шею? А что-то такое сказать, даже намекнуть – нет, у него язык не повернется. Ни за что и никогда.

Воскресенский заговорил сам.

– Проект получился неплохой, – сказал он. – Я знаю, что со мной бывает тяжело, но ты держался хорошо. Спасибо за работу.

Макс кивнул.

– И вам спасибо. У меня не очень-то получалось и... – Макс замолчал, не зная, что ещё сказать. Он чувствовал себя первоклассником у доски. Он не считал себя стеснительным или излишне скромным, но с Воскресенским всё было иначе: это был по-настоящему взрослый, состоявшийся человек, который неизвестно как на самом деле к нему относился. Скорее всего, не очень хорошо, учитывая то, как он его обычно обзывал.

– Мне бы не хотелось, чтобы у тебя остались негативные впечатления от этой работы и от меня лично. Я сегодня уезжаю, но могли бы ещё успеть посидеть где-нибудь, поговорить. Я пойму, если ты не захочешь после вчерашнего, или позавчерашнего, или...

– Да уж, у Макса было много поводов отказаться. Пожалуй, не стоило их все перечислять.

– Нет, я наоборот, – выпалил Макс. – Я не против. Я видел фотографии и, думаю, что они стоят того, чтобы ради них немного... м-м... потерпеть.

– Хорошо. Тогда, может, место предложишь? Я тут ничего особо не знаю.

Макс секунду подумал.

– Можно в «Манхэттен». Это напротив развлекательного центра, где вы в тот раз были.

– В шесть часов нормально?

– Да, нормально, – подтвердил Макс. – На следующем перекрёстке направо надо повернуть.

Буквально через три минуты они уже доехали до здания университета, где Макс пулей выскочил из машины. Ему было и радостно, и жутко неудобно за то, что он принял это приглашение. Хотя, собственно, чего неудобного? Может, Воскресенский ничего такого и не имел в виду... Но Макс втайне надеялся, что имел. Он совсем с ума сошёл. Что ему, девчонок вокруг мало? Почему вдруг Ви, ну почему, почему?

Ему предстояло ещё высидеть занудную консультацию по летней практике, но мыслями он был, конечно, там: то на съёмочной площадке, то уже в «Манхэттене», за одним столиком с Воскресенским.

Ви быстро сообразил, как добраться от университета до гостиницы. Он пока слабо себе представлял, что ему делать с Максом, и решил ориентироваться по обстоятельствам. Он даже не был уверен, что у Максима когда-либо вообще были отношения с мужчинами. С одной стороны, на вчерашней съёмке он уступил очень легко, даже охотно, но с другой... В жизни он вёл себя совсем не похоже на гея, тем более

занятого в модельном бизнесе. Стоило признать, он вообще не очень хорошо знал Макса, но почему-то тот казался ему неискушённым и искренним существом, вряд ли способным так ловко притворяться.

Кем бы Макс ни был, он наверняка ненавидит его за все те издевательства и оскорбления, которым он подвергал его на фотосессиях. Но ведь он всё же принял приглашение... И между ними было какое-то притяжение, пусть слабое, ещё не определившееся, но Ви его чувствовал. Или он всё это придумал? Ладно, подождём до вечера, а там посмотрим.

Воскресенский заехал на парковку и уже практически вышел из машины, как на глаза ему попались документы, забытые Максом. В принципе, у него хватало времени занести их Гартману самому, рекламное агентство совсем рядом. Он набрал номер Гартмана несколько раз: всё время было занято. На документах был указан телефон офиса, туда фотограф и позвонил.

– "С-Медиа", – ответил запыхавшийся женский голос после пятого гудка.

– Скажите, а Гартман на месте?

– Нет, сейчас его нет. Что-то передать? – вежливо ответила женщина, тут же гаркнув куда-то в сторону: – С ума сошли, что ли? Не будем мы заказывать такой тираж без пробной печати.

– Нет, не нужно. А когда он будет, не подскажете?

– Его сегодня в офисе уже не будет. Он из дома работает. Тут у нас сегодня... шумно.

Воскресенский вздохнул. В трубке действительно слышался металлический лязг непонятого происхождения. Куда теперь девать чёртовы бумажки? Отдать вечером Максусу?

– Он далеко от офиса живёт? Это Воскресенский, фотограф. Мне нужно ему документы передать.

– Нет, на машине минут пять-семь. – И снова крик: – Найдём другую типографию! Пусть катятся к... Простите. Что вы спросили?

– Я спросил, какой адрес у Гартмана.

– Мира пять, а квартира... Свет, какая у Стаса квартира? Да знаю, что двухкомнатная. Номер какой?

Ви знал, какой номер она назовёт. Он мог бы не дожидаться ответа, он уже знал. Его почему-то бросило в жар.

– Квартира сто сорок пять.

Может быть, какая-то ошибка? Две бешеные тётки могли перепутать, поэтому он уточнил:

– Точно? У Максима Ларионова такой же адрес.

– Так он же с ним живёт, – бросила женщина, тут же переключившись на невидимую Свету: – Нет, не та бумага, эта отложена для...

Воскресенский опустил телефон.

Вот дурак! Старый дурак... Потянуло на молоденьких, на мальчишку, который ему чуть не в сыновья годится, на двадцатилетнюю модель. Конечно, его уже кто-то трахает. Будет он тебя дожидаться...

С чего он вообще взял, что у Максима никого нет. Никогда об этом речи не заходило? Не слышал? Да он вообще ничего о парне не знал... «Искренний, чистый, неискушённый». Сейчас все эти эпитеты, которыми он его наделил, звучали насмешкой, упрёком его собственной глупости. Разумеется, для него не было принципиально, был ли у Макса кто-то до него или нет, но знать, что он живёт с Гартманом – другое дело. За этим уже стояли отношения... или деньги. Спать со своим же агентом очень удобно и выгодно.

Наверное... Будет тебя продвигать вовсю, может, комиссионные поменьше возьмёт. Хотя почему обязательно деньги? Может быть, у них действительно чувства, любовь. Разве не может такого быть? Да, но от встречи с ним Макс не отказался, хотя не мог не понимать, к чему дело идёт. Ещё бы! Известный фотограф, снимающий для «Vogue» и «Elle» – это круче, чем глава небольшого бизнеса в Сухозадрищенске. Какая может быть любовь, если такой шанс засветился на горизонте?

А он-то, он-то сам как попался! Уж в его-то возрасте, с его опытом можно было догадаться, понять. Напридумывал себе сказочных прекрасных мальчиков... И всё равно: смотреть, как этот созданный им трогательный и чистый образ падает в грязь, было больно. Воскресенскому стало горько и противно от всего этого. Чёртов городишко...

Он так и стоял возле машины с телефоном в руке. Ви взял файл с документами, сумку с фотоаппаратом и вошёл в здание гостиницы. Соня жила в соседнем с ним номере. Он заметил её машину на стоянке: видимо, она уже успела приехать сюда, пока он катал Макса да делал ему всякие предложения. Идиот! Ещё раз идиот!

Воскресенский постучал в дверь Сониной комнаты.

Макс пришёл в «Манхэттен» за полчаса до назначенного времени: занять столик получше и поединённее, пока после окончания рабочего дня не набежал народ, и просто потому, что у него терпения не хватало ждать где-то ещё. Он практически сразу после окончания консультации сюда помчался.

Он успел проголодаться и заказал салат и чай, хотя выпить сейчас хотелось чего-нибудь покрепче. Ему было страшно, не до такой, конечно, степени, чтобы руки тряслись и ноги дрожали, а просто немного тревожно и неловко.

Когда Воскресенский не появился в десять минут седьмого, Макса это не сильно обеспокоило. Мало ли почему фотограф мог задержаться... Свернул не туда в незнакомом городе, в пробку попал. В половине седьмого парень стал уже серьёзно думать о том, что Ви не придёт. Он подождал ещё немного и позвонил – номер Воскресенского у него на всякий случай был записан в телефоне, хотя звонить ни разу не приходилось. Фотограф не ответил. Макс попробовал ещё раз, послав вдогонку эсэмэску: «Это Максим Ларионов. Вы придёте?». Возможно, у Воскресенского его номера не было, а на звонки с неизвестных он не отвечал.

Макс понимал, что смысла ждать нет: если бы Ви хотел его видеть, он или бы уже приехал, или позвонил сказать, что задерживается, или, по крайней мере, ответил на звонок. Тем не менее Макс ушёл из «Манхэттена» уже ближе к половине восьмого. И даже когда выходил из дверей, то посмотрел на дорогу в ту и в другую сторону: вдруг мелькнёт чёрный силуэт «кадиллака». Он надеялся до последнего. Глупо и наивно...

Зачем вообще было приглашать его куда-то, если потом не приезжать и даже не отвечать на звонки? Последняя пакость от Воскресенского? Финальное унижение на прощание?

Когда он пришёл домой, Стас болтал по телефону (судя по интонации – с Катей). Они кивнули друг другу, и Макс ушёл в свою комнату. Дядя заглянул туда через пять минут:

– Пойдём ужинать, а то остынет всё.

– Не хочется что-то. Я после универа в кафе зашёл, перекусил. – Потом добавил, чтобы сразу пресечь возможные расспросы: – С одноклассниками.

– Тогда просто со мной посидишь, расскажешь, чего и как.

Стас был в чудесном и общительном расположении духа, и Макс знал, что теперь от

него так просто не отделаться.

– А ты чего кислый такой? – спросил дядя, когда они пришли на кухню. – Надо радоваться: ты же сегодня последнюю фотосессию отмучил!

– Ну, это классно, конечно, – без особой радости в голосе ответил Макс. – Просто на консультации назадавали всего. Дневники какие-то, отчёты. Я с этими съёмками даже ещё не нашёл, где практику проходить.

– А, не парься. Я ж тебе говорил, у меня одноклассник бывший, Санька Герасимов, работает в «Стройресурсе» по связям с общественностью. Пристроит тебя куда-нибудь почище, чтобы в кабинете сидеть, а не по стройкам бегать.

– Да я бы и побегал, мне же на самом деле практика нужна. – Макс присмотрелся к файлу с бумагами, лежащему на подоконнике возле ноутбука Стаса, и даже привстал, чтобы лучше рассмотреть. – Это не от Воскресенского документы?

У него эти бумажки на радостях совсем из головы вылетели.

Стас обернулся:

– А, да. Утром забыл про них. Соня недавно привезла.

– А Воскресенский?

– Что Воскресенский?

– Ну... он уехал уже?

– Да, она сказала, почти сразу после съёмок всё собрал и укатил. Дела какие-то появились. – Стас ещё раз обернулся назад и посмотрел на файл. – Это, Максик, не просто документы. Это большие-большие деньги, которые мы с тобой скоро получим. Сделка года! Нет, лучшая сделка за всю мою жизнь!

– Я всё-таки пойду, наверное, – Макс поднялся из-за стола. – Может, в кафе съел что-то не то.

У него не было никаких сил сидеть на кухне вместе со Стасом. Тот пребывал в отвратительно-отличном настроении и радовался тому, как удачно завершился проект с Воскресенским. А вот ему лично этот проект дался кровью. И дело даже не в вечном недовольстве фотографа и его садистских требованиях, а в том что... что этот проклятый фотограф теперь не выходит у него из головы, что он хочет опять увидеть его, а мысль о том, что они не встретятся больше никогда, невыносима.

Почему он не пришёл? Если у Воскресенского возникли какие-то срочные дела, то можно же было позвонить? С другой стороны, зачем звонить, если всё равно приходится уезжать? Зачем ему тогда Макс вообще нужен?

Чёрт, а на что он раньше-то рассчитывал? На то, что после одного совместного ужина Ви останется здесь – ради него? Или встанет перед ним на колени, предложит руку и сердце и увезёт с собой, как настоящий принц на белом коне (хорошо, на чёрном «кадиллаке»)? И с чего он решил, что у приглашения Воскресенского был какой-то романтический подтекст? Может, и не было его вовсе.

Он почему-то вспомнил слова Сони про смерть Данилы: ему-то всё равно, а вот другому с этим жить. Вот и у него так получилось: Воскресенскому всё равно, он через день про одного из сотен моделей вообще не вспомнит, а ему с этим жить.

Ну, ничего, не так уж и долго – помешательство пройдёт через пару недель. По крайней мере он на это надеялся. Может, и к лучшему, что фотограф уехал вот так.

Макс сунул наушники в уши и лёг на кровать. В плеере играло что-то мрачное и грустное. Как раз под настроение.

Глава 10

– Вот, это тебе, – Стас положил перед ним на стол маленькую жёлтую бумажку, где были написаны адрес электронной почты и телефон. – Напиши ему. Звонить, не знаю, удобно ли, а написать можно.

– Не буду я ему писать, – буркнул Макс, отодвигая листок в сторону.

– Ну, давай я напишу от твоего имени.

– Только попробуй!

Дядя пожал плечами, махнул рукой и вышел из комнаты. На кухне его ждала Катя, готовившая что-то аппетитно пахнущее. Одна хорошая новость в жизни Макса: сегодня вечером можно будет хотя бы вкусно поесть. Их со Стасом кулинарные таланты оставляли желать лучшего.

Яркая бумажка на столе притягивала взгляд. Он не поленился – спрятал её под клавиатуру.

Стас тоже не поленился: наверное, опять позвонил Маргарите Полушиной и выжал из неё контакты Воскресенского. Последние две недели дядя носился с нелепой идеей отправить Макса в Москву.

Началось всё с поисков работы. После летней практики Макса готовы были оставить на работе в «Стройресурсе», но с очень маленькой зарплатой. Он подумал и остался там – всё равно лучших вариантов не было – с тем прицелом, что когда наберётся опыта, то и более высокооплачиваемое место найти будет легче. Работа у него была не пыльная: за компьютером, в основном с САДами. Опять же ещё преддипломную практику проходить, почему бы не здесь?

Стас был другого мнения. Он считал, что после госэкзаменов, а может, и не дожидаясь их, племяннику надо ехать в Москву и искать место в столице. Зарплаты там в строительстве высокие, перспектив больше, нужно закрепляться, пока ещё учишься, чтобы потом, получив диплом, не бегать по вакансиям. Правда, к высоким зарплатам (не таким уж и большим для начинающих) прилагались и существенные расходы: например, на поездки в свой город по учёбе или на жильё. Некоторые организации предоставляли сотрудникам общежитие, но не с первого дня работы, разумеется, и, по отзывам, условия там были не очень. Стас решил, что лучше Максиму снимать комнату. Тот, надо сказать, вообще никуда ехать не собирался, по крайней мере, до окончания учёбы.

Следующей идеей Стаса стало то, что в качестве приработка Макс может сниматься в рекламе. Тот сто раз ему говорил, что не желает даже близко подходить к фотоаппаратам и съёмочной площадке, но Стас продолжал гнуть свою линию. Макс, конечно, догадывался, что могло быть побудительной причиной: к ним собиралась переехать Катя. После её возвращения с учёбы у них со Стасом всё быстро завертелось, и они уже чуть ли не о свадьбе подумывали. Взрослый племянник в квартире явно становился лишним. Стасу, разумеется, было неудобно выпроваживать Макса просто так, а работа в Москве оказывалась замечательным предложением – он вроде как даже доброе дело делал, устраивал карьеру Макса.

Тот на него не обижался – он прекрасно понимал Стаса. Дядя и без того много лет о нём заботился, помогал и частично содержал. Если бы не Стас, оформивший опеку, его бы отправили в детский дом или интернат; если бы не Стас, он бы сейчас жил в общежитии, а пособия и денег, которые отец присылал, хватало бы только впритык на еду и самую простецкую одежду. Никаких кафешек, компьютеров, плееров, развлекательных центров. Но сейчас он уже не был ребенком. Ему двадцать один год, вуз почти закончен. Пора слезать с дядиной шеи.

Но решиться поехать в Москву, как советовал Стас, было тяжело. Он не был там ни разу в жизни, и в столице у него не было ни родственников, ни знакомых – вообще никого. Наверное, тысячи людей ещё и младше его находились в точно такой же ситуации, но всё равно ехали, однако у него был не настолько авантюрный характер. Ему всегда хотелось уверенности, страховки, определённости.

Идея с подработкой в модельном бизнесе казалась Стасу столь окрыляющей по одной простой причине: гонорар за тот единственный проект был очень высоким. После разговора с Маргаритой пыл немного поугас. Настоящий, в отличие от него самого, агент объяснила, что работу Макс, скорее всего, не получит: у него, по отзывам Воскресенского и Сони, нет опыта, для начала карьеры он вообще староват, а в портфолио только один реальный проект. И тот, кстати, так и не пошёл в работу, несмотря на то что был честно оплачен.

Как сказала Полушина, единственный шанс чего-то добиться в такой ситуации – это либо найти «спонсора», который будет активно продвигать своего протеже, либо обратиться к Воскресенскому. Тот вряд ли предоставит рекомендации – он такого никогда не делает – но может взять Макса в качестве модели, раз уж они знакомы. Фотограф будет в Москве с середины января до конца февраля, и у него на это время запланировано сразу четыре крупных проекта и по мелочи ещё несколько штук.

Стас считал, что племянник должен написать Воскресенскому и попросить взять его в один из этих проектов. Так можно засветиться в Москве, познакомиться с кем-то на площадке, да мало ли какой шанс может подвернуться.

Макс не воспринимал эти идеи всерьёз. Он устал повторять дяде, что не хочет работать моделью, это во-первых, а во-вторых, он – последний человек, которого Ви пожелает видеть на съёмочной площадке.

Жёлтая бумажка с адресом провалялась под клавиатурой две недели – до начала декабря, прежде чем снова попала на глаза во время уборки. Макс взял листок и сел на кровать. Он мог бы написать Воскресенскому, но не потому, что хотел снова у него сниматься или чтобы получить работу, нет... Это была возможность напомнить ему о себе, повод связаться с ним, удобный предлог.

Глупо цепляться за соломинку! Давно надо было выбросить Ви из головы, только не получалось. Не проходило и дня, чтобы Макс не вспомнил о нём. После того вечера в «Манхэттене» у него почти получилось снова возненавидеть чёртова фотографа, но память постоянно подбрасывала другие воспоминания: о последних фотосессиях, о коротком разговоре в машине, когда Воскресенский, изредка отворачиваясь от дороги, смотрел на него так... Сложно сказать, как именно. По-особенному...

Пару дней Макс думал над тем, что и как можно написать Воскресенскому. Естественно, это будет не письмо Татьяны Онегину «Я вас люблю, чего же боле...», а деловой и-мейл с просьбой рассмотреть его кандидатуру на январские и февральские фотосессии в Москве. Правда, на февраль были назначены госы, но какая разница. Может, Ви даже не ответит, а если ответит... Что ж, будем решать проблемы по мере их поступления.

Вечером, уже перед тем, как пойти спать, Макс наконец заставил себя сесть за письмо. Он сочинял его долго, больше часа, менял слова, переставлял предложения местами, перечитывал. Поставив подпись, он пробежался глазами по коротенькому тексту ещё раз – и вдруг, поставив P.S., сделал маленькую приписку, чуть более личную, почти отчаянную. Он её даже не перечитал – быстрее нажал на кнопку «Отправить», потому что знал: если дать себе хоть на секунду задуматься, он ни за что не отошлёт письмо в таком виде. Испугается. Постесняется. Постыдится.

Через десять минут он уже думал о том, почему до сих пор не придумали способ стереть своё письмо из чужого ящика, если оно пока не прочитано.

Воскресенский возвращался с пляжных съёмок к себе домой, на Саус-Бич. Фотосессия выдалась утомительной и долгой. По дороге он подбросил Соню, снимавшую квартиру в самом Майами: ассистентка купила подержанный «ягуар», и машина уже во второй раз была в ремонте.

Ви остановился у небольшого кафе в двух кварталах от дома, где частенько ужинал. Заведение было тихое, аккуратное и принадлежало большой семье кубинцев. Складывалось ощущение, что все, кто там работал, были друг другу в той или иной степени родственниками. Он быстро сделал заказ: все блюда он тут знал. Может, в этом кафе разнообразия большого и не было, зато всегда было вкусно.

Съев салат, Ви достал телефон и начал проверять почту. Куча писем, в основном спам... И опять эта настойчивая дама из «Аберкромби энд Фитч». Сколько можно? Он уже получил от неё несколько звонков, отрицательно ответил на несколько писем – всё без толку. Неужели люди не понимают слова «нет»? Когда он говорил «нет», он не имел в виду «не сейчас» или «вы предложили мне мало», он имел в виду именно «НЕТ». И всё из-за проклятой рекламы чая, будь она миллион раз неладна!..

В журналах её так пока и не напечатали. Возможно, сделают это в начале следующего года. Процесс согласования проходил медленно. Вся эта чайная контора разделилась на два лагеря: они там чуть не передрались из-за того, какие именно фотографии пускать в дело. Самые хорошие кадры были отбракованы заказчиком сразу, и теперь шли споры, какие из принятых больше подходят к имиджу продукта.

Американский агент Воскресенского тем не менее настоял на получении от заказчика разрешения на публикацию (разумеется, с некоммерческими целями) кадров, от которых они отказались. Снимки были напечатаны сразу в нескольких журналах, посвящённых фотографии, и там их неистово хвалили как раз за то, за что отверг заказчик: за излишнюю чувственность, затаённую сексуальность, которая была передана так тонко, ненавязчиво и изысканно, что невозможно было указать, где и в чём она проявлялась. Она просто была. В целом заказчик был не против налёта сексуальности, но в этой серии фотографии она приобретала какой-то гипнотический эффект, сравнимый с тем, что приписывается двадцать пятому кадру – ты его не видишь, а он действует на твоё подсознание, и ты уже не можешь выкинуть образ из головы. Проблема была в том, что это был образ модели, а не чая.

На первый взгляд всё было просто чудесно: молодой человек на фотографии был замечательным воплощением естественной красоты, истории легко прочитывались, послание сразу угадывалось, но модель была слишком притягательна – не в пошло-эротичном смысле, а в трогательном и чистом. Это было не на всех снимках: например, в фотосессиях у камина или у окна эта тема вообще отсутствовала, но лучшие кадры были пронизаны тем чувством, которое какой-то не в меру поэтичный критик назвал «призрачной паутиной страсти и осязаемым притяжением между моделью и фотографом». Воскресенский, дочитав обзор до этого места, швырнул журнал в мусорную корзину. Правда, потом остыл и вытащил обратно.

Знали бы они об этой «страсти», о бестолковом мальчишке, с которым он мучился больше месяца...

После публикации снимков на него повалились заказы, которых, впрочем, и так

хватало. Интересные он принимал, от некоторых отказывался. Особенно упорными оказались «Аберкромби энд Фитч», известные любители впихивать полуголых парней в рекламу чего угодно.

Воскресенский не был уверен, что сможет повторить что-то подобное с другой моделью. Как бы тяжело ни проходили съёмки и как бы ни печально закончилась эта история, фотосессии с Максимом были чем-то особенным, исключительным. Между ним и его моделью действительно что-то было: внутреннее напряжение, влечение, страсть...

Он до сих пор не мог забыть о Максе. Тот поселился в его мыслях и воображении, не отпускал, приходил в воспоминания и терзал.

Когда он вернулся с тех съёмок в Москву, немного остыл и стал способен трезво оценивать ситуацию, то понял, почему сбежал тогда от Макса, от Гартмана, прочь из этого города: ревность, страшная, отчаянная ревность, почти физически ощутимая. Зависть к чужому счастью. Невыносимая мысль о том, что Максим – его капризная, изменчивая муза, искренний мальчик, вернувший ему давно потерянное вдохновение – принадлежит кому-то другому. Злость на себя самого, что так наивно обманулся.

Он почти ненавидел Макса, хотя тот ни в чём и не был перед ним виноват, – и всё равно раз за разом просматривал кадры с фотосессий и те, другие, которые снял в последний день у фонтана.

Официант поставил перед ним тарелку. Воскресенский на секунду отвлёкся от проверки писем, чтобы отрезать кусочек от бифштекса и отправить в рот, но в следующее мгновение вилка едва не выпала у него из рук. В холодном, излишне кондиционированном помещении ему вдруг стало жарко, и кровь прилила к лицу. Отправителем одного из писем был Максим Ларионов. И что? Может быть, совсем другой. Имя и фамилия распространённые, в России таких Максимов, наверное, не один десяток. В маленьком поле предпросмотра не было видно ничего, кроме «Уважаемый Алексей Владимиро...».

Ви открыл письмо и быстро пробежал по нему глазами: планирую начать работать в Москве... узнал о Ваших намечающихся проектах... был бы рад вновь... Ваш творческий подход... жду Вашего ответа...

И в конце – короткая торопливая приписка с опечатками: *«Жаль, что вы не смогли тогда приехать. Навенрое, произошло что-тосрочное. Не все было гладко на съёмках, но надеюсь мы сможем увидеться и поговорить на этот раз и исправить недопонимание».*

Воскресенский, прочитавший письмо на одном дыхании, наконец выдохнул. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

Он отодвинул тарелку на край стола и, подав официанту знак рукой, попросил принести кофе.

– Это можете забрать, – указал он на бифштекс и картофель.

– Вам что-то не понравилось, сэр? – обеспокоенно поинтересовался официант.

– Нет, всё прекрасно, но мне нужно идти. – Он выложил на стол кредитную карту. – Просто принесите кофе.

Официант с тарелкой удалился и вернулся через три минуты с картой, чеком и чашкой кортадо – вкусы постоянного клиента здесь знали. Воскресенский машинально взглянул на счёт: там были только салат и кофе. В другой раз он бы настоял на том, чтобы основное блюдо тоже включили, но не сейчас. Сейчас он не мог думать ни о чём, кроме письма.

Пока он добрался до своей квартиры, в голове уже сложилось с десятков возможных вариантов ответа, один язвительней другого.

Почему Максим вдруг написал через четыре месяца? Что случилось? Расстался с

Гартманом? Карьера модели не задалась? Надо устраиваться в Москве? А эта наглая приписка в конце... Увидеться и поговорить – ну конечно! Только увидеться и только поговорить. Не то чтобы откровенный намёк, но вполне очевидный. Мальчишка решил установить с ним «личный контакт». Да за кого он его принимает?! И за кого он себя принимает? Таких, как он, и даже лучше, – десятки вокруг! Да, всё-таки тогда, спяну, он не ошибся. Макс был таким же, как все, и нужно ему было то же самое, что и всем остальным: помощь, протекция, рекомендации. Продать себя подороже и клиенту получше.

Как он мог так заблуждаться? Когда он вспоминал его и смотрел на фотографии, это был совсем другой человек, но однако же письмо было перед ним, и он не знал, что на него отвечать.

Наверное, впервые в жизни он испытывал желание рассказать кому-нибудь о своих чувствах, спросить совета... Потому что он сам запутался: его одновременно тянуло к Максиму и отталкивало. Только с кем поговорить? Из родных никто не поймёт. Соня заржёт, да и она тоже не поймёт. Разве что Дейв, с которым они вместе учились в Чикагском институте искусств и до сих пор оставались друзьями. Можно позвонить ему. А смысл? Он и так знает, что посоветует Дейв, даже слышит голос, правдивые и циничные интонации:

– Fuck him, and be done with it.

Тоже неплохой вариант, тем более что мальчишка сам напрашивается. Трахнуть его, утолить жажду новизны, распрощаться и не мучиться больше. Может быть, это поможет и он перестанет в конце концов воображать невесту что – увидит настоящего Максима Ларионова, а не придуманный им самим образ.

Воскресенский включил ноутбук и сел писать ответ. На всё про всё ушло около пятнадцати минут. На сегодня у него были планы поработать, но проклятое письмо всё спутало и смешало. Он долго не ложился спать – так долго, что перед тем, как всё же отправиться в кровать, решил позвонить Маргарите в Москву. Она к этому времени уже должна была проснуться. Если бы он позвонил сразу после получения письма от Макса, то накричал бы на неё не хуже, чем на моделей во время съёмок, а сейчас он уже поостыл. Воскресенский довольно вежливо, но всё-таки отчитал своего агента: с чего это вдруг она стала раздавать его контакты направо и налево, пусть и знакомым людям. В конце он отдельно добавил, что больше не желает слышать ни единого слова про Максима Ларионова.

После того как письмо Воскресенскому было отправлено, Макс долго вертелся в кровати и не мог уснуть. В семь утра его, совершенно невыспавшегося, подняла бодренькая мелодия будильника. Через десять секунд он вспомнил об и-мейле и тут же вскочил с постели, чтобы проверить почту. За ночь ответ вполне мог прийти. И, как ни мало Макс на это надеялся, он был.

Макс даже на стул садиться не стал, так и прочитал письмо, склонившись возле стола. Он ожидал чего угодно, но не такого. Это было настолько оскорбительно, унижительно и несправедливо...

Уважаемый Максим!

Спасибо за письмо. Честно говоря, для меня оно оказалось неожиданным. Да, я действительно собираюсь в следующем месяце начать съёмки в Москве, но, боюсь, на этот раз мы не сможем работать вместе. Сразу скажу почему: проект для «The Silver Leaf»

был достаточно тяжёлым, хотя и дал результаты; на этот раз я не имею в своём распоряжении столько времени. Мне нужны модели, которые работают хорошо и сразу, у меня нет возможности тратить по часу на раскачку каждой из них, как это происходило с тобой. Кроме того, ты недостаточно профессионален во многих других вопросах. Не буду тратить время на перечисление. Также я не советую тебе тратить время в попытках сделать карьеру в модельном бизнесе: у тебя нет к этому способностей.

Надеюсь, мои слова не сильно тебя огорчат. Поверь, у меня есть некоторый опыт в данной области, и я в состоянии дать объективную оценку твоим шансам.

Алексей Воскресенский.

P.S. Максим, я не имею абсолютно никакого желания встречаться с тобой и что-либо исправлять. И мне не жаль, что я тогда не приехал. Это было правильным решением. Твоё письмо и озвучённые в нём намерения лишней раз подтверждают это. Смею надеяться, теперь недопонимания уже не будет и я больше не стану получать от тебя звонков и писем подобного, мягко говоря, неэтичного содержания. Такого рода предложения меня не интересуют.

Макс отошёл от компьютера и упал обратно в кровать. Никогда ещё в жизни ему не было так унизительно-стыдно.

– Ненавижу тебя! Ненавижу, ненавижу, ненавижу! – повторял он, зарывшись лицом в подушку.

Глава 11

*I traveled half the world to say
You are my muse...
Muse*

Ви собирал разложенные по столам и диванам фотографии: они обладали удивительным свойством выползать из отведенной им комнаты – кабинета, по совместительству студии, – и распространяться по всей квартире, оседая в гостиной, спальне и даже на кухне. Воскресенскому снимки совершенно не мешали, но вечером он ждал Соню, и поэтому требовалась небольшая уборка.

Соня, словно январско-февральского проекта ей не хватило, ездила в Россию в отпуск и вернулась три дня назад, но они до сих пор не виделись. Сегодня она, под предлогом того, что ей нужно срочно отдать Ви ключи от его московской квартиры, где она останавливалась на неделю, напросилась в гости, а заодно и ночевать. Завтра на пляже должен был состояться бесплатный мастер-класс йоги от какого-то великого гуру, а после него тоже бесплатный и исключительно полезный завтрак на свежем воздухе, спонсируемый сетью магазинов «Whole Foods» [1]. Мероприятие начиналось в шесть утра, вот Соня и решила погостить у Воскресенского.

– Ты представляешь, во сколько мне надо встать, чтобы на пляж в такую рань приехать? А от тебя до Оушен-драйв десять минут пешком. Пусти меня к себе переночевать, – пищала Соня. – Я же маленькая и незаметная, как мышка.

Ужин она привезла с собой, видимо, тематический: какие-то ростки и белую склизкую дрянь.

– Господи, как это можно есть? – опасливо косился Воскресенский на загадочную пищу.

– Нормально, – заявила Соня. – Всё съедобное и полезное. А то я так за отпуск отъелась, что жуть! Ой, чуть не забыла! Насчёт еды. Тётя Вера твоя послала тебе банку солёных огурцов и ещё варенье малиновое. Я ей как ни объясняла – отбиться просто невозможно было. Взяла, чтобы она отстала. Так что, когда по телефону будете разговаривать, скажи ей, что я всё привезла.

– Что-то я не понял, – усмехнулся Ви. – Где моё варенье?

– Где-где... Съели варенье твоё. Не попру же я сюда эти стеклянные банки. Маргарите отвезла, у неё ребятёнок мелкий варенье любит, а огурчики мы с ней сами... того... под коньячок.

– Твои пищевые пристрастия меня пугают.

– И напрасно. Так душевно с ней посидели. Я Рите про своё американское житьё-бытьё рассказывала, а она мне про московское. – Соня отправила в рот очередную ложку какой-то гадости. – Кстати, ты помнишь Макса Ларионова? Помнишь-помнишь, такое не забывается.

– Ну, помню. И что? – как можно равнодушнее ответил Воскресенский, зная, что Соне не скажешь, как Полушиной, молчать и не напоминать. Она на такие заявления сразу реагирует лютым и неутолимым любопытством.

– Маргарите уже третий месяц звонят, представляешь? Хотят его снимать. А она ему даже и не агент, просто не знают, как ещё его найти. Это после тех отзывов в журналах и после выставки.

В январе у Воскресенского была персональная выставка в Нью-Йорке. Там была одна

фотография Максима, снятая для рекламы чая (из забракованных), и ещё одна, сделанная на плёночную камеру во время дождя. Её Ви вообще никому не показывал и показывать не собирался, но Соня проболталась агенту, тот настоял на включении фотографии в экспозицию, а куратору она понравилась настолько, что оказалась на обложке каталога выставки как «наиболее полно отражающая уникальность творчества фотохудожника». Воскресенскому эта идея, конечно, была не по душе, но он не смог привести никаких разумных доводов против. Тот факт, что модель спит с неким Станиславом Гартманом, вряд ли тронул бы кого-то так же сильно, как его самого.

– А он чего? – спросил Воскресенский. Ему и правда было интересно. – В том году зимой так и рвался сниматься.

Он достал из микроволновки аппетитный кусок рыбы с поджаристой картошкой и сел за стол напротив Сони, пережёвывающей неведомую субстанцию.

– Да, было что-то такое, а теперь отказывается: упёрся и ни в какую. Сказал, что никогда не будет больше фотографироваться, что он не модель и идите все лесом. Гартман тоже с ним поделаться ничего не может. Самое смешное, оказалось, что Гартман вообще ему никакой не агент... Там такая история!

– Я ещё летом понял, что это за история, – раздражённо оборвал Соню Воскресенский.

Она обиженно поджала губу: такой рассказ сорвался, а она-то надеялась удивить Ви.

– А как ты догадался? – спросила она, помолчав и подумав. – Они же совсем не похожи... Вот ни капельки.

– Кто не похожи?

– Вы с Пушкиным не похожи! – язвительно отозвалась Соня. – Мы о ком говорим, забыл, что ли? Макс и Гартман. Вот я и спрашиваю, как ты догадался, что они родственники?

– Они родственники? – холодея, произнёс Воскресенский.

– А я про что тебе говорю?! Приём, Земля вызывает Ви! Максик без родителей остался рано, он мне даже рассказывал что-то такое. Его дядя воспитывал – Гартман то есть. Для нашего проекта ему нужны были портфолио, типа для массовой, «мёртвые души», вот он и подсунул племянника, а его – раз! – и утвердили. Так-то он никакая не модель, обыкновенный студент. А мы его ещё критиковали, помнишь? – хихикнула Соня. – Позу не держишь, плечи деревянные...

Воскресенский выскочил из-за стола, не в силах больше слушать Сонину трескотню. Ему надо было подумать, всё это осмыслить, понять, остаться одному...

– Господи! Ты чего?! – воскликнула Соня. – Я аж испугалась. Чуть не подавилась из-за тебя.

– Забыл чайник включить, – ответил Ви и, обогнув барную стойку, зашёл в ту часть комнаты, где располагалась кухня.

Ассистентка проводила его недоумённым взглядом:

– Да нам вроде чай не так срочно...

Воскресенский нажал кнопку на чайнике и достал из шкафа две чашки.

– А теперь он где?

– Макс? Да там, у себя. Учится пока. Его Маргарита звала в Москву, но он не поехал, дурачок. А такие заказы были! Работает на какой-то стройке вроде. Он всегда странный был.

Воскресенский стоял посреди кухни, покусывая костяшки пальцев и задумчиво глядя куда-то в пол.

– Он тебе нравился, да? – тихо спросила Соня. – Я по тем фотографиям поняла.

– Сложно сказать... – не поднимая на неё глаз, ответил Ви.

– Что ж ты тогда?.. Надо было сделать что-нибудь.

– Я и сделал, – признался Воскресенский. – Я такое сделал... Соня, ты не представляешь, какой я дурак!

– Почему это не представляю? Прекрасно представляю! Был бы умный – женился бы на мне, и жили бы мы с тобой припеваючи, – усмехнулась Соня.

– Ты извини, я что-то устал. Пойду спать лягу, – сказал Воскресенский. – Мне завтра рано вставать.

– Мне тоже. У меня же йога.

– Спокойной ночи тогда. Я тебе в кабинете диван разложил и всё приготовил.

Фотограф ушёл в свою комнату. Соня, оставшаяся одна в гостиной, услышала, как щёлкнул вскипевший чайник.

– И что, даже чаю не попьём? – грустно сказала она.

Воскресенский пересёк спальню и вышел на балкон. Тепло, темно, душно... В квартире ему буквально нечем было дышать, но и тут оказалось не легче. Чёрт, сейчас куда ни уйди, хоть на Северный полюс, везде будет одно и то же, потому что это внутри... внутри...

Соня была права, Максим ему нравился. Даже больше, чем просто нравился. Он чувствовал к нему нечто особенное, ранее не испытанное и не вытравляемое из души и памяти никакими силами. Он знал это и запрещал себе думать о нём.

Что он наделал? Он разрушил всё, что могло между ними быть.

Если издевательства на съёмках ещё можно было простить, списав на темперамент, то всё остальное... Он не приехал на встречу. Он видел звонки и сообщение и не ответил – хотел разорвать их отношения окончательно, раз и навсегда. Возможно, если бы он поднял тогда трубку, то всё выяснилось бы в тот же день... Но он не смог себя заставить. Разочарование и ревность были слишком сильны. Он, взрослый мужик, повёл себя как ребёнок, разобидевшийся на весь мир за то, что ему подарили на Новый год красный паровозик, когда он хотел зелёный.

Но самым ужасным было письмо. Этого Макс ему никогда не простит.

Воскресенский вернулся в комнату, взял со стола ноутбук и начал просматривать старую почту. И-мэйл Максима он со злости стёр, но в «Отправленных» осталось письмо, написанное им самим, и история внизу. Он перечитал оба. Теперь, когда он знал правду, всё виделось иначе, слова приобретали другой смысл. Не то чтобы совершенно другой, конечно. По какой-то неведомой причине даже после того, как он прокатил его с той встречей в кафе, Макс надеялся на то, что они смогут поговорить и объясниться. Он хотел только этого. Съёмки были предлогом.

Ви уже неизвестно в который раз перечитывал маленький сбивчивый постскрипtum и представлял, как Макс пишет его в последний момент. Он понимал, как тяжело ему было решиться написать тому, кто столь явно продемонстрировал ему своё пренебрежение. Каких сил это от него потребовало... И получить такой ответ. Отвратительный, холодный, унижительный.

Почему он был так жесток с ним? Почему? Потому что не мог забыть? Не мог простить несоответствия тому образу, который нарисовал в голове? Как он мог так поступить? Что он за бездушная скотина такая?

Надо было что-то делать. Все те чувства, которые он так долго подавлял, проснулись,

и он уже не сомневался в них.

До окончания текущего проекта – Воскресенский за бешеные деньги снимал интерьеры люксового отеля в Майами для сайта и буклетов – оставалось буквально три дня, потом у него был небольшой перерыв перед съёмкой для модного журнала. Хватит ему этого времени?

Воскресенский по-настоящему пришёл в себя только в терминале авиакомпании «JetBlue» аэропорта Кеннеди в Нью-Йорке. Несколько дней с того вечера, как он узнал, что Макс и Гартман вовсе не были любовниками, до момента, когда он опустился в кресло в ярком, светлом зале аэропорта, промелькнули как в тумане. Он лихорадочно делал десятки дел, стараясь освободить время для поездки в Россию, но мысли почти всё время были о Максиме. Как его найти, как объяснить, что он ошибся, что не хотел делать ему больно? Как сказать сотни других вещей, которые накопились за долгие месяцы, когда он, как помешанный, как лунатик, рассматривал его фотографии – всё, что у него осталось от той невысказанной страсти?

Он позвонил Маргарите и разузнал у неё всё о Максе. Она знала не так уж много: Гартман женился, и племянник сейчас живёт не с ним, неизвестно, где именно. Воскресенский потребовал, чтобы она осторожно выяснила всё, что сможет, о том, где он работает, живёт, как его отыскать. Звонить ему он не хотел, понимая всю бессмысленность звонков. Максим просто не захочет его слушать. На этот счёт он не питал иллюзий. Он не сомневался, что мальчик его ненавидит: за то, что он сделал, за то, что не сделал, и – в особенности – за письмо.

В Нью-Йорк Ви прилетел утром, а вылет в Москву был во второй половине дня. В самолёте из Майами он, полусонный, уставший, дремал, а возможно, даже и по-настоящему спал. В ожидании пересадки он впервые за четыре дня получил возможность спокойно посидеть, подумать и разработать план действий. Пока у него не было никакого. Он понятия не имел, что скажет Максиму при встрече.

Вся эта поездка, если здраво размышлять, была полным безумием. Лететь в Россию на четыре дня с призрачной целью и, скорее всего, только для того, чтобы выслушать от одного молодого и красивого парня пару неприятных слов. Но даже если так, даже если Максим пошлёт его куда подальше, он всё равно хотел лично извиниться перед ним и попробовать объяснить, что он на самом деле хочет отношений с ним, что он с ума по нему сходил все эти восемь с лишним месяцев, что ему больше никто не нужен на всём белом свете.

Десять часов перелёта до Москвы прошли без сна: то ли успел сбиться режим, то ли сказывалась общая нервозность. Из «Шереметьево» Ви сначала поехал за машиной в гараж, потом к себе домой и сразу завалился в кровать. Перед завтрашней поездкой надо было выспаться.

Чуть ли не весь следующий день он провёл в дороге, общаясь по телефону то с Маргаритой, то с работниками оказавшейся просто-таки огромной компании «Стройресурс». Он знал, что Максим работает там, но потребовалось поговорить с пятью разными людьми, чтобы выяснить, где конкретно его можно найти.

Воскресенский совсем забыл, как отвратительно-грязно может быть на улицах в начале апреля, когда полурастаявший снег и вода смешиваются в серую кашу. Центральные магистрали города уже вычистили (или же снег сам по себе стаял от более активного движения), а небольшая улочка на окраине, где находился объект, куда уехал

по делам Максим, была ещё в снегу. По ней пролегали глубокие, заполненные грязной водой колеи. По одну сторону дороги находились облезлые двухэтажные бараки, по другую строились сразу несколько высотных домов. Ви проехал их все, остановившись возле стоявшего на некотором отдалении нежилого здания, судя по табличке над воротами стройки – торгово-развлекательного комплекса.

Времени было пять вечера. Как сказали в «Стройресурсе», рабочий день был до шести, но Воскресенский подъехал заранее на случай, если Макс решит сбежать домой пораньше. Стройка – не офис, и даже в шесть часов оттуда практически никто не уходил. По внешним признакам было понятно, что кое-где работы заканчивались, но где-то и продолжались. Через ворота наружу прошли буквально пять человек да выехали две машины. Об этом Ви не подумал: у Максима машины не было, но кто-то мог его подвезти.

Макс показался около ворот ближе к половине седьмого. Воскресенскому не надо было видеть его лицо – он мгновенно узнал его издали по походке, по тонкой прямой фигуре и сразу вышел из машины. Макс Воскресенского не замечал: смотрел под ноги, пытаясь не наступить в особенно глубокие лужи или навезённую со стройки колёсами грузовиков грязь.

– Максим! – окликнул его Воскресенский, делая шаг в его сторону.

Тот повернул голову, и на секунду в его глазах мелькнуло узнавание, но потом взгляд снова потух, став равнодушным и безжизненным. Макс зашагал дальше, словно ничего не видел и не слышал. Ви догнал его:

– Подожди секунду, пожалуйста! Нам нужно поговорить!

Не поднимая головы и не замедляя шага, Макс скороговоркой, сквозь зубы произнёс:

– Идите вместе со своими разговорами на хуй!

Воскресенский обогнал его и встал впереди, перекрыв дорогу:

– Я понимаю, что ты злишься на меня, но нам надо поговорить. Я специально приехал...

Макс, которому Ви не давал пройти, опять окрысился:

– Отстаньте от меня! Или я сейчас ребят со стройки свистну, скажу, что ко мне какой-то пидор пристаёт.

– Ты этого не сделаешь.

– Ещё как сделаю! С огромным удовольствием, – прошипел Макс.

Ви поймал себя на том, что думает сейчас совершенно не о тех вещах. Он наконец сумел хорошо разглядеть Максима: тот был в низко натянутой на лоб тёмно-серой шапке, и вот так, без привычной копны светлых волос выглядел другим. Черты лица стали жёстче, твёрже, злые глаза казались больше, а боковой свет, словно чернилами, очерчивал изгибы скул, подбородка, бровей. Костная структура лица просто великолепная, идеальная... Какая ещё костная структура?! Совсем с ума сошёл! Максим сейчас уйдёт, а он, как идиот, рассматривает его, чуть ли не ракурс съёмки выбирает.

– Можем мы две минуты поговорить по-человечески?

– Могли. Вы сами не захотели. Что вам теперь нужно?

Отлично. Возможно, какой-то диалог и получится. Макс стал отвечать более осмысленно.

Им пришлось прижаться к краю дорожки, чтобы пропустить пару работяг со стройки.

– Мне нужно кое-что тебе объяснить. Здесь не самое подходящее место, посреди какой-то лужи, да и люди всё время ходят. Давай хотя бы в машину сядем.

– Хорошо, – ответил Макс, не глядя в глаза. Ему вообще-то было любопытно, с чего вдруг Воскресенского принесло в их город, но видеть Ви было тяжело: фразы из письма до сих пор всплывали в памяти. «Я не заинтересован в такого рода предложениях».

Сволочь.

Они вернулись к машине. В салоне было тепло и уютно после улицы.

– Давай тебя до дома довезу заодно, – предложил Воскресенский, не зная, как начать разговор, тут же обругав себя за то, что ничего умнее не выдумал. Опять подвозить собрался... в который уже раз.

– Не надо, я тут близко живу.

– Тогда тем более, – Воскресенский повернул ключ в зажигании. – Или куда-нибудь в другое место? Может, в кафе или ресторан, я не знаю? Где-то можно посидеть и поговорить?

– Мы как-то уже хотели посидеть и поговорить, – злопамятно бросил Макс. – Я вас полтора часа прождал. Спасибо, больше не хочется.

Воскресенский вздохнул:

– Прости, пожалуйста, за тот раз. И за письмо. – Они подъезжали к перекрёстку, и Ви ничего не оставалось, как прервать начатые извинения и спросить, куда ехать дальше.

– Пока прямо, до следующего светофора. Там налево и сразу во двор.

Чёрт, Максим на самом деле жил очень близко. За две минуты поговорить не успеешь. Надо бы выложить всё прямо сейчас, не теряя времени, но это оказалось не так-то просто. Легче было говорить о какой-нибудь бессмысленной ерунде.

– Маргарита сказала, что ты от очень хороших проектов отказался. – Так как Макс не отвечал, угрюмо уставившись на свои колени, Ви продолжил: – На стройке больше нравится? Кем ты там работаешь?

– Помощником ГИПа.

– Это что такое?

– Главный инженер проекта.

– И что, получается?

– Вроде нормально, – Макс пожал плечами. – Сюда заворачивайте.

Они заехали во двор большого блочного дома без балконов, словно сложенного из одинаковых кубиков. Макс схватился за ручку двери.

– Раз ты никуда не хочешь со мной ехать, могу я подняться к тебе? – спросил Воскресенский.

Макс слегка опешил от такой наглости. Ви после всего ещё и в гости к нему напрашивается? Может, поговорить с ним и отделаться? Зачем же он всё-таки притащился? Не ради же того, чтобы с ним встретиться. Лицо Воскресенского казалось таким... знакомым, почти родным. Было время, когда он полжизни бы отдал, чтобы снова увидеть его, но не теперь.

– Ну, пойдёмте, раз уж приехали.

В подъезде было пыльно, грязно, накурено. Впереди в полутьме виднелись разрисованные двери старого лифта. Макс свернул куда-то в сторону, в тёмный коридор, по стенам которого висели поломанные синие почтовые ящики. Воскресенский молча шёл за ним вверх по неосвещённой лестнице, закиданной бумажками, бесплатными газетами и окурками. Они поднялись на третий этаж: перед ними был длинный коридор. Почти в самом его конце, возле грязного окна с полуживой геранью на подоконнике, была дверь поновее и почище большинства. Макс открыл её перед Ви:

– Прошу.

Они вошли в тёмную прихожую. Макс включил свет, и стало видно узкую нишу с плитой, низким холодильником и мойкой и две двери. Одна вела в небольшую комнату, оклеенную светло-салатовыми обоями, другая, как мог догадаться Ви, в ванную. Всё

было очень маленькое и какое-то унылое.

– Снимаешь? – спросил Воскресенский, осматриваясь по сторонам.

– Да. На что хватает. Извините, если не привыкли к таким интерьерам, у меня не Майами. – Макс снял запачканные белой строительной пылью куртку и шапку и скинул ботинки.

Ви не стал дожидаться приглашения и сделал то же самое.

Мебели в тесной комнате было мало: трёхстворчатый шкаф в углу возле двери, разложенный диван рядом, несколько полок на стене, старая тумба для телевизора (самого ящика не было), пара стульев, стол возле окна, на нём компьютер. Люстра с тканевым абажуром давала тусклый жёлтый свет.

Воскресенский поставил рюкзак на один из стульев и расстегнул молнию; начать говорить было трудно – он никогда не был мастером озвучивать свои чувства. Макс, прислонившись к столу, наблюдал за ним без особого любопытства – или же со старательно скрываемым. В руках Ви оказалось несколько блестящих глянцем журналов, четыре или пять штук.

– Вот, – произнёс он, открывая журналы на нужных страницах и выкладывая на стол. – Я несколько лет не мог снять ничего подобного, даже близкого.

Макс смотрел на яркие развороты со своими снимками. Последним он увидел тонкий журнал меньшего формата, где на обложке была та самая фотография, сделанная под дождём.

– Каталог моей выставки, – пояснил Воскресенский. – Этот снимок посчитали одним из лучших за всю мою карьеру.

– Я всё это видел. Соня показывала, – безразлично сказал Макс. – Приехали похвастаться своими достижениями? Поздравляю.

– Нет, я хотел сказать, что ничего этого не было бы без тебя. И с тех пор не прошло ни единого дня, чтобы я не вспомнил о тебе. Ещё я хочу извиниться. Я тогда поступил с тобой очень плохо. Это было жестоко и низко. Я ошибся и всё не так понял. – Воскресенский опустил глаза под прямым неприязненным взглядом Макса. – Я не приехал на встречу, потому что увидел в машине те документы и... Чёрт, неважно, как и почему, но мне сказали, что ты живёшь с Гартманом, и это так прозвучало... или я так услышал... я не знаю! Я подумал, что ты спишь с ним, со своим агентом. Вы же сами с ним это придумали: ты модель, а он агент.

Макс закрыл лицо ладонями и тяжело выдохнул. Он столько недель ломал голову, гадая, что произошло за те несколько часов между их разговором и назначенной в «Манхэттене» встречей. Но такого ответа он не ожидал. Как глупо, нелепо, обидно...

– Ты мне нравился, Максим, очень. Не с самого начала, конечно: сначала я на тебя больше злился. Я думаю, что ты тоже в конце проекта чувствовал, что между нами есть... притяжение. Я не знаю, каким ещё это словом назвать. Я для того и пригласил тебя тогда, чтобы сказать об этом. Мне было всё равно, что ты подумаешь, как ответишь. Я так радовался, когда ты согласился. Может, по мне этого и не было видно, но я радовался как ребёнок. А потом, когда я вдруг узнал, что ты... Это было как ножом по сердцу! И я уехал. Сбежал.

Макс смотрел на него широко раскрытыми глазами, испуганными и пустыми, так что Ви даже не был уверен, что он его слышит. Но Макс вдруг произнёс:

– Если бы вы ответили на мой звонок... Лучше бы вы опять наорали на меня, чем так...

– Я знаю, я за эти дни сотни раз об этом думал. Я просто идиот! Я обидел тебя, и сам потом столько месяцев мучился из-за собственного упрямства, из-за раненого самолюбия. – Воскресенский смотрел на свои пальцы, которые он переплёл друг с другом

и сейчас нервно сжимал и разжимал. Ему было стыдно смотреть на Макса. – А когда пришло письмо, я подумал, что ты просто хочешь сниматься и ради места в проекте готов... ну, ты понимаешь... Я совсем иначе думал о тебе во время съёмок, и читать это было неприятно, отвратительно. Ну, жил ты со своим агентом, подумаешь, многие так делают, но эта приписка в письме как будто уничтожила то последнее хорошее, что я помнил о тебе. Прости меня ещё раз. Мне только на прошлой неделе Соня рассказала, что Гартман твой родственник. Я приехал так быстро, как смог.

– Зачем?

– Извиниться. Объяснить, почему я так поступил. Я не жду, что ты простишь меня. Я просто хочу, чтобы ты знал. Для меня это важно.

– Я теперь знаю. На этом всё? – холодно спросил Макс.

Из-за стены донеслись громкие крики и ругань. Здесь вообще постоянно были слышны то споры, то музыка, то топот ног по потолку, то детский плач, но теперь соседи ссорились как будто бы прямо в этой квартире: можно было разобрать чуть ли не каждое их слово.

– Да, всё, – сказал Воскресенский и сделал пару шагов в сторону выхода из комнаты.

Макс пошёл за ним, чтобы закрыть дверь. На пороге в кухню-прихожую Ви резко остановился и обернулся – они с Максом оказались совсем близко друг от друга.

– Это правда, Максим. Ты мне очень нравился. Ты стал для меня вдохновением. И я до сих пор... – Воскресенский ненадолго замолчал. – Я хотел увидеть тебя все эти месяцы.

Он протянул к Максру руку и дотронулся до его щеки. Макс изменился: он как будто похудел, а коротко стриженные волосы были темнее тех, которые Ви помнил и видел на фотографиях. Он боялся, что Максим оттолкнёт его, но тот стоял неподвижно, позволяя касаться себя, как это было на фотосессиях, когда Воскресенский подправлял ему макияж или поворачивал голову нужным образом. Его прикосновение стало более сильным, уверенным. Макс чуть качнул в ответ головой:

– Нет... Слишком поздно. Я почти забыл и не хочу снова... – тихо произнёс он, хотя в глубине души понимал, что до сих пор больше всего на свете хочет одной вещи: чтобы Ви смотрел на него вот так – с ожиданием, чувством, желанием, как на настоящего человека, а не как на послушный манекен.

Воскресенский не дал ему договорить – он понял, что глухая оборона дала трещину, и не собирался упускать шанс – он притянул Макса к себе и поцеловал: сначала в висок, очень нежно, почти неощутимо, словно ребёнка. Потом его губы скользнули по щеке, и лёгкие короткие поцелуи полетели бабочками по всему лицу, не касаясь губ Макса, будто бы боясь спугнуть.

Макс хотел вырваться, но тело не слушалось, так головокружительно-приятна была эта ласка. Он прекрасно понимал, что негодяй Воскресенский делает: тот был намного опытнее его, знал, как завлечь и соблазнить, как разбудить желание; но всё равно уступал ему. Макс ненавидел Ви за боль и унижение, через которые тот заставил его пройти, но и любил его за... За что? Просто за то, что тот был Алексеем Воскресенским, тираном-фотографом, на каждой фотосессии выворачивавшим его душу наизнанку, требовавшим от него невозможного и получавшим его. Получавшим всё, абсолютно всё...

Чтобы не дать Ви целовать себя, Макс запрокинул голову назад и сбивчиво произнёс:

– Вы понимаете, что я ненавижу вас?..

Воскресенского, который был выше Макса, это движение ничуть не смутило. Он на мгновение коснулся губ, теперь словно подставленных для поцелуя, и сказал:

– Тебя...

– Что? – не понял Макс.

– Скажи: ненавижу тебя.

Макс разомкнул губы, шепча между поцелуями:

– Ненавижу тебя! Ненавижу, ненавижу, ненавижу тебя...

А потом был их первый настоящий поцелуй: страстный, глубокий, долгий, в котором сконцентрировались все те чувства, что многие месяцы не находили себе выхода. Макс казалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди. От переполнявших его эмоций ему хотелось одновременно плакать и смеяться, прижаться к Ви сильнее и убежать куда-нибудь, где он мог бы остаться один, чтобы осознать и убедить самого себя, что это всё правда. Нахлынувшее на него ощущение счастья было и слишком сильным, и слишком неожиданным, ошеломляющим. Как ни глупо это звучало, он не был готов к нему.

Макс опустил голову и спрятал лицо на груди у Воскресенского. Опять эти старые чувства: смесь восторга, желания и смущения. Ви прижимался губами к его шее и уху и шептал:

– Прости меня! Пожалуйста, прости меня.

Они замерли так на несколько секунд. Вдруг особенно громкий вопль донёсся из-за стены:

– Ненавижу тебя! Ненавижу, скотина! всю жизнь мне испоганил, мудака!

Макс и Ви хором расхохотались. Они смеялись чуть не до слёз, не выпуская друг друга из объятий. Когда смех прекратился, Воскресенский обхватил ладонями щёки Макса и заставил его поднять лицо:

– Дай мне посмотреть на тебя... Я так скучал, безумно скучал.

Ругань за стеной продолжалась, откуда-то сверху долетали громкая музыка и женский визг. И среди этого шума и хаоса, на пороге крохотной тёмной прихожей, они стояли и смотрели друг на друга как в первый раз, словно только сейчас видя и понимая. Это было то самое несуществующее место и время, о котором думал когда-то Макс, где они были не моделью и фотографом, а просто двумя людьми, тянущимися друг к другу.

– Где деньги, зараза?! – ругались за стеной. – Где деньги, уёбище?! Жрать дома нечего, а ты...

– У меня тоже есть нечего, – рассмеялся Макс. – Я хотел после работы зайти в магазин, но всё забыл.

– Совсем-совсем ничего нет?

– Даже хлеба, – покачал головой Макс и, чуть подумав, перечислил, что у него было: – Есть кукурузные хлопья, кетчуп, пакет риса и два апельсина.

– Можно сделать салатик, – предложил Ви. – А если серьёзно, я могу доехать до магазина. Или мы вместе.

– Мы по дороге сюда проезжали «Перекрёсток», он ближе всего. А я лучше здесь останусь.

– Хорошо. Ты точно не забаррикадируешься изнутри, пока меня не будет?

– Нет, – растерянно и смущённо улыбнулся Макс. – Не забаррикадируюсь.

Он выпроводил Воскресенского, чтобы прийти в себя: всё происходило слишком стремительно для него, – и чтобы успеть быстренько вымыть голову. За полдня на стройке на волосах оседал такой слой цементной пыли, что они чуть не коркой покрывались. Тем более что сегодня он проторчал пару часов на цокольном этаже, где в стенах выдалбливали новые каналы под провода: то, что было сделано, не сошлось с проектом по электрике. Предстояло ещё выяснять, чей это был косяк. Он думал о работе, которая последнее время постоянно занимала его мысли, на удивление отстранённо, словно все эти проекты были где-то в другой жизни.

Когда Ви вернулся с едой, бутылкой вина и коробкой с шестью бокалами («Уверен, у тебя их нет»), они расположились на диване, из двух поставленных рядом стульев устроив импровизированный стол. Настоящий стол Макс трогать не советовал: он не был уверен, что тот не развалится при переносе. Остальная хозяйская мебель была не в лучшем состоянии: у шкафа одна дверца открывалась только после хитрых манипуляций, а диван не складывался. Шум, доносившийся из других квартир, не утихал, соседи уже выясняли отношения в общем коридоре, несколько раз кто-то даже стучал в дверь, требуя позвать Юрика. Воскресенский хотел выйти и доходчиво объяснить, что Юрика здесь нет, но Макс удержал его:

– Да ладно, сами уйдут. Не связывайся. Тут почти каждую пятницу и все выходные такое.

Макс и Ви сидели на диване, рассказывали друг другу о том, что происходило в их жизнях последние месяцы, и вообще о себе. Макс ощущал лёгкое головокружение, но неизвестно, было ли оно от вина или оттого, что Ви был так близко от него. Они иногда случайно касались друг друга, а Воскресенский один раз совсем даже не случайно потрепал Макса по мокрым волосам, но перейти черту пока не решались.

Наконец Ви взял Макса за руку и слегка потянул на себя, потом заключив в объятия. Его немного удивляло то, что Макс совершенно не сопротивлялся, даже инстинктивно, как будто доверял ему полностью, безгранично и отдавал себя в его руки. От того, как охотно, жадно и одновременно несмело он отвечал на его поцелуи и ласки, у Воскресенского встал комок в горле, настолько это было искренне и трогательно. Ви никогда не испытывал ничего подобного.

Он снял с Макса футболку и начал покрывать поцелуями его плечи, грудь, живот, бледную, почти без следов загара кожу, такую тёплую, нежную, совсем юношескую. Затем он снял с него джинсы. Свет в комнате был выключен, и из прихожей падали косые лучи, вычерчивая на теле Максима каждую ямку, каждый напряжённый мускул или тонкую косточку. Господи, что этот хрупкий, красивый, изящный, словно фарфоровая статуэтка, мальчик делал в жуткой дыре, среди убогой мебели, на сломанном диване, среди пьяных криков?! Его хотелось схватить и немедленно забрать отсюда.

– Я мечтал об этом... – тихо сказал Ви, очерчивая ладонью контуры мышц на животе Макса.

– Ты всё уже видел, и не раз.

– Да, видел. Но я не мог касаться тебя.

Макс сам начал расстёгивать рубашку на Ви. Даже в полумраке комнаты были видны следы от ожогов. На настоящие ожоги они не были похожи – просто полосы розовой зарубцевавшейся ткани на груди, животе, сгибах локтей. Менее заметные следы были на руках ближе к запястьям и на шее с одной стороны. Макс осторожно провёл пальцами по одному из шрамов, словно боясь причинить боль.

– Мне уже не больно, – произнёс Воскресенский, пристально глядя на Макса голубыми глазами, в темноте казавшимися невероятно яркими на смуглом лице.

Макс не испытывал абсолютно никакого стеснения перед Ви, и нагота другого мужчины его тоже не пугала. Когда-то он слышал фразу «Когда любишь, пол не имеет значения», теперь же он не просто понимал её, он чувствовал правоту этих слов где-то глубоко внутри. Их полностью обнажённые тела сплетались и вжимались одно в другое, иногда на секунды расходясь, чтобы потом лишь сильнее прильнуть друг к другу. В этих движениях был одним им понятный ритм, страстное единение и невероятная близость.

Когда пальцы Ви завладели его членом, Макс подумал, что всё будет так же, как тогда на съёмке, с той лишь разницей, что у него уже была эрекция. Но Воскресенский,

сделав лишь несколько движений, крепко обхватил его за бёдра, немного подтолкнул вверх, на подушки, а сам склонился над его членом. Он коснулся его губами и сделал несколько движений языком, тут же успев ухватить и прижать к дивану рванувшегося в сторону Максима. Он понимал, что тот чувствует сейчас: ему, конечно, нравится – это не может не нравиться – но он думает, что партнёр делает ему одолжение; Макс не понимает, что другому это тоже доставляет удовольствие. Это было возбуждающе и приятно: чуть шероховатая бархатистая поверхность, нежная, как нигде больше, гладкая влажная головка, вкус, запах, жар, напряжение, медленное скольжение языка, еле заметный трепет тела. Тела дорогого человека... Когда-нибудь Максим всё это поймёт.

Макс чувствовал, как его бёдра совершенно помимо воли приподнимаются, подаются вперёд и начинают ритмично покачиваться. Он словно терял контроль над собственным телом. Когда он увидел, как Ви берёт в рот его член, ему будто в голову что-то ударило: головокружение, гулкое биение крови и невыносимое желание. Он вряд ли мог назвать свой предыдущий сексуальный опыт богатым, но всё равно такого он не испытывал никогда. Он наблюдал как зачарованный, не в силах отвести глаз, и от каждого движения лавинообразно усиливались возбуждение и томительное тепло в ногах, животе и паху, которое как будто бы густело и накапливалось, пока не достигло невероятной, нестерпимой уже сладости.

– Я сейчас... вот сейчас... – еле сумел произнести он.

Он изогнулся всем телом, запрокинув голову, и застонал, забыв обо всём на свете, вжимаясь в любовника сильнее и резче.

Потом они просто лежали, обнявшись и бессознательно проводя пальцами по влажным телам друг друга. Через пару минут рука Макса нащупала член Ви, несколько раз осторожно сжала, а потом начала движения вверх и вниз. Ви прикрыл глаза и улыбнулся. Макс так редко видел улыбку на его лице, он сделал бы многое, чтобы видеть её снова, снова и снова... Он прижался губами к приоткрытому рту Воскресенского, нашёл своим языком его язык и начал целовать, не прекращая движений пальцами. Он не верил, что делает это... Что с ним происходило? Он словно с ума сходил...

Они перевернулись так, что Ви оказался внизу, а Макс устроился сидя на его бёдрах. Воскресенский взял в руки его член и, дождавшись наступления эрекции, разжал пальцы Макса и придвинул его ближе к себе так, чтобы их члены соприкасались. Макс сразу уловил идею.

– Только не торопись, хорошо? – сказал Ви. – Иначе я кончу гораздо раньше тебя.

Макс кивнул. У него самого язык ни за чтобы не повернулся сказать что-нибудь на эту тему, но Ви нисколько не стеснялся учить его и направлять. Макс глядел на его лицо, широкую грудь с негустыми тёмными волосами там, где не было ожогов, почему-то стыдясь, не смея посмотреть ниже, где соприкасались и тёрлись друг о друга его и Воскресенского члены и пальцы. Ви тоже поднял на него глаза: они так и смотрели друг другу в глаза до самого того момента, когда Макс почувствовал приближение оргазма. Веки опустились сами собой, словно внутри жила какая-то особая сила, которая завладевала его разумом и телом, заставляла бесстыдно раскачиваться на бёдрах любовника, сильнее сжимать в руках его член и без стеснения стонать от удовольствия.

Когда всё было кончено, он опустил на скользкий от спермы живот Ви и прижался к нему всем телом. Тот обнял его.

Утром Воскресенский проснулся от солнечного света, яркого даже сквозь задёрнутые шторы, и от ходьбы, перестуков и шума воды за стеной. Где-то далеко плакал ребёнок, поближе уже ругались и кричали. Ви достал из кармана рюкзака прозрачный пакетик с застёжкой-молнией, где хранились зубная щётка, паста и прочие туалетные

принадлежности, и тихо ушёл в ванную. Он уже много лет не видел таких комнат со стенами, выкрашенными зелёной краской до уровня глаз, а выше побеленными. Он никогда не понимал, зачем это делалось. Когда он включил воду, трубы взвыли, затряслись, но через несколько секунд успокоились.

Что ему делать с Максимом? Как оставить его здесь, в этой комнате с поломанной мебелью и вечно пьяными соседями за стеной? Сегодня была суббота, а уже в понедельник Воскресенскому нужно было лететь назад в Штаты.

Он вернулся в комнату: Макс поменял позу, раскинувшись на весь диван, но по-прежнему спал, невероятно красивый, совсем юный, беззащитный. На правой щеке остались следы от подушки, нижняя губа капризно, по-детски выдавалась вперёд.

Ви сел на стул, стоявший в паре шагов от постели. «Что мне делать с тобой? Как мне теперь уехать от тебя? Максим, мальчик мой, родной, милый, светлый... Моё сокровище, моё вдохновение... Ты простил мне все те ужасные вещи, а я... я опять собираюсь оставить тебя».

Руки невольно потянулись к рюкзаку, чтобы достать фотоаппарат и запечатлеть этот момент, но Воскресенский сдержался. Это было бы... нечестно. Он должен помнить сам, на всю жизнь удержать эти волшебные секунды в душе и сердце.

[1] Whole Foods Market – сеть магазинов, специализирующаяся на здоровом, органическом и экологически чистом питании.

Глава 12

Они провели субботу практически не выходя из квартиры, Воскресенский только свозил Макса на обед в ресторан. Остальное время оба бездельничали и болтали, валяясь на диване: больше нигде они не могли бы вот так разговаривать, касаясь друг друга, обнимая или целуя. Оба чувствовали оторванность от мира – ничего вокруг не существовало, были только они.

Утром Ви сказал то, о чём промолчал вчера: в понедельник у него был самолёт в Нью-Йорк. Предстоящая съёмка для американского «Vogue» была делом, которое нельзя было ни отложить, ни пропустить. Макс не сказал ничего кроме: «Да, я понимаю». Сначала он был будто бы немного расстроен, но потом вернулся к прежнему радостно-спокойному настроению: у них был всего лишь один день, и надо было пользоваться тем, что есть.

– Поехали со мной завтра в Москву, – предложил ближе к вечеру Ви.

– Зачем? – спросил Макс. Его голова лежала на плече Воскресенского.

– Ещё один день вместе, вот и всё. – Рука Воскресенского легла на его коротко стриженные волосы. – И ещё одна ночь. В понедельник сядешь на поезд и вернёшься.

– В понедельник я должен быть на работе.

– Нельзя отпроситься на один день?

– Я могу позвонить, попробовать, – неуверенно начал Макс, но по тону было понятно, что он хотел бы поехать. Это давало им лишь сутки, большая часть которых уйдёт на дорогу до Москвы и сон, но даже если это были всего несколько часов вместе с Ви, то они того стоили.

Они приехали в Москву ближе к вечеру в воскресенье. Воскресенский загнал машину в гараж, чтобы потом специально не тратить на это время, и дальше они поехали на метро. Квартира Ви – большая трёшка на четвёртом этаже многоэтажки – была в десяти минутах ходьбы от станции «ВДНХ». Макс быстро пробежался по комнатам. В кухне и ванной был сделан хороший стильный ремонт, остальное оказалось весьма обыкновенным.

– Нет времени довести ремонт до конца, – пояснил Ви. – Я в Москве бываю месяца два в году, и всегда дел выше крыши.

– Тебе для одного не много места? – спросил Макс.

– Когда я покупал, то жил не один. Но да, она большая. Мне бы на такую тогда денег не хватило, но от бабушки полквартиры осталось в наследство.

– А вторая половина? – поинтересовался Макс, только потом поняв, что вопрос был не особо тактичным.

– Вторая – младшему брату.

– У тебя брат есть?

– Есть. Я, правда, его лет пять не видел. Созваниваемся только по большим праздникам.

– Почему?

Воскресенский усмехнулся:

– Догадаешься с трёх раз? Родители даже по телефону со мной не разговаривают уже много лет. Я, пока учился и в Штатах работал, им особо ничего не рассказывал, а потом... Ну, я жил с женщиной, в смысле постоянно жил, и здесь тоже. Конечно, они узнали. Теперь общаюсь только с тёткой, она сообщает, что с ними и как.

Макс ничего не ответил, только чуть поджал губу. Он вдруг живо представил себе, что будет, если Стас про них с Воскресенским узнает. Нет, даже думать про такое не

хотелось.

Ви пошарил рукой за холодильником и включил его в розетку: по дороге они купили кое-что из еды на ужин и завтрак. Когда Воскресенский открыл дверцу, то сразу раздался возглас:

– Соня, мать её! Чтоб я ещё раз пустил её сюда!..

Воскресенский вытащил из холодильника пакет с чем-то, возможно, бывшим когда-то виноградом и одноразовый пластиковый контейнер с... хм, с плесенью. Конкретнее сказать было трудно.

– А если б я сюда до августа не приехал? Оно бы открыло холодильник изнутри и ушло. – Ви выбросил гадость в мусорное ведро и сполоснул руки. – Мерзость какая...

– Ты в августе приезжаешь? – спросил Макс.

Ви подошёл к нему и обнял:

– Мы что-нибудь придумаем. Я не хочу... не могу ждать до августа. Это четыре месяца. У меня в мае съёмки в Европе, ты можешь приехать ко мне.

Макс соединил руки на поясе Воскресенского.

– У меня работа и диплом. И загранпаспорта нет, а до мая вряд ли сделают.

– Когда вернёшься, начни делать. Но диплом остаётся... Слушай, а тебя в армию не заберут? – обеспокоенно спросил Ви. Ему это только сейчас пришло на ум.

– Не-а, у меня в начальных классах травма головы была. Даже маленькая вмятина осталась, вроде ступеньки.

– Тут? – произнёс Воскресенский, дотрагиваясь до головы Макса возле левого уха.

– Ага, тут.

– Я заметил, – прошептал Ви, касаясь губами волос Макса.

Его что-то разбудило посреди ночи. Он долго лежал в темноте, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить Максима, спавшего рядом, но понял, что сон пропал окончательно. Ви тихонько поднялся и ушёл на кухню. Времени было три утра. Уже сегодня после обеда у него самолёт, а у Макса поезд. Вот и всё. Двое с небольшим суток пролетели, словно их и не было вовсе.

Через полчаса Воскресенский вернулся в спальню и лёг в кровать. Под одеялом было тепло. Максим всегда был очень горячим, словно с температурой. Он ещё раньше это заметил, во время съёмок.

– Не спится? – спросил Макс, протягивая к нему руку.

– Разбудил тебя? – Воскресенский сжал лёгкие ему в ладонь пальцы. – Ещё совсем рано. Спи.

Макс перекинул через него руку и тихо произнёс, почти прошептал, на ухо:

– Я хотел спросить, почему ты... – он немного помолчал, потом продолжил: – Ты не хочешь меня, ну... по-настоящему?

Ви развернулся к нему:

– То, что я не стал делать это в первый же день, не значит, что я не хочу. Слишком рано – вот и всё.

– Почему рано? Я всё знаю...

– Ты ничего не знаешь, – улыбнулся Воскресенский, прижимая Макса к себе. – Это вовсе не обязательная часть программы. Многие пары вообще никогда таким не занимаются, потому что далеко не всем нравится.

– Ну и пусть не занимаются! Почему *ты* не хочешь?

Ви сел на кровати и покачал головой:

– У нас очень мало времени, и если тебе не понравится – а первый раз тебе, скорее всего, не понравится – ты так и останешься с этими не самыми приятными впечатлениями и о сексе, и обо мне. Возможно, мы не увидимся несколько месяцев после этого. Не хочу всё портить. Я и так уже наломал дров.

– Можно подумать, что когда-нибудь потом всё будет иначе.

– Да, именно так и будет. Ты будешь доверять мне и не постесняешься сказать, если что-то не так.

Макс забрался на Ви и устроился на его коленях лицом к лицу:

– Я тебе доверяю. Мне хорошо с тобой. А если ты уедешь, я так и буду думать... я так и не узнаю... Ничего не узнаю. Когда тебя не было, я всё время вспоминал про ту фотосессию в номере. И даже про то, как ты накинулся на меня в гостинице, потому что мне нечего больше было вспомнить. Я не умею объяснять всё так хорошо, как ты, но ты ведь понимаешь, да?

– Я понимаю, – ответил Воскресенский, целуя Макса в губы.

Макс немного придвинулся к нему, обнял и начал целовать, настойчиво ёрзая по бёдрам Ви. Эта попытка соблазнения была такой искренней, милой и неловкой, что у Воскресенского подступил комок к горлу. Что он сделал такого хорошего в жизни, что получил этого удивительного мальчика? Чем он заслужил это счастье?

Ви легонько куснул Макса за нижнюю губу, провёл ладонями по его узкой спине от плеч к пояснице и шумно выдохнул:

– Чёрт, я ведь не железный! Я хочу тебя, очень-очень тебя хочу... – Он начал целовать его шею, плечи, выступающие ключицы, чувствуя, как от его поцелуев твердеет член Максима; у него самого уже давно стояло, с самого начала их разговора. – Безумно хочу...

Воскресенский на несколько секунд отпустил Макса и нагнулся к стоящей возле кровати тумбочке, чтобы порыться в выдвижном ящике. Ему было почти стыдно перед Максимом за то, что он привёл его в эту квартиру и занимался с ним сексом на той же самой кровати, где когда-то спал с Данилой. Нет, Данила тут ни при чём, он был важной частью его жизни, и этого незачем стыдиться... Но уже после него, после пожара и долгих месяцев в больнице он спал в этой самой постели с многими другими (правда, ни с кем больше одного раза), и здесь всё нужное было под рукой на случай, если он вдруг встретит кого-то и притащит домой.

Он, ни на миг не переставая целовать Макса, уложил его на спину. Тот развёл ноги, словно этого и ждал. Ви не торопился – рядом было достаточно других чувствительных мест, которые можно было ласкать, гладить, сжимать. Когда его палец скользнул внутрь, Максим распахнул до этого полузакрытые глаза – от неожиданности, не от боли, и даже в почти совсем тёмной комнате было видно, как напряглись мышцы у него на животе, ноги он тоже непроизвольно свёл, но совсем чуть-чуть.

Воскресенский сделал несколько осторожных движений.

– Мне не больно, – тихо сказал Макс.

– Я знаю. Но ты сильно меня сжимаешь. Если ты передумал...

– Нет, я не передумал.

Ви старался быть очень нежным и аккуратным, он меньше всего на свете хотел причинить Максиму боль, хотя и понимал, что вряд ли удастся избежать её совсем. Он добавил ещё один палец, не сводя глаз с лица Макса, чтобы понять, что тот чувствует.

Он сел удобнее и свободной рукой начал поглаживать член Макса, чтобы отвлечь партнёра от, возможно, неприятных ощущений, и, может быть, чтобы отвлечь себя: быть

внутри – даже пальцами – оказалось настолько волнующе и сладко, что он стискивал зубы, чтобы не застонать. Ви осторожно растягивал Максима и готовил, пока не почувствовал, что он уже не так напряжён и даже иногда приподнимает бёдра, реагируя на более сильное сжатие члена. Он попробовал ввести ещё один палец, но быстро передумал: он только замучает Максима раньше времени.

Через пару минут он убрал руку и наклонился к члену Максима, несколько раз поцеловав и лизнув. Парень задрожал в ответ. Поцелуи Воскресенского побежали вверх, по животу и груди к шее и уху.

– Если ты всё ещё хочешь... – прошептал он.

– Да, – только и произнёс Макс. Он перевернулся на живот, обхватив обеими руками лежавшую рядом подушку. Прохладное, гладкое почти как шёлк бельё холодило пылавшие лоб и щёки.

Воскресенский предпочёл бы, чтобы он остался лежать на спине – так бы он мог видеть и слышать его – но не стал настаивать, тем более в такой позе самому Максиму будет легче. Он гладил его плечи, острые лопатки и худые мускулистые бёдра, целовал так просто и откровенно отданное ему тело, юное, красивое, жаркое, трепещущее. Он мог бы смотреть на него бесконечно. Оно не было идеальным, но для него, именно для него, оно было самым дорогим, чудесным и желанным.

Когда он начал входить в Максима, то хотел сказать, что они могут остановиться, если будет нужно, но он уже не был уверен, что сможет теперь остановиться. Он так сильно хотел им обладать, что едва сдерживался от того, чтобы не толкнуться внутрь быстрее, сильнее и не войти в него сразу, одним движением. Ви увидел, как мальчик глубже вжимался в подушки, но не пытался ни вырваться, ни поменять позу – он принимал его. Понимать это, переживать за него и одновременно испытывать столь жгучее, нестерпимое желание было мучительно и сладко одновременно. От этого приправленного горечью блаженства можно было сойти с ума: оно разрывало ему сердце на части.

Он двигался медленно, размеренно, с каждым разом проникая чуть глубже в жаркую и тесную плоть и чувствуя произвольные ответные движения Максима – мягкое сжатие и покачивание в одном ритме с ним. Ви приподнял бёдра любовника немного выше, чтобы было легче достать до его члена, и сжал его. Эрекция у Макса наполовину пропала, но с каждым движением руки Ви медленно возвращалась. А сам Воскресенский был уже почти на грани: ощущения были острыми и восхитительными и продолжали усиливаться, хотя это не казалось уже возможным. Он не стал сдерживаться и оттягивать оргазм, из-за чего тот наступил очень быстро, заставив Ви стонать и содрогаться всем телом, прижавшись к изогнутой спине Максима и кусая его плечо.

– Я не сделал тебе больно? – спросил он, едва переведя дух.

Макс повернул голову:

– Нет. Всё хорошо.

Ви хотел выйти из него, но тот попросил:

– Останься. Я хочу так, с тобой...

Воскресенский только сейчас сообразил, что его правая рука до сих пор держит член Макса. Он начал двигать ей, слегка надавливать и сжимать, стараясь быстрее довести до оргазма. Пусть потом, пусть на пару минут позже него... это всё равно было гораздо лучше полного отсутствия желанья. Когда Максим кончал, по всему его телу пробежала такая невыносимо приятная, страстная судорожная дрожь, что Ви ощутил, как его член внутри Макса снова твердеет.

Макс тоже это почувствовал, и где-то глубоко в душе ему стало от этого хорошо.

Больно не было, кроме, может быть, первых секунд: необычно, иногда не особо приятно, но не больно, а порой даже проблескивали искорки удовольствия, но он был в таком напряжении, почти граничившим со страхом, что не был способен на них сосредоточиться. Теперь же ему даже нравилось ощущать Ви в себе и находить в этом странное удовлетворение, словно они становились ещё ближе друг другу.

И всё-таки до конца примириться с испытываемыми чувствами было сложно. Последние дни походили на безумие, на помешательство, на нелогичный, запутанный сон... И он боялся снова проснуться в своей крохотной комнате, где не будет никаких следов и доказательств того, что Воскресенский был здесь. Он не хотел просыпаться.

– Спасибо, – прошептал ему на ухо Ви.

Макс сидел на диване, ещё раз пересматривая, не забыл ли чего. Маленький рюкзак, который он взял с собой, был почти пустым. Самое важное лежало по своим кармашкам: документы, деньги, билет на поезд. Воскресенский ходил по квартире, проверяя, что всё, что нужно, выключено, окна закрыты, а в холодильнике на этот раз не оставлена еда. У него багажа тоже было немного: рюкзак с фотоаппаратом и вещами первой необходимости и маленькая сумка со сменой одежды. Пора было уезжать. Такси Ви уже вызвал.

Полдня пролетели неуловимо быстро, Макс и глазом моргнуть не успел. Они пообедали дома, потом Воскресенский ненадолго ушёл по каким-то своим делам, вернулся, вызвал такси – и всё. Они почти не разговаривали о том, что будет дальше. Об этом даже не хотелось говорить – только портить настроение, теряя драгоценные минуты, которых у них было так мало. Ви лишь сказал, что до конца года точно не сможет уехать из Штатов из-за уже заключённых контрактов, да и потом вряд ли вернётся в Россию, по крайней мере, он раньше этого не планировал. Может быть, Европа, но не Россия. Макс его понимал: для него здесь было мало проектов достаточно высокого уровня, ну и деньги тоже были другими. Он снимал самые разные вещи, но основным источником заказов всё равно оставалась индустрия моды; на родине масштабы были совершенно не те. У Воскресенского были сложившаяся карьера и имя. В отличие от него, Макс в общем-то было нечего терять.

– Машина уже здесь, – сообщил Ви, выглянув в окно.

Макс поднялся с дивана и вышел в большую прихожую. Он обернулся к Воскресенскому, стоявшему в дверях гостиной, и грустно улыбнулся:

– Каникулы закончились. Пора по домам.

Ви подошёл к нему и обнял:

– Это лишь на какое-то время. Надо всё обдумать, узнать. Я тебе позвоню, как только прилечу.

– Я знаю, но всё равно...

– Я понимаю, мне тоже тяжело.

Его рот нашёл мягкие и горячие губы Макса, и они долго целовались в прихожей, потому что теперь этого нельзя уже будет сделать нигде больше. Когда за ними закроется дверь квартиры, они попадут в другой мир.

Они сели в такси, и Воскресенский сказал:

– Какое-нибудь кафе поприличнее на Комсомольской площади или рядом, там подождёте, потом на Белорусский вокзал.

В машине они почти не разговаривали: Ви только давал Максиму кое-какие указания.

Его поезд отходил через четыре часа, и Воскресенскому почему-то было страшно оставлять его вот так одного, в большой и незнакомой Москве. Он понимал, что Макс не ребёнок, что он в состоянии самостоятельно добраться до своего города на поезде, даже если никуда и не ездил раньше кроме как на пригородных электричках, но не мог пересилить в себе беспокойства. Когда он сравнивал, как каждому из них предстояло добираться до дома, то понимал, что ему, пусть и дольше, но гораздо легче, комфортнее и безопаснее. Наверное, он зря переживал: поездка в поезде не была такой уж страшной вещью. Ага, неизвестно ещё, что за соседи будут в купе... Надо было брать СВ. И почему он сразу не подумал? Скорее всего, его тревога была как-то связана с тем, что произошло с Данилой: он боялся потерять и Максима тоже. Ему было страшно, что опять может случиться какое-то ужасное непоправимое несчастье, и он никогда больше не увидит этого мальчика, которого лишь недавно нашёл. Только не сейчас, пожалуйста, господи, только не Максим!..

В кафе они заказали по кофе, а Максиму ещё каких-то блинчиков. Такси ждало на улице.

– Сиди здесь и никуда не выходи, – снова инструктировал Максима Воскресенский. – Вокзал ты видел, не перепутаешь. Если за двадцать минут до отхода поезда выйдешь, и то не опоздаешь, к тому же поезд вряд ли раньше подадут. Нечего тебе там шататься, грязь да куча народу. Сиди здесь.

– Я уже слышал. Я всё понял. – Макс уже почти злился.

– Обещай, что будешь мне звонить, особенно если что-то случится, если нужна будет помощь. Пожалуйста, не стесняйся... Мне очень тяжело оставлять тебя тут, но раз иначе не получается, что поделать... Я хочу, чтобы ты приехал ко мне, когда закончишь учиться. Когда у тебя диплом?

– Защита в конце июня, но пока ещё выдадут.

– Значит, в начале июля ты уже сможешь приехать. Не так уж и долго. Я напишу тебе насчёт визы, я не очень в них разбираюсь, мне надо будет проконсультироваться с кем-нибудь. Легче всего получить В1/В2, но тебе могут не дать, потому что ты как раз заканчиваешь вуз. К тому же нам она не подходит, потому что я хочу, чтобы ты остался. Я не хочу, чтобы мы ездили друг к другу в гости. – Ви подождал, когда от их столика отойдёт официантка, которая принесла кофе, и продолжил: – Я бы забрал тебя с собой прямо сейчас, если бы мог, но все эти формальности... Твоя учёба, документы, визы... Мы что-нибудь придумаем, я обещаю. Ты ведь приедешь?

– Да, если всё получится. – Макс слегка растерялся. Они три дня не заговаривали об этом, и вдруг теперь, в последние минуты, Ви вываливает на него всё разом.

– Я попробую подыскать тебе работу там, несколько проектов. Маргарита найдёт агентство, чтобы всё было официально. Мне пока не приходит в голову никакой другой способ вытащить тебя отсюда. Тебя кто-то хотел снимать, мне Соня говорила... Потерпишь немного, меня же ты терпел. Только вот язык... Слушай, как у тебя с английским?

– Ближе к никак, – честно признался Макс. – В школе учил, конечно, но говорить совсем не могу.

– Понятно. Это проблема решаемая, – заявил Воскресенский, залпом выпивая чуть ли не всю чашку кофе. – Времени уже нет. Надо бежать. Осталась одна вещь...

Ви пошарил во внутреннем кармане куртки, вытащил белый конверт и быстрым движением сунул его Максиму.

– Тебе понадобится. Паспорт, виза, поездка на собеседование, да мало ли куда. На курсы английского походи, если время будет. Иними себе нормальную квартиру! Я

спать не смогу, если буду думать, что ты живёшь в этом сумасшедшем доме.

Макс дотронулся до конверта – тот был плотным и толстеньким.

– Тут... много.

– Средне. Сто пятьдесят.

– Я не могу...

– Я специально дал их тебе в последний момент, чтобы у тебя не было времени отказаться, – улыбнулся Ви своей особенной хитрой улыбкой, как будто он знал про Макса всё, больше, чем он сам, и встал из-за стола. – Мне пора.

Макс тоже вскочил на ноги, сжимая конверт с деньгами в руках. Ви обнял его и быстро прошептал на ухо:

– Я люблю тебя.

Он отпустил Макса, тут же развернулся и вышел из кафе. Макс, всё ещё растерянный, ошеломлённый этим неожиданным напором, сел на свой стул. Ви уехал. А он остался тут, с тарелкой блинов, чашкой чёрного кофе и пачкой денег. С беспорядочным ворохом воспоминаний и тихим шепотом Ви, до сих пор звучащим в голове.

Я люблю тебя.